

ПРОЛЕТАРИИ
ВСЕХ СТРАН,
СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Библиотечка

ПО НАУЧНОМУ
СОЦИАЛИЗМУ

зкс 961

129

ПОЛЬ ЛАФАРГ
ЗА И ПРОТИВ
КОММУНИЗМА
•
СОБСТВЕННОСТЬ
И ЕЕ
ПРОИСХОЖДЕНИЕ

ГОСПОЛИТИЗДАТ

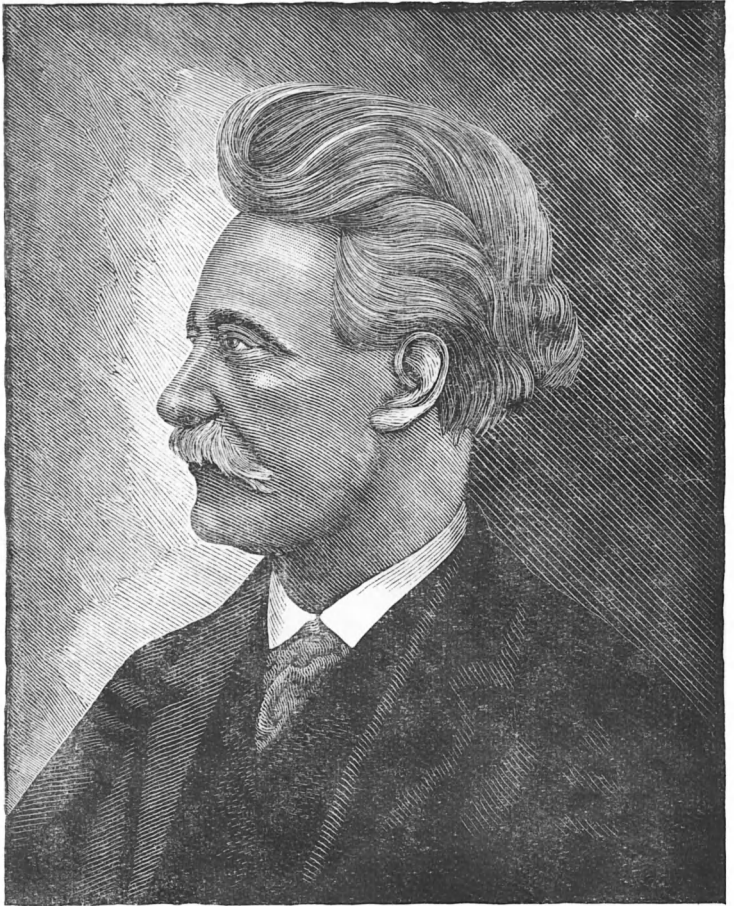
1959

ПОЛЬ ЛАФАРГ

ЗА И ПРОТИВ КОММУНИЗМА

СОБСТВЕННОСТЬ
И ЕЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ

Редакционная коллегия
«Библиотечки по научному социализму»:
А. В. РОМАНОВ, А. М. РУМЯНЦЕВ,
Н. В. ТРОПКИН, П. Н. ФЕДОСЕЕВ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Поль Лафарг (1842—1911) — ученик и друг Маркса и Энгельса, один из выдающихся деятелей французского и международного рабочего движения — сыграл большую роль в защите и популяризации марксистской теории.

Труды Лафарга неразрывно связаны с борьбой революционного марксизма против буржуазной идеологии, анархизма и реформизма, против ревизионизма Бернштейна и его единомышленников.

В конце XIX и в начале XX в. Лафарг написал ряд экономических работ в защиту основных идей «Капитала» Маркса и, руководствуясь принципами своего учителя, попытался проанализировать экономические явления капиталистического общества. Из этих работ наиболее интересен труд Лафарга «Американские тресты, их экономическое, социальное и политическое значение». Перу Лафарга принадлежит много работ по философии, направленных против попыток примирить материализм с идеализмом и соединить марксизм с философией Канта, — «Идеализм и материализм в объяснении истории», «Материализм Маркса и идеализм Канта», «О познании». Значительный научный интерес представляют труды Лафарга по языкознанию, литературной критике, а также мифологии.

Помещенная в настоящем выпуске работа Лафарга «За и против коммунизма» * является воспроизведением его речи, произнесенной на диспуте с редактором журнала

* Выступление Лафарга публиковалось также под заголовком «Коммунизм и экономическая эволюция». См. соч. П. Лафарга, т. 2, М.—Л., 1928.—(Прим. ред.)

«Социальная наука», противником социализма и рабочего движения, основателем «Анти-социалистической лиги» Демоленом 21 мая 1892 г. в Париже.

В этой работе Лафарг кратко изложил сущность научного коммунизма, показал его коренное отличие от утопического социализма. Коммунизм, отмечает Лафарг, является общественным строем, который с исторической неизбежностью должен сменить капиталистическое общество. В своем развитии капитализм подготавливает все материальные и духовные предпосылки для перехода к коммунизму, ликвидации частной собственности, классов и классовой эксплуатации, утверждению нового типа производственных отношений, которые будут отношениями дружбы и взаимопомощи между людьми.

Движущим противоречием, обуславливающим переход от капитализма к коммунизму, Лафарг, вслед за Марксом и Энгельсом, считает противоречие между общественным характером производства и частной капиталистической формой присвоения. Весьма убедительно Лафарг показывает растущую несовместимость общественного характера производства с частной собственностью. Капитализм обречен на исчезновение, но этот всемирно-исторический акт освобождения от последней формы эксплуатации не совершается автоматически. Для этого необходима осознанная и организованная борьба рабочего класса и всех угнетенных. Капитализм, усиливая эксплуатацию трудящихся, поднимает на борьбу многомиллионные массы, создает благоприятную почву для усвоения коммунистических идей.

Указывая на быстрое развитие техники, производительности труда, Лафарг подчеркивает, что коммунистический идеал распределения произведенных благ не включает в себя ничего утопического, нереального.

В выступлении Лафарга хорошо показано, что если капиталистическая частная собственность и конкуренция разъединяют людей, делают их антагонистами, порождают в буржуазном обществе алчность, жестокость, лживость, лицемерие, паразитизм, то утверждение коммунистического способа производства будет иметь самые возвышенно-гуманистические последствия для морального возрождения человечества.

Весьма убедительно Лафарг отвергает вздорные возражения Демолена против коммунизма, порожденные неве-

жеством и своекорыстными интересами буржуа. Об этом свидетельствуют попытки противника Лафарга отождествить грядущий коммунизм, рождаемый на базе высокой производительности труда и изобилия материальных и духовных ценностей, с первобытным коммунизмом, который был вызван причинами обратного порядка. Столь же примитивными и шаблонными являются рассуждения Демолена о том, что будто бы коммунизм гасит дух соревнования и творческую активность, фатально связан с бюрократизмом и т. п. Лафарг показывает полную несостоятельность этих буржуазных домыслов относительно коммунизма. И если и по ныншний день идеологи современной буржуазии прибегают к этим изношенным «аргументам», опровергнутым не только теоретически, но и практикой строительства социализма в СССР и в странах народной демократии, то это свидетельствует лишь о том, что буржуазная пропаганда не в состоянии выставить каких-нибудь серьезных возражений против принципов коммунизма.

Выступление Лафарга в защиту коммунизма основано на обобщении очень большого и разнообразного фактического материала и выделяется своей аргументированностью, прекрасным языком изложения, остроумными замечаниями и сравнениями. Не случайно, что оно издавалось и переиздавалось во многих странах.

Работа Лафарга не свободна от отдельных недостатков. Так, в ней не указывается на две фазы развития коммунизма, на отличительные особенности социализма и коммунизма, когда осуществляется принцип: «от каждого по его способностям, каждому по его потребностям». Лафарг ничего не сказал о роли диктатуры пролетариата и социалистического государства в строительстве социализма. Отдельные формулировки, например, «нация передаст средства производства организованным рабочим» без необходимых пояснений могут дать повод думать, что Лафарг в духе анархо-синдикализма игнорирует экономические функции социалистического государства. Изучение же работ Лафарга показывает, что он не отрицал исторической роли диктатуры пролетариата в переходе от капитализма к коммунизму. Однако в силу господствовавшего в то время взгляда, что социалистическая революция произойдет одновременно во всех капиталистических странах, Лафарг несколько упрощал задачи социалистического государства и полагал, что его существование будет очень кратким.

В работе «За и против коммунизма», правильно подчеркивая стремление марксистов осуществить переход к коммунизму мирными средствами, не прибегая к вооруженному восстанию и гражданской войне, Лафарг недостаточно четко намечает и другую возможность, когда рабочий класс в ответ на насилие буржуазии будет вынужден прибегнуть к революционному насилию. Следует отметить, что этот недостаток не является характерным для Лафарга-революционера, врага реформизма.

Большой интерес для изучающих теорию научного социализма представляет вторая работа Лафарга, включенная в этот выпуск, — «Собственность и ее происхождение». Она является ценным марксистским исследованием эволюции форм собственности, в котором убедительно опровергаются попытки буржуазных ученых и философов абсолютизировать капиталистическую частную собственность, представить ее неизменной и вечной экономической категорией. Лафарг доказывает полную несостоятельность этих попыток. С этой целью он анализирует докапиталистические формы собственности, показывает особенности этих исторически определенных форм присвоения материальных благ. Он исходит из того, что формы собственности менялись в связи с изменением производительных сил.

Отвергая буржуазные теории об изначальности и вечности частной собственности, Лафарг уделяет особое внимание первобытнообщинному строю, анализу господствующей в нем общинной собственности. На большом и неопровержимом фактическом материале Лафарг доказывает существование огромной полосы человеческой истории, когда люди не знали частной собственности на орудия и средства производства, не разделялись еще на антагонистические общественные классы. Конечно, за время, прошедшее после написания данной работы, наука накопила много новых фактов, которые дают возможность исправить и уточнить многие утверждения автора относительно тех или иных сторон первобытного коммунизма, но бесспорным остается общий вывод о существовании социального строя, не знавшего ни частной собственности, ни эксплуатации человека человеком.

Характеризуя этот строй, Лафарг местами идеализирует его, недостаточно четко подчеркивает тот факт, что отсутствие частной собственности и классов было резуль-

татом очень низкого уровня развития производительных сил. Однако Лафарг решительно прав, когда говорит, что даже в условиях крайнего бессилия человека перед стихийными силами природы существовавшая общинная собственность избавляла его от пороков и преступлений, связанных с частной собственностью, и наделяла его добродетелями, не известными цивилизованному частному собственнику.

В своем очерке Лафарг показывает, как в недрах первобытнообщинного строя складываются новые производственные отношения и связанные с ними формы собственности, которые подтачивают общинную собственность и готовят условия для возникновения частной собственности. Лафарг прослеживает изменения собственности на различных фазах родового строя: матриархального и патриархального родов, характеризует развитие и распад кровнородственных связей, постепенное исчезновение родственного состава производственных коллективов. Развитие орудий производства и рост производительности труда на последних этапах патриархата делают возможным производство прибавочного продукта, а вместе с ним и эксплуатацию человека человеком.

Следует отметить, что Лафарг слабо прослеживает роль усовершенствования орудий производства в изменении форм собственности и, в частности, в возникновении частной собственности. Это обстоятельство несколько снижает убедительность самих по себе правильных утверждений Лафарга. Серьезным пробелом является также отсутствие данных о возникновении рабовладельческой собственности как исторически первой формы частной собственности. Лафарг лишь попутно говорит о рабстве как об укладе в системе первобытнообщинного строя и не уделяет рабовладельческой формации и рабовладельческой собственности самостоятельного раздела.

Глава, специально посвященная феодализму, содержит большой и интересный материал, показывающий пути формирования феодальных отношений, возникновение собственности феодала на землю и неполной собственности на крепостного крестьянина. В то же время в этой работе рассматривается только период, когда феодализм вырастает в результате разложения первобытнообщинного строя. Лафарг обходит молчанием образование феодальных отношений в недрах рабовладельческого строя, не упоминает

даже о системе колоната. Наряду с правильными утверждениями об объективных экономических предпосылках возникновения феодальной собственности у Лафарга встречаются и отдельные определения, которые перекликаются с «теорией насилия». Так, Лафарг пишет: «Феодализм, рожденный войной, от войны и погиб» (см. стр. 115 настоящего издания). В действительности феодализм возник в результате обострения внутренних экономических противоречий рабовладельческого, а в ряде стран первобытно-общинного строя.

Немалый интерес представляют высказывания Лафарга о русской крестьянской общине. Они коренным образом расходятся с народническими взглядами на сущность и призвание крестьянской общины в переходе к утопически понятому социализму, минуя капиталистическую стадию развития.

Заключительная часть работы Лафарга посвящена анализу буржуазной частной собственности, всесторонней ее критике. Лафарг камня на камне не оставляет от попыток узаконения и морального оправдания буржуазной собственности. Он показывает грязные и кровавые пути становления капитала, его роль в порабощении подавляющего большинства членов общества. С большим интересом читаются страницы труда Лафарга, где дана характеристика финансового капитала, всемогущих монополий, которые стремятся закабалить весь мир, обездолжить и бросить в ряды пролетариата всех, кто еще владеет какой-либо собственностью.

Лафарг гневно разоблачает буржуазных экономистов, по утверждению которых «делить крупные предприятия на акции и облигации, это значит распространять собственность, демократизировать ее». Столь распространенные в наши дни лживые вымыслы о «демократизации» капитала еще 60 с лишним лет назад были предметом неотразимых атак Лафарга. Он писал, что «демократизация собственности» является средством в руках монополий «добывать из старых чулок и потайных шкатулок, где прятались деньги, все денежные капиталы», централизовать их в руках финансовой олигархии, а при возможности каким-нибудь мошенническим способом присвоить их. Лафарг показывает, как с каждым днем буржуазный государственный аппарат становится послушным орудием в руках кучки финансистов для удовлетворения их неутолимой жажды наживы.

Многие страницы этой замечательной работы Лафарг посвящает характеристике будущего коммунистического общества. Лафарг уверен, что человечество неизбежно придет к коммунизму. Его предпосылки подготавливаются внутри капиталистического строя. Социалисты до 1848 года, отмечает Лафарг, пытались выдумать новую организацию труда. Но эта организация возможна лишь в коммунистическом обществе. Коммунизм сможет удовлетворить все нормальные физические и умственные потребности человека. При коммунизме будет ликвидировано несправедливое разделение труда между мужчинами и женщинами, уничтожены классы. Коммунизм доведет до совершенства лучшие и благороднейшие качества человека.

Лафарг выражал глубокую уверенность в неизбежной победе коммунизма и с чувством волнения говорил о поколениях, которым суждено жить в обществе, основанном на общественной собственности. «Счастливы, трижды счастливы люди, которым суждено увидеть это обновление!» — так заканчивает Лафарг свой труд.

Работы Лафарга «За и против коммунизма» и «Собственность и ее происхождение» сыграли большую роль в защите и популяризации теории научного социализма. Они с интересом будут прочитаны советскими читателями.

Х. Момджян

ЗА И ПРОТИВ КОММУНИЗМА

(ДИСПУТ МЕЖДУ П. ЛАФАРГОМ И ДЕМОЛЕНОМ)

21 МАЯ 1892 г.

Милостивые государи и милостивые государыни!*

Предметом настоящего собрания является, собственно говоря, не дискуссия, а скорее изложение двух противоположных взглядов на социальное развитие. Г. Демолен полагает, что развитие нашего общества приведет к индивидуализму или, вернее, к его крайней форме — *партикуляризму*¹; мы же, ученики Маркса и Энгельса, напротив, думаем, что развитие экономических явлений неизбежно ведет к восстановлению коммунизма, т. е. к *обобществлению средств производства*, что отчасти уже осуществилось, и к обращению в общее достояние всех средств *потребления*, составляющих в настоящее время монополию одного только сравнительно небольшого класса, все уменьшающегося в своей численности именно благодаря этому развитию экономических отношений.

Я с удовольствием пользуюсь случаем развить коммунистические теории перед публикой, отличающейся от той,

* Диспут о социализме между Лафаргом и Демоленом происходил в большом зале Парижского географического общества. Зал, вмещающий тысячу человек, был переполнен. Там находились преимущественно представители буржуазии, среди которых было много академиков, профессоров, священников и юристов. Лафарг, которому предстояло выступить перед такой привилегированной публикой, смог только достать пятьдесят входных билетов для своих друзей — социалистов.

Речи Лафарга воспроизводятся так, как они были застенографированы.—(Прим. ред.)

к которой я привык обыкновенно обращаться. Выполняя здесь роль пропагандиста, я хочу попытаться бросить семена социалистических и философских идей и постараюсь вербовать приверженцев. Я хочу воспользоваться случаем разрушить некоторые обвинения, возводимые на коммунистов.

Наши враги приписывают нам проповедь убийств и грабежа. Вы будете сами судить о том, совместима ли такая проповедь с нашими теориями.

Те из наших противников, которые хотят быть любезными, смотрят на нас, как на утопистов, на мечтателей. Они говорят нам: «Да, общество, о котором вы мечтаете, прекрасно; несомненно, было бы желательно, чтобы равенство господствовало между людьми. Но вы не знаете человеческой природы, которая, по существу своему, склонна ко злу. Начните с исправления людей, прежде чем исправлять общество».

Однако мы настолько мало утописты, что, в противоположность политикам и филантропам², мы не верим в возможность переделать человека путем религиозных или светских моральных проповедей.

Чтобы сделать людей лучшими, нужно изменить среду, в которой протекает их жизнь. Человек сам создает свою социальную среду, но он же является и творением ее. Измените среду и вы сразу измените нравы, привычки, страсти и чувства человека. Мы, утописты, мечтатели, изучаем социальную среду, мы анализируем экономические явления: мы берем их в зародыше, следим за их развитием, наблюдаем их влияние на семью, на политическое устройство и решаемся без страха и предубеждений делать соответствующие выводы.

Экономические явления влияют не только на нравы, но и на семейное и политическое устройство и даже на философские и религиозные воззрения человечества.

Вот пример, представляющийся мне убедительным. На известной ступени развития, когда средства производства весьма несовершенны, все народы вводят у себя рабство. Всем людям, даже самым смелым мыслителям, рабство представляется тогда справедливым, естественным явлением, а религиозные люди приписывают ему даже божественное происхождение.

Один из величайших умов человечества Аристотель³ счел возможным вывести заключение, что природа создала

одну из человеческих рас специально для рабства. В этом отношении его взгляд совпадает с библейским преданием о сотворении мира, по которому потомки Хама будут служить народам, происходящим от Ноя. Но греческий философ по крайней мере предвидел то, чего не знало предание, он предвидел, что известный переворот в процессе производства неизбежно повлечет за собой уничтожение рабства.

Вот это замечательное место из его *«Политики»*: «Если бы каждое орудие могло по приказанию или само собой выполнять ту работу, для которой оно предназначено, подобно тому, как искусные создания Дедала двигались сами собой или как самостоятельно принимались священнодействовать треножки Гефеста, если бы, например, ткацкие челноки ткали сами, тогда не нужно было бы ни мастеру помощников, ни господину рабов».

Так Аристотель, признав рабство естественным явлением, предвидел своим гениальным пророческим умом, что переворот в способе производства повлечет за собой уничтожение рабства. И именно потому, что этот экономический переворот осуществился, именно потому, что машины крупной промышленности сами автоматически «священнодействуют», именно поэтому мы, коммунисты, утверждаем, что система наемного труда, эта последняя и худшая форма рабской работы, необходимо должна погибнуть.

I

Действительно, в настоящее время машина овладела всеми отраслями промышленности, как самыми примитивными и простыми, так и наиболее развитыми и сложными.

Изготовление масла, известное уже в глубокой древности, совершается теперь с помощью машины, изобретенной в Швеции Лавалем, она превращает в масло молоко, только что полученное из вымени коровы. При помощи линз и химических препаратов заставили солнце рисовать предметы; и оно скоро будет рисовать в красках. Парижанин Жильо (Gillot) нашел средство гравировать без резца и даже без участия руки художника; он употребляет только жирные чернила и азотную кислоту. Гравирование осуществляется при помощи солнца и электричества. Дошли даже до изобретения счетной машины, которая оказалась надежнее математиков. Я мог бы перечислить всевоз-

можные отрасли промышленности и показать Вам, что все они затронуты механизацией.

Каков же был результат введения машин?

Применение машин обратило индивидуалистическую промышленность в коммунистическую. Я разъясню это подробнее. Прежде в каждом доме пряли и вязали, и в каждой деревне были свои ткачи. Эти отрасли промышленности, рассеянные по всей стране, теперь сконцентрировались в определенных местах, где посредством машин вяжут, ткнут и прядут для общего потребления.

Ткацкие и прядильные станки *«обобществились»* в больших прядильных и ткацких фабриках.

Изготовленный продукт потерял свой индивидуалистический характер. Сапожник во времена мелкого производства изготовлял весь сапог целиком; он сам снимал мерку, делал подошву, разрезал кожу и сшивал ее. Башмак или туфель был совершенно индивидуальным продуктом, так как одного человека было достаточно для его изготовления. Однако на обувной фабрике работа проходит через многие руки. Один рабочий режет кожу, другой нашивает голенища на машине, третий набивает подошвы, приделывает каблуки и т. д. Пара сапог представляет совокупную работу более или менее значительного числа производителей. *Индивидуалистический* продукт обратился в *коммунистический* *.

Такой же коммунистический переворот наблюдается и в торговле. В прошлом столетии каждая лавочка имела свой особый товар, которым она, согласно цеховым уставам, должна была строго ограничиваться. Торговец сукна в своей лавке мог продавать только сукно, так же как ножовщик — только ножи.

Теперь вы найдете в «Лувре», в «Бон марше» или в другом универсальном магазине разнообразнейшие предметы, самые противоположные по назначению, которые собраны вместе, *«обобществлены»* под управлением одного капитала. В Англии этот коммунизм в торговле распространен еще в больших размерах. Фирма Шульбрета и К^о продает все что нужно, чтобы одеть человека, кормить его и устроить его жилище. Крупные потребительные товарищества в Лондоне

* Терминология П. Лафарга в этом и в некоторых других местах может дать повод к путанице. Речь идет не о коммунистическом производстве, а о капиталистическом, ставшем коллективным вследствие разделения труда. — (Прим. ред.)

прибавили к этому еще медицинские товары, так что они продают все, в чем нуждается здоровый и больной человек.

В сельском хозяйстве также заметно влияние промышленной централизации. Небольшие наделы «*обобществились*» и составили крупные земельные поместья. Я знаю, Вы не соглашаетесь со мной, Вы готовы возразить мне, что земля во Франции раздроблена и с каждым днем дробится все больше и больше. Допустим; но это все-таки не препятствует образованию крупной земельной собственности, что достаточно доказывается фактом уменьшения населения в деревне. Все крестьяне, покидающие поля своих предков и стремящиеся в промышленные города, продают свои участки крупным земельным собственникам. В самое последнее время Шальмель-Лакур⁴, опираясь на официальные, никем не опровергнутые и неопровержимые статистические данные, заявил в сенате, что 45% всей обрабатываемой во Франции земли находится в руках 142 000 крупных земельных собственников. Перед нами, таким образом, пример уже значительного обобществления земли.

Процесс, который теперь совершается во Франции, в Англии уже закончился; там вся земля находится в руках нескольких тысяч человек. Все цивилизованные народы охвачены тем же процессом централизации. И Англия имела некогда свое мелкое крестьянство; еще в начале нынешнего столетия земля Уэльса была в руках значительного количества мелких хозяев, «йоменов» (*yeomen*), которые все исчезли, уступив место небольшому количеству крупных собственников.

Феодальные владения были очень обширны в свое время, но обработка земли была индивидуальной. Земля была разбита на множество маленьких арендных участков, обработка которых производилась семьями крепостных или свободных крестьян. В настоящее время везде, где существует крупная земельная собственность, неизбежно устанавливается коммунистическая система обработки земли в крупных размерах. Чтобы видеть такую систему, доведенную до высшей степени развития, нужно переплыть Атлантический океан и отправиться на дальний запад Соединенных Штатов; хлебные поля, которые тянутся на много километров, возделываются и обрабатываются там с помощью машин.

Нам осталось, господа, рассмотреть еще четвертую форму централизации — централизацию финансовую, которую никто не может отрицать.

Пока промышленность оставалась индивидуальной, она нуждалась в весьма небольшом капитале для приобретения орудий, так как самые орудия производства были очень примитивны; чтобы прясть, нужны были только прялка да веретено. Каждый производитель, собравший маленький капиталец, мог сделаться хозяином и работать самостоятельно с помощью семьи, нескольких учеников и подмастерьев. Это время безвозвратно миновало. До развития крупного машинного производства рабочий мог мечтать самостоятельно устроиться, и мечты эти осуществлялись сплошь и рядом. Сейчас они стали утопией.

Современные промышленные орудия производства так огромны, что для того, чтобы их приобрести, надо располагать не сотнями франков, а сотнями тысяч и миллионами. Наше столетие, в особенности вторая половина его, создало во Франции особый класс людей, сделавших своим специальным занятием соединение небольших частных капиталов в один большой, их «обобществление» с целью доставить крупной промышленности средства строить железные дороги, эксплуатировать рудники, основывать ткацкие и прядильные фабрики, возводить доменные печи и т. д. Я хорошо знаю, что, по мнению официальных экономистов, деление капитала в больших промышленных предприятиях на акции и облигации является своего рода раздроблением собственности, демократизацией ее. Но они не замечают, что эта демократизация собственности дала возможность финансистам извлечь из всех старых чулок и всех потайных ящиков хранившиеся там сбережения, забрать их в свои руки и монополизировать управление ими до тех пор, пока путем ловких проделок им не удастся совершенно овладеть деньгами. Так в наши дни образовались колоссальные денежные состояния, исчисляющиеся сотнями миллионов и миллиардами. Этот вид дробления и деления собственности в крупных промышленных и торговых предприятиях вел лишь к тому, что масса населения была лишена своих капиталов в пользу нескольких финансовых тузов.

Итак вы видите, что процесс производства и обмена получает коммунистическую форму. Это преобразование индивидуального производства и обмена было необходимым и неизбежным следствием развития экономических явлений; оно совершилось помимо воли человека и даже вопреки ей. Ничто не могло задержать этой эволюции

и ничто не сможет помешать достижению ею конечного результата. *Все усиливающееся обобществление средств производства необходимо и неизбежно поведет к обобществлению средств потребления.*

Но в то время как производство и обмен стали коммунистическими, форма присвоения осталась индивидуальной.

Я объясню это. Крупные средства производства, такие как фабрики, заводы, железные дороги и универсальные магазины, как «Лувр» и «Бон марше», несмотря на коммунистическую организацию, составляют частную собственность одного или нескольких лиц, или же группы акционеров или владельцев облигаций. Владение осталось индивидуальным, как это было в то время, когда промышленность и торговля, соответственно своим небольшим размерам, принимали индивидуальную форму: В этом заключается противоречие, или, говоря словами Гегеля ⁵, антиномия ⁶, антитеза ⁷ между коммунистическим способом производства и обмена и индивидуалистическим способом присвоения. И именно потому, что существует эта антитеза, существуют горе и нищета и поэтому общество движется к кризису, который ее разрешит.

Необходимое, неизбежное развитие экономических явлений имело следствием коммунистическую организацию производства и обмена. Это же самое развитие создает средства разрешить противоречие между коммунистическим способом производства и обмена и индивидуалистическим способом присвоения. Иначе говоря, экономическое развитие, «коммунизируя» средства производства и обмена (прошу простить за неологизм), подготавливает также коммунизацию средств потребления.

Второй моей задачей будет показать наличие элементов будущей революции, которая приведет к социализации всех средств производства и обмена.

II

Первым и самым положительным результатом обобществления средств производства является громадный рост производительных сил человека.

Сейчас нет таких человеческих или социальных потребностей, которые не могли бы быть удовлетворены и даже с избытком.

Вот доказательство этому. Во второй половине столетия возник небывалый спрос на железо и сталь для строительства железных дорог, пароходов и для развития механических орудий промышленности и сельского хозяйства. Шла самая напряженная работа; все требования, однако, были удовлетворены, более того, от времени до времени получалось перепроизводство железа, это вело к периодическим кризисам, когда производилось столько, что всякий сбыт останавливался и спрос прекращался. И все же в течение этих 50 лет было сооружено столько машин и железных построек, проложено столько рельсов, что весь земной шар как бы покрылся железом. Если бы все машины, все рельсы, все произведенное железо свалить в одну кучу, то образовалась бы гора выше Гималаев. Это одно из чудес коммунистического способа производства.

А вот другое доказательство. Добывание хлеба в достаточном количестве является первым условием возможности существования общества. Эта проблема разрешена, даже больше того: в департаментах, где земельная собственность централизована и где земля обрабатывается механическими орудиями с помощью научных методов, производство достигает 25—30 гектолитров и еще больше на гектар; средняя же цифра производства достигает лишь 15, а в некоторые годы опускается до 13, 12 и даже 11 гектолитров. Если бы коммунистическая обработка земли не ограничивалась несколькими северо-восточными департаментами, а сделалась бы всеобщей, Франция получала бы 200—300 миллионов гектолитров вместо тех 100 с небольшим, которые она теперь ежегодно собирает со своих полей. Несколько времени тому назад один американский агроном опубликовал записку о некоторых новых территориях, открытых на запад от Гудзонова залива. Он показывает, что если бы эти необычайно плодородные земли обрабатывались миллионами людей, имеющих механические орудия и организованных подобно работникам огромных ферм дальнего запада, то в течение ряда лет удалось бы собирать, не удобряя почвы, достаточное количество зерновых продуктов, чтобы прокормить все человечество; вся остальная земля могла бы оставаться это время под парами, чтобы вновь обрести свое первоначальное плодородие.

Я взял для примера железо и хлеб, два наиболее необходимых предмета; я мог бы перечислить все продукты один за другим и показать вам, что производство повсюду дости-

гает таких колоссальных размеров, что превышает потребление. Фабрикантам приходится заботиться не о том, как произвести, а о том, как найти покупателей; они гонятся за ними в Азии, в Африке, готовы даже искать их у самого дьявола.

В XVI и XVII столетиях европейские народы оспаривали друг у друга колонии; они грабили их, вывозя меха, пряности, ценные породы дерева и металлы. В XIX столетии спор из-за колоний продолжился, но теперь он уже ведется из-за того, кому сбывать туда похищенный у производителей товар; грабеж — это сама сущность капиталистического общества.

Это изобилие и даже сверхизобилие продуктов, не известное в прежние эпохи, должно было бы иметь своим следствием благосостояние всех производителей; на самом деле оно порождает их нищету. Как только магазины переполняются товарами, наступает безработица, делающая голод постоянным гостем рабочих жилищ; люди умирают от голода, потому что произведено слишком много продуктов. В середине века голод уменьшал население только в годы неурожая. В настоящее время нужда вызывается изобилием.

Эта явная нелепость, подготавливающая умы рабочих к революции, является следствием упомянутого уже противоречия между коммунистическим способом производства и индивидуалистическим способом присвоения. Производители находятся в состоянии постоянной нужды, потому что капиталисты изо дня в день присваивают себе плоды их трудов.

Это присвоение произведений труда обратило все общество в чудовищный рынок, где все продается — не только плоды человеческой деятельности, но и сам человек. Покупаются рабочие ради мускульной силы и умственные работники ради знаний — инженеры, химики, агрономы, как обладающие способностью организовать предприятие и управлять им. Противоречие между коммунистическим производством и индивидуалистическим присвоением принижает человека, делает из него товар, а из всего общества, я повторяю это, лавку огромных размеров.

«Что может выйти порядочного из мелочной лавки?» — говорит Цицерон⁸ в своем трактате «Об обязанностях», выражая этими словами мнение своей эпохи, мнение всего

древнего мира, всех обществ, не основанных на торговле и капиталистическом производстве.

«Что может выйти порядочного из мелочной лавки и что может честного дать торговля?»

Все, что называется торговлей, не достойно честного человека; купцы не могут заработать ничего без обмана, а что может быть постыднее лжи? Следует поэтому считать занятие тех, кто продает свой труд и свое ремесло, низким и недостойным; так как тот, кто продает свой труд за деньги, продает самого себя и становится на одну ступень с рабами» (не одобрителный шум в зале).

Эти последние слова, которые вызвали бы восторженное одобрение греков и римлян героических времен, возбуждают в вас неудовольствие. И, однако, может ли быть более разительный пример человеческого унижения, чем продажа силы своих рук и своего ума!

Этот унижительный для каждого спартанца и римлянина поступок сделался для производителя единственным исходом в нашем капиталистическом обществе. Система наемного труда — это одна из форм рабства.

Увы! Ципцерон был прав, лавка ведет только ко лжи. В громадной лавке, которую представляет капиталистическое общество, все ложно.

Возьмите продукты! Они все подделываются, фальсифицируются.

Столь прославленная капиталистическая цивилизация будет когда-нибудь заклеена именем века блестящей мшурой. Теперь не довольствуются фальсифицированием естественных продуктов, подделывают даже уже фальсифицированные. Маргарин, который является фальсификацией масла, фальсифицируется в свою очередь.

Но не одни вещи лживы, ложь господствует не только в мире матерпальном, но и в нравственном. Никогда, кажется, не было в ходу столько общественной лжи, — можно сказать, что вся мораль и вся политика представляют одну сплошную ложь. Я не имею возможности перечислить все те формы лжи, которые употребляются с достоинством почтенными представителями высших классов; список был бы слишком велик. Я возьму только некоторые из них, имеющие отношение к моей теме.

Собственность — основа общества, — повторяют постоянно. Сохранение «частной собственности» составляет вечную заботу господствующих классов. Со своей стороны

жрецы золотого тельца — экономисты восхваляют порядок и гармонию капиталистического общества. Все это ложь!

Ни в каком обществе не было больших несогласий и противоречий. Непрерывная, беспощадная гражданская война неистовствует в этом гармоническом капиталистическом обществе. Разве два купца, продающие один и тот же товар, два фабриканта, производящие одинаковый продукт, не находятся в постоянной вражде? Не старается ли каждый из них изо всех сил переманить у своего собрата покупателей, вытеснить его с рынка, разорить его, превратить в бедняка?

Эта война называется конкуренцией. Это *«война всех против всех»*, о которой говорит неумолимый логик Гоббс ⁹. В средние века феодальные бароны также враждовали между собой, вели войны, только изредка прерываемые перемириями; но эти войны велись мечом и копьем; они развивали в феодальных баронах физические и нравственные качества (мужество, чувство долга, верность данному слову, силу, способность переносить страдания, сильную усталость, непогоду), облагораживавшие тело и душу человека. Преобладающая теперь в капиталистическом обществе страсть — стремление к наживе, ненасытная жажда богатств, добытых без труда. Экономическая конкуренция развивает в душе человека только способность к интригам, хитрость, лживость, алчность, эгоизм. Пусть погибает общество, родина, человечество, лишь бы я сделал состоянием! — вот лозунг капиталиста.

Экономическая война капиталистов ведет к тому же результату, что и военное соперничество феодалов: к централизации собственности. Феодальный барон присоединял к своему имению землю и крепостных побежденного. Капиталист захватывает фабрику и клиентов своего разоренного конкурента.

Крупный капитал эксплуатирует мелкий; ежедневно исчезает мелкая земельная собственность, уступая место крупным владениям. Так это общество, опирающееся на собственность, само разрушает мелкую собственность и оставляет только крупную.

Во время революции 1789 года буржуазия выступала в роли защитника человеческих прав и борца против несправедливости: она провозгласила предстоящее осуществление равенства, свободы и братства. Эти слова записаны

в конституциях, их можно прочесть даже на тюремных стенах, но нигде они не вошли в жизнь. *Свобода, равенство и братство* — это три главные формы лжи буржуазии.

Глашатаи прогресса возвещали и возвещают еще теперь, что машина должна облегчить труд человека. Снова бесстыдная ложь! В капиталистическом обществе успехи машинной техники увеличивают труд. До революции ночная работа была запрещена, в настоящее время на капиталистических фабриках, представляющих истинную каторгу, мужчины, женщины и даже дети работают день и ночь.

В XVIII столетии государство и церковь охраняли рабочего; они установили определенное число дней в году для отдыха — 52 воскресных и 40 праздничных, не считая местные и цеховые праздники. Тогда пользовались малейшим поводом, чтобы повеселиться, не было недостатка в досуге для бражничества и для забав во имя священной лени. В наш век для всего этого нет времени, приходится трудиться семь дней в неделю. Хозяева-католики забывают, что даже господь бог, считающийся всемогущим, почувствовал необходимость в отдыхе после 6 дней работы.

Семья! Вот еще один из незыблемых священных устоев общества! Сколько хвалы ей воздавалось! Фабриканты, финансисты, моралисты, политики, если их послушать, все только и думают о том, как бы сохранить семью, развить и сделать ее более совершенной. К несчастью, получается как раз обратное! Капиталистическое общество разлагает и разрушает семью. Фабрика отрывает жену и детей от семейного очага, она отнимает мать у грудного младенца и жену у мужа; железнодорожные управления и финансовые учреждения довершают этот грабег. Женщина до такой степени лишается своих качеств домашней хозяйки, что в промышленных районах молодые девушки, работавшие на фабриках и сделавшиеся матерями, не умеют ни владеть иглою, ни управляться с кастрюлями.

Филантропы, склонные всегда красивыми фразами маскировать весь ужас положения рабочего класса, рассказывают нам, что женщины и дети только для того работают на капиталистической каторге, чтобы способствовать улучшению участи семьи, чтобы повысить ее заработок. Ложь, опять бесстыдная ложь! Женщина осуждается на принудительную промышленную работу лишь с той целью, чтобы была возможность понизить заработок отца семейства, а ребенок подвергается той же участи ради уменьшения

заработной платы матери. Капиталисты-филантропы внесли раздор и конкуренцию в самые недра семьи: они вынуждают отца, мать и детей соперничать в стремлении продать дешевле свой труд.

Во времена индивидуалистической промышленности семья кормилась работой отца; в капиталистической промышленности мать и дети своей работой не только помогают содержать семью, но часто отец живет их заработком. В Соединенных Штатах есть промышленные города, где женский труд настолько предпочитается мужскому, что муж остается дома, чтобы смотреть за детьми и готовить обед. Такие города называются «she-towns», т. е. женские города.

Женщина подвергается еще большим мучениям, чем мужчина. Но промышленная работа, работа для общества, которая ныне так угнетает ее, освободит ее впоследствии от подчиненного положения в семье в гораздо большей степени, чем обычай давать приданое эмансипировал патрицианку времен упадка римского государства.

Оторванные от домашней работы и принимающие наравне с мужчиной участие в общественном труде, женщины имеют право и даже обязаны заниматься политикой и принимать участие в социалистическом движении. Мы открываем им доступ в наши ряды. В рабочей партии они могут исполнять все функции, которые соответствуют их способностям, а в коммунистическом обществе они вновь обретут все свои гражданские права, утраченные ими с того времени, как патриархальная семья сменила матриархальную.

Освобожденная от семейного подчинения и от гнета мужской морали, женщина сможет свободно развить все свои физические и духовные способности. Тогда ей снова будет принадлежать та великая роль зачинательницы, которую она играла в первые периоды человеческой жизни, роль, о которой сохранили воспоминания древние легенды и сказания первобытных религий.

Действительно, в Индии, Египте, Малой Азии, Греции, в этих колыбелях человеческой культуры, открытие искусств и ремесел приписывается богиням, а не богам. Эти сказочные предания позволяют предполагать, что мозг женщины развился раньше мозга мужчины. И не замечаем ли мы в настоящее время, что маленькие девочки живее и развитее мальчиков? Если впоследствии они утрачивают

это превосходство, то в этом всецело виновата бестолковая система нравственного, духовного и физического воспитания, на которое они обречены уже несколько веков. Женщина — низшее существо, — говорят педанты капитализма; но, черт возьми, ведь ей не дают развиваться с самого детства. Заяц двигался бы медленнее, чем черепаха, если бы ему связали лапы.

Наш век — век труда. Трудом воздается честь, ум и знания награждаются, — так говорят нам. Это опять-таки ложь.

Работник мелкой промышленности был ремесленником, исполнявшим и физическую и умственную работу. Столяр, например, сам набрасывал план вещи, которую нужно было сделать; он имел образ ее в голове прежде, чем приступал к ее выполнению. Руки повиновались велениям его мозга. Так ли теперь обстоит дело в механическом производстве? Теперь мысль рабочего бездействует; подобно колесам машины, он только часть всего механизма, который думает за него. Капиталистическое производство низводит рабочего на роль простого слуги машины.

Судьба умственного работника не более заманчива. Так как масса работников, трудящихся физически, являются только колесами в механизме производства, то нужно было создать избранных работников, чтобы изобретать, мыслить, управлять; нужны были интеллектуальные работники, которые исполняли бы функции директоров, управляющих, мастеров, инженеров, химиков, агрономов и т. д. Если верно, что знание и ум вознаграждаются, то этим работникам, исполняющим всю умственную работу на производстве, должно было бы принадлежать первое место в капиталистическом обществе, подобно тому, как это место принадлежало в древней теократии¹⁰ жрецам в то время, когда религия монополизировала науку.

Однако те, кто занят умственным трудом, так же как и те, кто работает физически, подчинены унижительному игу капитализма. Это только жалко оплачиваемые наемники; они истощают и иссушивают свой мозг для обогащения крупных капиталистов, которым незачем стараться приобретать знания, потому что за 150—200 франков в месяц можно найти на рынке химиков, инженеров, агрономов. Научились производить все в избытке, начиная с носков и кончая интеллигенцией. В таком же изобилии, в каком огородник разводит морковь, стали фабриковать химиков и электро-

техников, и цена на них поэтому значительно упала. Унижение знаний и ума вот все, что сделал капитализм, чтобы выразить свое уважение к умственным работникам и достойно вознаградить их.

III

Посмотрим теперь на обратную сторону медали.

Я показал вам только что страдания всех, кто трудится физически или умственно, являющиеся следствием господства небольшого числа капиталистов, в коммунистически-централизованном производстве.

Но оказала ли эта монополизация средств производства и общественных благ благодетельное влияние на духовное и нравственное развитие капиталистов-собственников? Соответствуют ли те почести, которые выпадают на их долю, и те наслаждения, которыми они пользуются, их заслугам перед обществом?

В индивидуалистической промышленности собственник был действительно полезным человеком. Он занимался производством, пользуясь помощью своей семьи, нескольких учеников и подмастерьев. Если он заболел или предавался распутной жизни, то дело его погибало, потому что он был главной двигательной силой своей мастерской или лавки.

В коммунистическом производстве настоящий хозяин исчез. Попытайтесь найти собственника сахарного завода, железной дороги, рудников или металлургического завода! Вы найдете его не в цехе, где работают, а у окошка кассы, где получают проценты и дивиденды. Собственники живут вдали от труда, делающего их миллионерами, они живут в Париже, Берлине, Пекине и если считаться с теми услугами, которые они оказывают, как владельцы, то они с таким же успехом могли бы жить и на Луне.

В первый период развития централизации средств производства и обмена владелец несет еще полезную обязанность наблюдателя и главного управляющего. Но с тех пор, как централизация закончилась, это делают за него другие, и хозяйское «око», наблюдавшее за всем во времена индивидуалистической промышленности, отслужило свою службу.

С тех же пор, как капиталистическая собственность приняла форму акционерных обществ, самую развитую из всех, бесполезность собственника сказалась особенно ясно.

А став бесполезным, он становится вредным. И это не я говорю такие ужасы, это мнение члена-корреспондента французского института, известного экономиста, руководителя большого экономического журнала г-на де Молинали ¹¹. Он пишет в своей книге «Экономическая эволюция», появившейся в 1880 г., следующее:

«Дирекция предприятия, имеющего форму акционерного общества, может владеть только небольшой частью капитала. Вообще-то, она могла бы совсем не владеть капиталом, и, вопреки господствующему взгляду, такое положение было бы наилучшим, с точки зрения хорошего управления делами общества, и именно потому, что дирекция, не имеющая акций, не будет иметь права контролировать самое себя. Для нее достаточно обладать необходимыми для своих обязанностей способностями, знаниями, нравственными качествами — всем тем, что гораздо чаще встречается на рынке отдельно от капитала, чем в связи с ним».

Г-н де Молинали констатирует только факт, но нужно ему быть благодарным и за это, так как он не побоялся сказать правду, которую официальные экономисты стараются скрыть под целой кучей пустых и пошлых фраз.

Капиталист-собственник не играет больше никакой роли в производстве. В тот день, когда коммунистическая система промышленности и торговли лишила его всех полезных функций, она тем самым подписала смертный приговор классу капиталистов. Их ждет судьба аристократии.

История повторяется: в развитии аристократии замечается много аналогий с развитием класса капиталистов. Пока феодалы жили на своей земле и приносили пользу, дворянство нельзя было уничтожить, как это сделали в 1789 г. ¹² Действительно, дворянство в то время было покровителем своих крепостных и вассалов и защищало их от окружающих врагов, феодалы были территориальной армией европейских государств. Но с того дня, как рыцарь снял доспехи и облачился в придворное платье, променяв тяжелый боевой меч на тонкий клинок изящной шпаги, с того дня, как феодалы обратились в версальских придворных, стали жить при императорских и архиепископских дворах, был подписан смертный приговор дворянству. Социальная революция, которая с фатальной неизбежностью покончит с эрой капитализма, приведет в исполнение смертный приговор, вынесенный экономическими явлениями капиталистическому классу.

Я пользуюсь этим случаем, чтобы заявить, что, по моему глубокому убеждению, мы не увидим возврата тех кровавых сатурналий, которыми опозорила себя буржуазная революция. Пролетарии не так кровожадны, как буржуазия. (Возгласы в зале.)

В XVIII столетии буржуазные революционеры душили друг друга, истребляя поочередно защитников революции, так что ставили под угрозу свое великое дело. И каждый раз, когда в этом столетии пролетарии подымались, требуя своих прав и своего места под солнцем, их движение подавлялось самыми жестокими мерами. В 1848 и 1871 годах капиталистическая буржуазия покрыла улицы Парижа 20-ю и 30-ю тысячами трупов¹³. А между тем, вспомните только, Париж в продолжение двух месяцев был в руках пролетариев, и ни один волос не упал с головы заложников. (Громкие протесты в зале.) Только в день последней битвы... (Шум в зале.) Председатель: Господа, позвольте говорить оратору.

Лафарг: Только в день последней битвы, когда народ был почти доведен до безумия вследствие своего поражения и чудовищных преступлений, совершенных генералами реакции — только тогда были казнены заложники. (Возгласы в зале.) Но в продолжение двух месяцев — это исторический факт — пролетарии, господствовавшие в Париже, не тронули ни одного волоса на голове заложников, между тем как сдавшиеся в плен генералы Коммуны были предательски убиты. (Снова шум, крики.)

Председатель: Не прерывайте, господа. Г-н Демолен ответит.

Лафарг: Я хотел подчеркнуть, что социальный переворот, который в общих чертах мы уже можем предвидеть, который необходим и неизбежен, не будет иметь кровавого характера прошлой революции, в котором виновата была только жестокость буржуазии.

IV

Экономические явления, которые лишили производителей их орудий труда, централизовали и обобществили их, сконцентрировали в промышленных городах рабочих, живших раньше в одиночку по деревням, и объединили их в общих мастерских.

Здесь они окончательно освободились от всех инстинктов мелкого собственника, которые могли еще сохраниться как воспоминание их прежнего индивидуального владения. Перед глазами рабочих вечно стоят чудовищные колеса сложного машинного механизма, у которого им приходится работать, и инстинктивно они начинают понимать, что здесь возможна только общая собственность. Механическое производство изгнало из умов пролетариев всякую мысль об индивидуальном владении и вселило в них идею общей собственности.

Эта духовная революция совершилась без участия коммунистов. Она является результатом механического производства, организованного под управлением капиталистической буржуазии. Коммунистические идеи в скрытом состоянии уже существуют в умах наемных рабочих. Коммунистические агитаторы только пробуждают эти идеи и превращают их в действия.

Социалистическая пропаганда получила огромную силу благодаря концентрации пролетариата и объединению его труда капиталистической буржуазией. Последняя не только подготовила умы, она доставила также средства воздействия на них. В промышленных городах мы можем найти массы объединенных рабочих, готовых восторженно приветствовать коммунистические идеи; мы не приносим эти идеи извне, а выводим их из экономических явлений, игрушкой и мучеником которых является рабочий.

Капиталистическая буржуазия под влиянием требований производства сделала массы пролетариев восприимчивыми к коммунистической агитации, она же доставляет нам и средства поднимать эти массы, организовывать их политически и готовить к предстоящей революционной деятельности.

Буржуазия, захватив политическое господство, хотела его монополизировать. Повсюду, — во Франции, как и в Англии, Германии и Голландии она ввела ограниченное избирательное право, желая устранить неимущие классы от участия в управлении государством. Но почти во всех странах с капиталистической цивилизацией ей вскоре пришлось пойти на уступки и раньше или позже согласиться на всеобщее избирательное право.

Таким образом, буржуазия сама была вынуждена дать это опасное оружие в руки наемных работников. Правда, это обоюдоострое оружие до сих пор наносило одни только

раны рабочему классу, не научившемуся еще владеть им. С 1848 года у нас, во Франции, существует всеобщее избирательное право, и все это время огромное большинство парламента состояло из капиталистов или защитников капиталистических интересов. Рабочие выбирали своими представителями капиталистов; они поручали защиту своих интересов своим злейшим врагам. Несмотря на всеобщее избирательное право, правительство, как и во времена ограниченного избирательного права, находится в руках имущих классов, которые издают законы только для охраны собственных интересов. (Ш у м, в о з г л а с ы в з а л е.) Вы протестуете? Разве таможенные тарифы, повышающие ежегодно на миллиард стоимость пищевых продуктов, не установлены с единственной целью увеличить земельную ренту?

Между тем социалисты мало-помалу берут в свои руки воспитание рабочего класса, они учат его правильно пользоваться всеобщим избирательным правом, и рабочие успели уже показать, что умеют пользоваться наставлениями коммунистов. На последних муниципальных выборах рабочая партия, к которой я принадлежу, вступила в борьбу в 77 городах, выставив лпонскую программу. Мы победили в 27 коммунах ¹⁴, в которых теперь большинство, а в некоторых даже весь совет состоит из наших приверженцев. В остальных же мы образуем значительное меньшинство. Количество голосов, поданных за нас только в первом туре голосования, достигло более 102 000. Это уже первый шаг к захвату управления коммунами.

Рабочий класс (мы под этим словом подразумеваем работников, занятых как физическим, так и умственным трудом, потому что и эти последние являются тоже наемными рабочими) призван не только создавать продукты, но и управлять всем производством. В настоящее время это единственно полезный класс. Для выполнения своих социальных функций ему недостает только руководства политическими интересами нации. Коммунальные советы, которыми социалисты мало-помалу овладевают, как раз и превращаются в школы для подготовки людей, способных управлять страной. (В о з г л а с ы в з а л е.)

Овладев властью на местах и в государственном масштабе, пролетариат последует примеру, данному ему буржуазией в прошлом столетии. Вслед за устранением капиталистов от политической власти последует экономическая

экспроприация. Констатированное мною прежде противоречие между коммунистической организацией производства и индивидуалистическим присвоением орудий и произведений труда будет разрешено — пролетариат социализирует капиталистическую собственность. Таким образом, установится не только обобществление средств производства, но и предметов потребления.

И так как механическое производство настолько развило производительные силы, что вполне возможно производить все необходимое для удовлетворения нормальных потребностей человека и даже больше этого, — то воцарится всеобщее благосостояние и не будет больше на свете бедняков, вопреки словам Христа, вечно повторяемым и перефразируемым моралистами и политиками привилегированных классов.

V

Вы видите, господа, я не фантазировал. Я не требовал, чтобы социальное движение направлялось чувствами или абсолютными идеями справедливости и равенства. Я просто исследовал явления, развивающиеся перед нашими глазами, и показал вам тенденцию их дальнейшего развития.

Я показал вам, как экономический организм постепенно приобретает коммунистический характер, в то время как формы присвоения остаются еще индивидуалистическими; как изменяется характер индивидуальной собственности, возникает централизация, разрушается семья и нищета растет среди изобилия, как изменяются прежние условия труда, причем отделяется физическая деятельность от умственной и образуются двоякого рода наемные работники; как делается излишним существование капиталистического собственника, классовые преимущества которого перестают компенсироваться его частными или социальными услугами; как скучиваются наемные работники в промышленных городах; как изгоняются из их умов последние инстинкты индивидуальной собственности; как у них возникают зародыши коммунистических идей, подготавливая их к социалистической агитации, к пользованию избирательным правом и к захвату власти в коммуне и в государстве, результатом чего будет осуществление перехода индивидуалистической собственности капиталистического класса в общую собственность всей нации.

Значит ли это фантазировать? Не вернее ли считать это трезвым взглядом на вещи? Значит ли это проповедовать убийства и грабеж, когда мы подготавливаем рабочие массы к революционной миссии, которую они призваны исполнить ради счастья всего человечества?

Экономические явления — вот настоящие виновники, грозные революционеры, изменяющие все привычки людей, разрушающие вековые устои общества. Мы, коммунисты школы Маркса и Энгельса, являемся только выразителями (*porte-parole*) экономических явлений. Подобно морским птицам, появление которых служит признаком надвигающейся бури, мы предвещаем господствующим классам страшную грозу, которая сметет все их привилегии, но не мы, однако, вызываем ее.

Эта социальная революция преобразует общество ценой меньших страданий, чем те, которые приносят с собой периодические кризисы перепроизводства при господстве капитализма. Когда же в преобразованном таким образом обществе установится порядок и гармония в создании и равномерном распределении богатств, тогда машина — самое страшное орудие угнетения, когда-либо бывшее в руках имущих классов, сделается освободительницей человечества. Тогда оправдается предвидение могучего гения Аристотеля и наступит конец рабского труда

* * *

После Лафарга слово было предоставлено Демолону. Он, однако, не пытался опровергнуть речь Лафарга, а ограничился лишь изложением теории буржуазного индивидуализма.

Но так как ему необходимо было по крайней мере говорить о коммунизме и провозгласить индивидуализм учением будущего, то он поспешил по примеру глубокомысленного и всеведущего Герберта Спенсера¹⁵ отождествить коммунизм с бюрократическим правлением (*fonctionnarisme*). Раз вступив на этот путь, он обнаружил коммунистов повсюду. Дворяне, жившие при дворе, оказались коммунистами; буржуа, сторонящиеся опасностей коммерческих и промышленных предприятий и предпочитающие занимать спокойные государственные должности, — также коммунисты. Так пусть эти буржуа берегутся, их постигнет участь дворянства.

По мнению Демолена, ничто не может быть хуже коммунизма, который делает людей апатичными, задерживает

развитие личности и притупляет способности человека. Недаром говорят — дремотный (l'indolent) Восток — там все племена организованы на коммунистический лад. Коммунизм — это общественная организация пастушеских племен; ведь трава растет сама, без участия человеческого труда; трава и есть эмблема коммунизма.

Наоборот, культурные народы, игравшие значительную роль в истории человечества, были все индивидуалистическими. Таковы римляне, завосвавшие Старый Свет, таковы англосаксы, колонизировавшие Новый Свет, принадлежавший вначале романским народам, но который они не смогли сохранить вследствие своих коммунистических тенденций и привычки рассчитывать всегда на помощь государства.

Итак коммунизм, как полагает Демолен, это низшая форма общественного устройства, подходящая только для диких племен азиатских плоскогорий. Индивидуализм, наоборот, — высшая общественная форма, присущая прогрессирующим народам. Англосаксонская раса достигла высшей степени индивидуалистического развития, ей и будет принадлежать мир, если романские народы не выйдут из своей апатии и не начнут действовать без поддержки государства.

ОТВЕТ ГРАЖДАНИНА ПОЛЯ ЛАФАРГА

Председатель: Г-н Лафарг просит разрешения сказать несколько слов в ответ г-ну Демолену. Нет возражений? (В зале: Нет, нет!) Слово предоставляется г-ну Лафаргу.

Лафарг: — Господа, я буду краток, так как г. Демолен облегчил мою задачу. Он напал на государство, но ведь и мы на него нападаем. (Смех, аплодисменты.) Мы хотим его уничтожения. Мы считаем, что государство служит только оплотом капитализма. Если бы государство не предоставляло капиталистам своей полиции, своих солдат, судей и тюремщиков для их защиты, то этот столь малочисленный класс исчез бы при первом восстании рабочих (аплодисменты). Вспомните историю и вы увидите, что государство является организацией угнетающих и давящих сил привилегированных классов и что завоевание государственной власти всегда обеспечивало какому-либо классу общественное господство.

В старой Франции государство принадлежало дворянству, высшим выражением которого был сам король, и государство стояло на страже интересов аристократии. С того дня, как буржуазия овладела государством, она заняла господствующее положение в обществе и пользуется теперь защитой государства (а п л о д с е м е н т ы).

В коммунистическом обществе не будет привилегированных классов. Там будут только трудящиеся, люди с равными правами и равными обязанностями. Поэтому там не будет необходимости в государстве, так как в нем не будет классов, нуждающихся в защите, и каждый должен будет защищать сам себя (в о с к л и ц а н и я, с м е х в з а л е), так как все будут равны и, я могу добавить, так как никто не будет заинтересован в том, чтобы вредить другому. А ведь в капиталистическом обществе не только привилегированный класс вредит классу трудящихся, но и члены каждого из этих классов вредят друг другу.

Я уже прежде показал вам, что в нашем современном обществе господствует постоянная война — фабриканта против фабриканта, купца против купца, и что процветание одних основывается на несчастьи других. Врачу, например, нужна инфлуэнца и чахотка, чтобы зарабатывать себе на жизнь. В обществе, отличном от нашего, где индивидуальные интересы не будут находиться в конфликте между собой, не будет надобности в защите, потому что люди не будут враждовать друг с другом.

Г-н Демолен говорил только что о коммунистических обществах и сообщил нам, что трава — основа всех коммунистических обществ. Позвольте мне напомнить вам, что в Мексике существовали большие коммунистические общества, не владевшие стадами, подобно мелким коммунистическим племенам, кочующим на плоскогорьях Азии. В Перу существовало чудесное коммунистическое государство¹⁶, вызывающее справедливое удивление всех, кто изучал его по записям его диких разрушителей — конквистадоров. Единственное животное, которое там ело траву, была лама, к тому же распространенная в чрезвычайно малом количестве и пользовавшаяся поэтому самым тщательным уходом. Отсюда вы видите, что трава не является необходимой предпосылкой коммунизма. Эта форма собственности существовала у всех народов, как и патриархальная семья, которая теперь переживает процесс разложения. И жители азиатских плоскогорий и обитатели британских островов одинаково

начали с коммунизма. Английский агроном Маршал, который писал в конце прошлого столетия и которого цитирует Мэн ¹⁷ в своем произведении «Деревенские общины Востока и Запада», упоминает о некоторых организациях британских земледельцев, совершенно аналогичных русскому «миру». Первые англосаксонские колонисты, представшие к берегам Северной Америки, организовались в деревенские общины. Я сообщаю факт на основании замечательного труда Мэна, который в данном вопросе является авторитетом.

Существует обстоятельство, которое нельзя обойти молчанием и на которое я просил бы Вас обратить особое внимание, так как оно представляет интерес и с философской точки зрения. Сельские общины Индии, так основательно изученные Мэном, состоявшим юрисконсулом английского правительства в Индии, оказывается, не имели никакого понятия о наших идеях справедливости, права и обязанности *.

Почему? Потому что в общине не было противоречивых интересов, иными словами, вред, причиненный одному лицу, отражался на интересах всей общины, а поскольку интересы были общими, а не взаимно-противоречивыми, как в нашем обществе, не было необходимости ни в правительственной власти, ни в чиновниках, охраняющих частные интересы.

Вы, очевидно, считаете коммунизм чиновнической организацией, а чиновников Вы себе представляете только государственными. Но разве крупные организации капиталистического производства, железные дороги, банки, рудники, универсальные магазины не переполнены чиновниками?

Где бы ни исписывалась бумага, — в торговом ли доме, в банке или в министерстве, работа будет так же угнетать

* Вот перевод соответствующего места из книги Мэна:

«В юридическом смысле в индийской общине не существует ни права ни обязанности. Лицо потерпевшее жалуется не на ущерб, причиненный ему самому а на нарушение порядка в этом маленьком обществе».

Это замечание подтверждает гениальную мысль Локка¹⁸ высказанную еще в XVII столетии, а именно что идея справедливости появилась в человеческом обществе лишь в результате введения индивидуальной собственности. Она исчезнет как только будет восстановлена общая собственность, и останется лишь древний примитивный закон возмездия, сильно смягченный условиями мира и братства, в которых будут жить люди самых различных наций и рас. — (Прим. Лафарга.)

и притуплять человеческую личность. Но служба государству по крайней мере несколько лучше оплачивается, чем служба в торговых и промышленных предприятиях. Поэтому стремление к государственной службе чрезвычайно распространено во всех капиталистических странах. В Англии, где люди положительно помешаны на титулах, страшно кичатся службой и с гордостью печатают на визитных карточках «служащий в министерстве финансов и почт», как другие пишут «атташе посольства».

Чиновничество существует не только в государственных канцеляриях; его можно найти везде, где есть крупная промышленность. И поэтому, даже уничтожив государство, Вы не сможете избавиться от этого страшного для Вас пугала. Только мы, коммунисты, добьемся его уничтожения. Когда коммунистические промышленные предприятия перейдут из рук отдельных лиц в собственность всего общества, тогда народ передаст их в руки рабочих профсоюзов, об устройстве которых в Англии Вы отзывались только что с такой похвалой. Вы хвалили их потому, что мы находимся во Франции. Но если бы Вы перенеслись на 20 лет назад, то услышали бы, что эти тред-юнионы в Англии подвергались гораздо более жестоким нападкам, чем нынешние французские профсоюзы. В настоящее время они добились своего признания и успели даже сделаться реакционным элементом, отчего и восхваляются столькими политиками в Англии. Ведь ими пользуются для политических целей. Гладстон ¹⁹ и либералы отлично умеют шантажировать во время выборов вождей старых тред-юнионов

Итак, когда крупные средства производства сделаются достоянием нации, она передаст их организованным рабочим. Тогда не будет больше чиновников, чтобы следить за их работой в интересах группы привилегированных лиц, будут только объединенные труженики, выполняющие каждый свою роль и знающие, что плоды их трудов принадлежат им целиком.

Вы говорите, что недостаток коммунистической системы в том, что она парализует энергию человека, убивает самостоятельность, потому что каждый захочет свалить свою работу на соседа, раз плоды труда не будут принадлежать отдельному человеку. Но ведь именно это и происходит в капиталистическом обществе. В настоящее время рабочие очень хорошо знают, что плоды их труда не принадлежат им, что на их долю приходится только небольшая часть

в виде заработной платы, а бóльшая часть достается капиталистам. В коммунистическом обществе он будет знать, что все произведенное, за вычетом необходимого для содержания общества, является его собственностью.

В капиталистической промышленности работник прикован к своей фабрике. Он остается всю жизнь там, где родился, а если некоторым удастся переменить обычную обстановку, то виною этому является военная служба. В чем здесь причина? В том, что стоит им покинуть свою фабрику, и их ждет голод и безработица. Подобно дереву, они пускают корни в землю, на которой живут.

В том обществе, которое мы себе представляем, количество труда, необходимое для полного удовлетворения всех потребностей, будет заранее определено. (Ш у м в з а л е.)

Уже теперь определяют количество хлеба, необходимое для прокормления страны. Еще легче будет определить количество башмаков, необходимое для всего населения Франции. (В о з г л а с ы в з а л е.) Вся эта работа будет распределена между всеми работоспособными членами общества и для каждого будет установлено определенное количество рабочих часов, нужное, чтобы каждый имел возможность свободно пользоваться произведенными общим трудом благами. Тогда только человек станет свободным членом общества; по своему желанию он сможет переезжать или оставаться в том или другом месте и постоянно менять вид производственной деятельности. Прежде для ознакомления с каким-либо ремеслом требовалось несколько лет ученья; машина сократила это время до нескольких месяцев. Вы все, сидящие тут, не держав никогда иглы в руках, могли бы благодаря машине за один месяц научиться шить и также быстро научиться ткать, прядь и т. д. (С м е х в з а л е.)

Единственная профессия, которая будет существовать в будущем — это профессия механика. Человек сможет поочередно заниматься всеми видами производственной деятельности — и притом с наибольшей пользой для своего физического и духовного развития. (В о з г л а с ы в з а л е.)

Вы протестуете? Но ведь в этом именно заключается то превосходство англо-саксонской расы, которым Вы восхищаетесь в Америке. Жители дальнего запада всегда знают несколько профессий и постоянно изучают что-либо новое.

Этот переход от одной деятельности к другой является лучшим средством для развития ума, для развития личности. Поэтому только в коммунистическом обществе, где забота об индивидуальной собственности не будет больше угнетать человека, которому нужно будет выполнить только свой общественный долг, чтобы иметь возможность пользоваться всеми благами общества, только там человек сможет свободно путешествовать с севера на юг, переходить от ткацкой фабрики к обработке земли или к любому другому занятию и всесторонне развивать свою индивидуальность, не встречая препятствий.

Духовное воспитание, о котором здесь говорил г. Демолен, как это ни печально, представляет пустые слова для рабочего класса; после 10 часов работы на фабричной торговле человек не способен идти слушать лекцию профессора, — усталость одолевает его и он засыпает. Ум рабочего, сверх меры обремененного работой на капиталистических фабриках, губится крупной промышленностью.

Возьмите народные песни средневековья или песни таких стран, как Россия, где капиталистическая промышленность еще не утвердилась, и Вы увидите, — всякий может проверить справедливость моих слов, какие это чудесные поэтические произведения. Илиада ²⁰, прекраснейшее эпическое произведение человечества, представляет собой не что иное, как собрание народных песен.

Отправьтесь затем в северные департаменты, послушайте жалкие песни, которые там поются, и Вы поймете огромную разницу между работником коммунистической общины и несчастным пролетарием капиталистической промышленности.

Если Вы действительно стремитесь к развитию человеческой личности, то будьте по крайней мере настолько логичны, чтобы требовать уничтожения капиталистической собственности, которая подавляет человека.

*Печатается по тексту книги:
П. Лафарг «За и против коммунизма», 1921.*

*Сверено с парижским изданием
книги «Le communisme et l'évolution
économique», 1936*

СОБСТВЕННОСТЬ И ЕЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ

ФРИДРИХУ ЭНГЕЛЬСУ

его ученик и друг

ПОЛЬ ЛАФАРГ

Глава первая

ФОРМЫ СОВРЕМЕННОЙ СОБСТВЕННОСТИ

1. КЛАССИФИКАЦИЯ ФОРМ СОБСТВЕННОСТИ

Собственность, по словам экономистов, есть общественное явление, не подчиняющееся закону эволюции, который управляет материальным и духовным миром. Эти присяжные защитники социальной несправедливости, признавая за собственностью лишь одну-единственную и постоянную форму — *капитал* *, утверждают, что он — вечен. Чтобы убедить в его бессмертии, они всячески стараются доказать, что капитал существует от сотворения мира и, торжествуя, делают вывод, что, не имея начала, он не может иметь и конца. В подтверждение этого удивительного вывода учебники политической экономии как попугаи повторяют историю дикаря, передающего свой лук товарищу с условием дележа результатов охоты. Не удовлетворяясь этим до-

* Философы Декартовской школы²¹ советовали начинать всякий спор уяснением точного значения слов и терминов, употребляемых в споре; итак, прежде чем идти далее, определим точный смысл слова капитал. Под словом *капитал* разумеется всякая собственность, приносящая проценты, ренту, прибыль или доход. Капиталом можно назвать сумму денег, отданную под проценты, как и всякое орудие производства (земля, ткацкий станок, металлургический завод, судно и т. д.), употребляемое не собственником, а наемными рабочими. Но поле, обрабатываемое крестьянином-собственником с помощью своей семьи, ружье браконьера, лодка рыбака, рубанок столяра, нож хирурга, перо писателя и проч., хотя и представляют собственность, не могут называться капиталом или капиталистической собственностью, потому что их обладатели пользуются ими как орудием приложения собственного, а не чужого труда. Слово капитал значит собственность, используемая наемными тружениками, производящая товары и приносящая доходы собственнику. Идея получения прибыли без труда так же не отделима от слова капитал, как платье, приросшее, по известной легенде, к Геркулесу²².

историческим происхождением капиталистической собственности, некоторые экономисты отыскивают ее вне человеческого общества. Они открыли ее у беспозвоночных, опираясь на то, что предусмотрительный муравей собирает запасы. Жаль, что они остановились на этом славном пути на пол-дороге и не увидели дальше, что насекомое это делает запасы лишь для того, чтобы продать их и получить прибыль от торгового оборота.

Есть, однако, пробел в этой безотрадной теории вечности капитала: проповедники ее не доказали вечности самого слова *капитал*. На кораблях всякая веревка, за исключением привязанной к колоколу, имеет свое особое название. Трудно допустить, чтобы в экономической области человек не оказался столь же богатым в лингвистическом отношении и оставил без наименования вещь настолько полезную, как капитал. Однако же достоверно известно, что слово капитал в специальном смысле, придаваемом ему в наши дни, появилось лишь с XVIII столетия, точно так же, как и слово *филантропия*, означающая одну из форм лицемерия, свойственного капиталистическому строю, так как именно в это время собственность в форме, именуемой капиталом, начинает получать преобладающее значение в обществе*.

Это доминирующее социальное значение капиталистической формы собственности над феодальной породило одно из главных событий современной истории — французскую революцию, совершенную в сущности исключительно в интересах класса капиталистов под вывеской свободы, равенства, братства, справедливости и патриотизма, которые впоследствии использовались как реклама в проспектах

* Ла Кюрн де Сент Пале (La Curne de Sainte-Palaye) упоминает о слове «капитал», как о прилагательном, определяющем некоторые налоги; как существительное оно употребляется для обозначения частей строения и одежды (Dictionnaire de l'ancien langage françois depuis son origine jusqu'à Louis XIV). Литре (Littre)²³ находит его, как прилагательное, в рукописях XII столетия. Древнейшее упоминание о нем, как о существительном, относится к XVI столетию. В словаре Ришеле (Richelet) (1728) слово это приведено как прилагательное, употребляемое только в двух или трех случаях как имя существительное. То же повторяется в словаре Треву (Trévoux) (1771). И только в «Энциклопедии» Дидро²⁴ оно принимает экономическое значение: «Слово *капитал* означает сумму, подлежащую уплате независимо от процентов. — Обозначает также фонд какой-нибудь компании».

и программах финансовых и политических спекулянтов*. Вид собственности, соответствующий слову капитал, начинает приобретать общественное значение только вследствие товарного производства, бывшего завершением экономического и политического развития Европы, начавшегося еще с XII столетия и ускоренного открытием Америки и дороги в Индию вокруг мыса Доброй Надежды, ввозом драгоценных металлов из Нового Света, изобретением пороха, книгопечатания и компаса, взятием Константинополя, родственными союзами государей, организацией больших европейских государств и последовавшим в результате этого относительным общим умиротворением. Все эти причины вместе с другими, менее важными, развили капитал, наиболее совершенную, но, можно добавить, и последнюю форму частной собственности.

Сравнительно недавнее появление капиталистической формы служит лучшим доказательством того, что собственность не остается неподвижной, без изменений, но, подобно всем явлениям материального и духовного порядка, развивается и проходит ряд различных форм, вытекающих одна из другой.

Собственность настолько мало склонна оставаться в одной застывшей форме, что и в современном обществе она существует в нескольких видах и разновидностях:

- I. *Общественные формы собственности*
- а) — *Общественная собственность древнего происхождения*: имущества коммунальные, государственные и т. д. — предметы зависти и нападок дворянства и буржуазии в течение столетий.
 - б) — *Общественная собственность современного происхождения*, управляемая государством под именем общественного обслуживания: почта, железные дороги, музеи, национальные библиотеки и проч.

* В эпоху революции капиталист был животным настолько недавнего общественного происхождения, что Себастьян Мерсье²⁵ (Sébastien Mercier) в своем словаре новых слов, появившихся в 1802 г., дал слову «капиталист» следующее курьезное определение: «Капиталист — это вещь известная лишь в Париже. Означает обладателя чудовищного состояния, человека с медным сердцем, имеющего лишь металлические привязанности. Говорят ли о земельном налоге, ему до этого нет дела, он не владеет ни пядью земли. Как его обложить налогом? Подобно арабам пустыни, ограбившим караван и закопавшим золото в землю из боязни других, капиталисты зарыли наши деньги».

II. Частные формы собственности

II. Частные формы собственности	{	v) — Собственность личного, индивидуального пользования.
		г) — Собственность — орудие производства.
		д) — Собственность — капитал.

II. СОБСТВЕННОСТЬ ЛИЧНОГО ПОЛЬЗОВАНИЯ

Собственность личного или индивидуального пользования есть наиболее примитивная форма собственности; она всегда существовала и будет существовать, так как составляет необходимое условие жизни. Понятие это чрезвычайно растяжимо: от пищи, поглощаемой человеком для поддержания своих сил, до драгоценностей, которыми он себя украшает. Когда-то жилище также принадлежало к этому роду собственности; человек владел им, как черепаха своим панцирем. Если цивилизация, благодаря применению в промышленности машин, и создает возможность бедным людям приобретать ряд предметов роскоши, доступных ранее лишь богачам, то зато она лишила огромное большинство граждан своих домов, вынудила их жить в наемных квартирах и меблированных комнатах и, среди невиданного изобилия, заставила производителя довольствоваться самым ограниченным минимумом собственности личного пользования.

Капиталистическая цивилизация осуждает пролетария на прозябание в условиях жизни более жалких, чем жизнь дикаря. Оставляя в стороне тот важный факт, что дикарь не работает для обогащения паразитов, посмотрим лишь, чем он питается. Бесспорно, что владея большими стадами свиней и других животных и имея возможность охотиться в лесах, изобилующих дичью, и заниматься рыбной ловлей, варвары, населявшие Европу в первые века нашей эры, хотя и одевались в звериные шкуры и грубые ткани, но потребляли больше мясной пищи, чем пролетарии цивилизации, которых их одежды из хлопчатобумажной ткани и поддельной шерсти, сотканые при помощи усовершенствованных машин, весьма плохо защищают от непогоды.

Положение пролетария еще тем хуже, что организм его не так крепок и привычен к непогоде, как тело дикаря.

Буржуа считает себя воплощенным идеалом человечества. Его философы — как свободные мыслители так и ве-

рующие — хором стараются доказать, что это тощее или покрытое нездоровым жиром существо, у которого даже больше болезней, чем пороков, есть последнее произведение эволюции человечества *. Но всякий беспристрастный наблюдатель должен согласиться с физической и духовной неполноценностью цивилизованных людей, конечно, принимая во внимание исключения, — и с необходимостью умелого воспитания, начатого с колыбели, продолженного целую жизнь, в течение нескольких поколений с тем, чтобы вернуть человеку силу мускулов и совершенство чувств варваров **.

Современный рабочий принужден довольствоваться минимумом предметов личного пользования, строго необходимых для удовлетворения его самых насущных потребностей, лишь потому, что капиталисты имеют их достаточно для выполнения самых безрассудных фантазий. Будь у них

* Один американский эволюционист, принимая во внимание количество преждевременно облысевших голов и беззубых ртов в буржуазном классе, который, по теории Дарвина, наиболее усовершенствован в жизненной борьбе, предсказывает лысое и беззубое человечество. Это бы и случилось, если бы капиталистическая цивилизация продолжилась.

** Цезарь ²⁶, которому самые рьяные почитатели капиталистической цивилизации не могут отказать в некоторой наблюдательности, не переставал удивляться силе и ловкости, проявленным в бою дикими германцами, сражавшимися нагими и с непокрытой головой против солдат, закованных в броню и каски, и которых он боялся преследовать, победивши. Во время седьмой войны, единственной славной для римлян, как говорит Наполеон I, отчаявшись сломить геройское сопротивление галлов, предводительствуемых Верцингеториком, Цезарь послал набирать войска за Рейн и спешил свою копию для того, чтобы предоставить копей германцам, и он был прав. Два раза — при Новидионуме и Алезии, — когда римские когорты отступали, германская кавалерия выигрывала сражение, расстраивая ряды галлов. Позднее, спустя более столетия, Цивилис для того, чтобы побудить к восстанию германцев и галлов, напомнил им, что Цезарь мог победить Галлию лишь с помощью германских войск.

Морган ²⁷, один из редких антропологов, не разделяющих бессмысленного презрения филистеров к народам не цивилизованным, находит, что «прогресс, достигнутый в период дикости и варварства, может быть, важнее принесенного цивилизацией».

Дикари плохо приспособляются к капиталистической цивилизации; они теряют свои качества и с ужасающей быстротой переживают пороки цивилизованных. Но история египтян и греков показывает, какой высокой степени материального и духовного развития может достигнуть варварский народ, поставленный в благоприятные условия и развивающийся свободно.

50 голов и сотня ног, как у трех мифологических гигантов, и тех бы не хватило, чтобы износить все шляпы и башмаки, которыми завалены их гардеробы. Богачи жалеют о том, что невозможно расширить вместимость желудка, дабы быть в состоянии проглотить все яства, которыми загромождены их столы. Они напоминают безумных султанов, населяющих свои серали, как будто бы они обладают силою десяти Геркулесов для того, чтобы ими пользоваться. Если пролетарии страдают от недостатка собственности личного пользования, капиталисты в конце концов становятся мучениками ее пзобилия. Скука, их подавляющая, и болезни, терзающие и изувечивающие их вырождающуюся расу — неизбежное следствие окружающего их излишества. Моральсты лучше бы сделали, проповедуя буржуазии добродетель воздержанья, чем твердить пролетариям свое грустное учение о бережливости.

III. СОБСТВЕННОСТЬ — ОРУДИЕ ПРОИЗВОДСТВА

Человек, по выражению Франклина ²⁸, есть «*toolmaking animal*» — животное, производящее орудия. И действительно, орудие отличает его от предков — животных. Обезьяна довольствуется палками и камнями. Человек — единственное животное, обтачивающее каменный топор, служащий ему орудием и оружием; так что обточенный камень, найденный в пещере или геологическом пласте, может служить таким же несомненным доказательством присутствия человека, как и человеческий скелет.

Орудия производства — каменный ли топор дикаря, или рубанок плотника, микроскоп физиолога или поле крестьянина, есть придаток к органам человека, который должен облегчить удовлетворение его материальных и духовных нужд.

Пока существует мелкая ручная промышленность, свободный производитель владеет своими орудиями производства. В средние века ремесленник носил с собою свои инструменты, как в наше время хирург свои. Еще до установления частной земельной собственности, крестьяне временно владели кусками земли, достававшимися им по разделу. Во времена же феодализма крепостной так тесно был привязан к земле, которую он возделывал, что не мог ее оставить. Существуют еще многочисленные следы этой личной собственности на орудия производства, но она быстро

исчезает: производства, которых коснулась механизация, вырывают орудия из рук ремесленника и присоединяют их к машине. Машина же представляет собой не индивидуальное, а коллективное орудие, и, следовательно, не может уже принадлежать лично производителю.

Капиталистическая цивилизация отнимает у человека его придаток в виде орудий, и историческое начало этого лишения относится ко времени экспроприации главного усовершенствованного инструмента — оружия. Дикарь владеет своим луком и стрелами, которые ему служат одновременно и оружием и орудием, солдат же представляет первого пролетария, лишённого и того и другого в пользу государства, зачисляющего его в ряды своего войска.

Капиталистическая цивилизация низвела до минимума собственность личного пользования: идти в этом направлении дальше невозможно, не рискуя жизнью производителя, который служит ей курицей, несущей золотые яйца. Теперь она стремится лишить его совершенно орудий производства; часть рабочего класса Европы лишена их уже вполне.

IV. СОБСТВЕННОСТЬ — КАПИТАЛ

Капитал — характерная форма собственности современного общества: ни в каком другом обществе он не существовал по крайней мере, как общий господствующий фактор.

Существенное условие этой формы собственности — эксплуатация свободного производителя, ежедневно лишаемого части производимых им ценностей. Карл Маркс представил этому неоспоримые доказательства. Существование капитала основывается на товарном производстве, т. е. порядке, при котором продукт труда рабочего вместо непосредственного удовлетворения нужд самого рабочего или потребления его феодального сеньора или хозяина-рабовладельца идет на рынок.

В других обществах также покупали и продавали, но там продавался только излишек над потреблением. В этих обществах также эксплуатировался производитель, крепостной или раб, но собственник имел относительно него некоторые обязательства: так хозяин раба кормил свое рабочее животное — человека, даже когда у того не было работы. Капиталист освобожден и от этой заботы, отнесенной за счет свободного производителя. Доброе сердце Плутарха ²⁹ возмущалось нравственными правилами Катона,

продававшего рабов, состарившихся у него на службе. Что бы он сказал о том, что происходит в наши дни? Нет такого капиталиста, христианина, свободного мыслителя, антисемита или филантропа, который бы не выгнал на улицу умирать с голода пролетария, благодаря которому он нажил миллионы. Буржуазия, освободив раба и крепостного, громогласно провозглашает себя борцом за человеческую свободу, однако она заботится не об эмансипации производителя, а об освобождении капиталиста от всяких обязанностей по отношению к трудящемуся. Только при осуществлении капиталистической формы собственности собственник может в полном объеме пользоваться правом *«употреблять и злоупотреблять»* (droit d'user et d'abuser).

* * *

Таковы формы собственности, существующие в современном обществе. Даже поверхностное наблюдение показывает, что их нельзя назвать неизменяемыми, напротив, они подвержены постоянным преобразованиям. Так, в то время как общественная собственность древнего происхождения исчезает, вытесняемая частной, капиталистическая частная собственность превращается в общественную, управляемую государством; но, прежде чем дойти до этой крайней формы, капитал лишает производителя его индивидуальных орудий и создает коллективные орудия производства.

После того, как мы констатировали в настоящем эту эволюцию форм собственности, было бы более чем безосновательным утверждать, что в прошедшем собственность всегда оставалась неизменной и не проходила целый ряд форм прежде, чем принять форму капитала, которой в свою очередь предстоит исчезнуть и быть замененной новыми.

Прежде чем приступить к описанию различных форм эволюции собственности, я считаю нужным сказать несколько слов о методе, принятом в этом историческом очерке.

V. МЕТОД

Все люди, без различия рас, проходят от рождения до смерти одни и те же фазы развития. В одном возрасте, с некоторыми изменениями под влиянием различий климата, они переживают те же периоды: прорезывания зубов, возмужалости, роста и упадка. Также и человеческие обще-

ства проходят одинаковые формы развития семьи, те же социальные, религиозные и политические учреждения и соответствующие нравы и философские идеи.

Вико ³⁰, которого называют «отцом философии истории», первый увидел этот великий закон исторической эволюции: в своей «*Scienza nuova*» он говорит об «истории идеальной, вечной, через которую проходят истории всех наций, с какой бы ступени дикости, животности и кровожадности они ни начинали свою гражданственность» *. Карл Маркс, который связывал явления политического мира и духовного с явлениями мира экономического, обновил концепцию истории, подтвердил закон Вико, говоря в предисловии «*Капитала*», что: «страна, промышленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего».

Если бы была известна история какого-нибудь народа от дикого его состояния до цивилизованного, она бы могла служить прототипом истории всех народов, обитающих на земле. Но невозможно последовательно проследить все фазы, проходимые какой-нибудь нацией. Однако, если нельзя составить эту историю, так сказать, из цельного куска жизни одного народа или расы, — ее можно составить, соединяя вместе факты, взятые из истории разных народов земного шара **. Человечество при помощи такого приема, по мере того как старится, имеет возможность узнавать свое детство.

Нравы предков цивилизованных народов вновь встречаются у народов диких, где цивилизация их еще не успела разрушить. Обычаи, общественные и политические учреждения, религии и идеи дикарей и варваров позволяют исторiku вызвать прошедшее, считавшееся безвозвратно забытым. Обратясь к первобытным народам, можно отыскать происхождение собственности; собирая факты по всей земной поверхности, можно проследить ступени развития собственности.

* «Una istoria ideal, eterna, sopra la quale corrono in tempo le storie di tutti le nazioni: ch'ovunque da tempi selvaggi, feroci e fieri comminciano gli uomini ad addimesticarsi». (*Principi di Scienza nuova*; De principi; lib. II, sect. v., Milano 1837).

** На следующих страницах читатель найдет факты, заимствованные из жизни Старого и Нового Света и сгруппированные с целью показать, что у всех народов повторяются те же явления, независимо от различия происхождения и степени последующей культуры этих народов.

Глава вторая ПЕРВОБЫТНЫЙ КОММУНИЗМ

I. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЛИЧНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Экономисты так щедро наделяют дикаря капиталом лишь потому, что находятся в выгодном неведении относительно обычаев дикарей, а также и всех первобытных народов.

Существуют до сих пор дикие племена, не имеющие никакого понятия о земельной собственности, ни индивидуальной, ни коллективной и едва дошедшие до индивидуального владения предметами личного пользования.

Файсон и Хауитт (Fison et Howitt)³¹, основательно изучившие быт австралийских племен, рассказывают, что у некоторых из них даже предметы наиболее, так сказать, личные, например оружие, украшения и т. д., так быстро переходят из рук в руки между членами группы, что никак не могут считаться личной собственностью, а только разве общинной, принадлежащей всем членам.

Индивидуальная или личная собственность появляется сначала в форме идеальной: раньше обладания какой-либо материальной собственностью дикарь — идеалист в большей степени, чем это думают, — получает собственное имя. Дастся оно ему при достижении им совершеннолетия в религиозной церемонии, память о которой сохраняют нам обряды католического крещения. Дикарь дорожит этим именем, как наибольшей драгоценностью. Он не открывает его иностранцам из боязни, что оно будет отнято, и когда хочет доказать свою дружбу бесценным подарком — обменивается со своим другом именем. Но даже эта личная собственность не принадлежит ему абсолютно: по словам

Моргана, имя принадлежало роду, которому и возвращалось по смерти друга, одаренного этим дикарем *.

Индивидуальная собственность в материальной форме появляется лишь в виде предметов, связанных с личностью дикаря или даже в буквальном смысле соединенных с нею, как украшения, продетые в нос, уши или губы, звериные шкуры, обвязанные вокруг шеи, человеческий жир для натирания от ревматизма, хрустальный камень — предполагаемый экскремент божества и другие драгоценности, заключающиеся в корзине из древесной коры и привязанные к телу их собственника.

Эти предметы личного пользования не покидают его и после смерти; их сжигают или зарывают вместе с телом. Для того, чтобы предмет сделался индивидуальной собственностью, нужно связать его с телом собственника действительно или же фиктивно. Дикарь, желающий признания, что какой-нибудь предмет принадлежит ему, должен сделать вид, что съедает его; он подносит его ко рту, прикладывает к языку, лижет. Эскимос, покупая маленькую вещь, хотя бы иголку, прикладывает ее к губам или же подвергает какому-либо другому символическому действию посвящения в знак того, что желает сохранить ее для своего личного потребления. Так произошел институт табу.

Пользование есть главное условие личного присвоения. Даже предметы, произведенные данным лицом, считаются принадлежащими ему лишь в том случае, если он ими

* Дикарь и варвар одухотворяют все: сверхчувственная душа — это, по выражению Энгельса, скучная идея, которая столько мучила людей, есть одна из их выдумок. Слова для них живут, представляя, так сказать, душу предмета, который они обозначают. Христианское воплощение слова есть воспроизведение идеи дикаря. Как дух человека, отделяющийся от тела после смерти и даже при жизни во время сна, может осуществлять акты мщения и наказывать своих врагов, так и слова обладают необыкновенной силой добра и зла: поэтому слова проклятия повергают первобытных людей в суеверный ужас.

В этом сочинении я буду, как Морган и Энгельс, употреблять слово *gens* — «род» преимущественно перед его синонимом — кельтическим *кланом*, т. е. слово *gens* имеет большее историческое распространение, судя по его происхождению и большому количеству производных. Латинское слово *gens*, употребляемое Морганом для обозначения единокровных групп, составляющих племя, происходит, как и греческое слово того же значения *genos*, от арийского корня *gan*, которое значит порождать. *Gens* и *genos* употребляются исключительно для групп, гордящихся общим происхождением; откуда латинское *gentilis* (человек рода) и французское *gentilhomme* (дворянин).

пользуется, освящает их употреблением. Эскимос может иметь две лодки, если он делает третью, она идет в распоряжение его рода; все то, чем он не пользуется, поступает в общинную собственность. Дикарь не считает себя ответственным за лодку или вообще какое-нибудь орудие рыбной ловли или охоты, заимствованное у другого, и не думает о его возвращении, если ему случится его потерять.

II. РОДОВОЙ КОММУНИЗМ

Первобытный человек не может дойти до идеи индивидуальной собственности по той простой причине, что у него отсутствует сознание своей индивидуальности, своей отдельности как лица от единокровной группы, в которой он живет.

Дикарь подвержен стольким действительным опасностям и мучим столькими воображаемыми опасениями, что не может жить один; он не может даже постигнуть этой идеи. Изгнание из его рода, его орды равносильно для него смертному приговору. У доисторических греков и семитов, как и у всех варварских народов, убийство одного из членов племени наказывалось лишь изгнанием. Орест после убийства своей матери и Каин, убивший брата, должны были покинуть свою страну. Даже в передовых цивилизациях, какими были Греция и Италия в историческую эпоху, изгнание все же остается наиболее тяжелой карой. «Изгнанник, — по словам греческого поэта Теогниса, — не имеет ни друзей, ни верных товарищей, в этом главная тяжесть изгнания». Быть отделенным от своих, вести уединенный образ жизни ужасает первобытного человека, привыкшего к жизни стадной.

Несмотря на то, что дикаря можно назвать, учитывая среду, в которой он живет, существом полноценным, даже более полноценным, чем цивилизованные, так как он способен удовлетворять все свои потребности, он настолько тесно связан со своим племенем, со своим родом, что не проявил, не объектировал своей индивидуальности ни в личной собственности, ни в семье, как мы ее понимаем. У наиболее первобытных диких людей семья не существует совершенно: женщины одного рода общи всем мужчинам другого. Дети принадлежат всему роду, как этого желал Платон³² в его утопической республике; они смотрят друг на друга, как на братьев и сестер, и называют матерями как

собственных матерей, так и других женщин того же поколения. Род для них все, они ничего не знают вне его, род и женится, он же представляет собою и собственника.

Все в лоне рода есть общее достояние. Бушмен³³, получая подарок, делит его между членами своего рода. Дарвин³⁴ наблюдал жителя Огненной Земли, разрывающего доставшееся ему одеяло на части, по числу своих товарищей. Если бушмену удастся достать быка или что-нибудь другое, он делит свою добычу точно так же, оставляя себе часто самую меньшую долю. Во время голодовок молодые огнеземельцы рыщут по берегам, и если им посчастливится найти на мели кита, их излюбленную пищу, возвращаются, не тронув его, хотя бы и умирали с голоду, известить об этом членов их рода, которые спешат к находке; после этого старший делит труп кита на равные части.

У дикарей более развитых, чем жители Огненной Земли и бушмены, результат охоты принадлежит не тому, кем убита дичь, а семье его жены или иногда и его жене, причем дележ происходит по точным правилам, с соблюдением всех степеней родства.

Охота и рыбная ловля, эти две первоначальные формы производства, ведутся обыкновенно сообща, точно так же и результат их потребляется сообща. Воткуда, эти неукротимые племена Бразилии, организуют сообща охоту загоном и удаляются с места поимки зверя лишь после того, как съедят его. Племена, у которых обычай охоты сообща вышел из употребления, сохраняют, однако, старинное обыкновение совместного приема пищи: счастливый охотник созывает на пир, приготовленный из его добычи, всех членов своего рода. В некоторых деревнях Кавказа семья, убивая быка или десяток баранов, устраивает праздник всему селению; все пьют и едят вместе в поминовение умерших в этот год.

Обед в память усопших является пережитком этих коммунистических пиров.

Морган, изучивший коммунистические нравы этой эпохи, в своем последнем значительном сочинении описывает общию охоты и рыбные ловли североамериканских индейцев *

Племена, населяющие низменности и питающиеся почти исключительно животной пищей, в охоте показывают

* *Lewis H. Morgan, House and house life of the American aborigines, Washington 1881.*

своей коммунизму. «Черноногие» во время охоты на буйволов следуют верхом за стадом в большом количестве, сопровождаемые женщинами и детьми. Когда же начинается деятельное преследование стада, охотники бросают убитых животных, которыми завладевает первый, кто следует за ними, и такой способ раздачи продолжается, пока не снабдят всех... Одни разрезают мясо буйвола на длинные и тонкие ремни, которые высушивают на солнце или в дыму. Другие из части добычи готовят пеммикан: высушенное и измельченное в порошок мясо, смешанное с жиром и завернутое в кожу животного.

На время рыбной ловли в реке Колумбии, изобилующей рыбой, собираются все члены племени и весь улов складывают вместе. Каждый вечер происходит дележ по числу женщин, из которых каждая получает равную часть... Рыб разрезают, сушат на плетнях и в корзинах переносят в селения.

III. ОБЩЕСТВЕННОЕ ЖИЛИЩЕ И СТОЛ

Дикари, прекращая свои странствования по берегам рек и морей в поисках пищи, которую им в изобилии доставляет природа, становятся оседлыми, строят жилища, но дома их принадлежат не отдельным лицам, а всему роду и остаются в общинном владении даже тогда, когда семья начинает обособляться, переходя к матриархальной форме; тогда она включает в себя несколько сотен человек. У жителей Каролинских островов семьи в семьсот и более членов жили под одной крышей.

Как тип этих общих жилищ, можно упомянуть те, которые Лаперуз³⁵ встретил в Полинезии; длиною в 310 футов, шириною от 20 до 30 и вышиною в 10 футов, они имели форму опрокинутой пироги, открытой с обоих концов и вмещающей более 100 человек. Длинные дома (long houses) ирокезов, исчезнувшие в конце прошлого века, как утверждает Морган, имели в длину более 100 футов, на 30 футов ширины и 20 высоты. Во всю длину их тянулся узкий проход, в который открывались небольшие комнаты в 7 футов шириною, предназначавшиеся для замужних женщин. Каждый дом имел на обоих входных дверях красочное или скульптурное изображение тотема рода, т. е. животного, от которого он считал себя происходящим.

Деревни племени диак (Duaks) на Борнео состоят из подобных жилищ, построенных на сваях в 15—20 футов от земли, подобно свайным постройкам в Швейцарии. По словам Геродота ³⁶, пеонпйцы (Poeoniens) также жили в хижинах, поставленных на сваях на озере Празиае (Prasias). Замужние женщины диаков имели свои особые помещения, выходящие в центральный коридор; мужчины и молодые люди, незамужние женщины и девушки спали в отдельных общих залах. Мексиканские большие дома (casas grandes) имели вид колоссальной лестницы, состоящей из нескольких отступающих этажей, разделенных на комнаты.

Дворцы, открытые Шлиманом ³⁷ в Арголлиде, и остатки огромных жилищ, развалины которых теперь находят в Норвегии и Швеции, представляют общинные жилища греков времен Гомера и скандинавов варварского периода. Жилища семейных общин, встречавшиеся в Оверне еще в первой половине этого столетия, устроены подобно длинным домам прокезов.

В этих домах съестные припасы находятся в общем владении, приготовление и потребление их также производится сообща, на коммунистических началах.

Нужно обратиться к Моргану для того, чтобы иметь описание жизни их обитателей. Правда, исследования его относятся, главным образом, к быту краснокожих Америк и преимущественно прокезов, среди которых он жил, как гость и приемный член племени, но, говоря его же словами, «если какой-либо обычай обнаружен у прокезов, более чем вероятно встретить подобный же и у других племен, находящихся в одинаковых условиях и, следовательно, имеющих те же нужды».

Прокезы, жившие вместе, разводили сады, собирали плоды, складывали их в жилищах, которые им служили общественными складами. Тут, правда, было нечто вроде частного владения, скорее — владения отдельных семей.

Например, стебли маиса, связанные за листья в пучки, вешались в разных комнатках, когда же у одного из семейств весь запас истощался, другие снабжали его маисом по потребности, пока он в свою очередь весь не выходил. Точно так же поступали с рыбой и запасами дичи. Запасы растительной и животной пищи, разделенные и порученные надзору женщин, оставались общей собственностью всего рода.

В деревнях индейцев встречается любопытное явление: частное владение предметами личного пользования, употребление которых, однако, остается общественным. «В индейской деревне или в семействе индейцев, — рассказывает Гекевельдер (Heckewelder) о делававах и мунзеях (des Delaware et des Munsees), — не существует ни одного предмета, не имеющего своего отдельного собственника. Каждый человек знает, что ему принадлежит, начиная от лошади и коровы и кончая собакой, кошкой и цыплятами... Иногда все котята или цыплята одного выводка принадлежат различным хозяевам и, покупая наседку, приходится договариваться со столькими детьми, сколько в выводке цыплят. Таким образом, если в племени господствует принцип общности, то между членами семейств признается право собственности» *.

Действительно, личная собственность зарождается при первобытнообщинном строе и не только не противоречит ему, как уверяют экономисты, но представляет необходимое его дополнение.

Другие индейские племена, как, например, в деревнях Лагуна (Laguna) (Новая Мексика), вместо того, чтобы делить запасы по числу матерей семейств и отдавать им на хранение, складывают их в общественные склады. «Управление этими амбарами обыкновенно поручено женщинам, — пишет в 1869 году Моргану пастор Самуэль Горман (Samuel Gorman). Они больше заботятся о будущем, чем их соседи — испанцы. Запасов пищи им хватает обыкновенно на весь год и голод у pueblos бывает только в случае двух неурожайных лет подряд».

Индейцы майа (Maya) на Юкатане готовят пищу для всей деревни вместе, в одной хижине, подобно тому, как в средние века пекли хлеб для всей общины в общей печи. В своем «Путешествии по Юкатану» Стефен (Stephen) рассказывает, что ему приходилось часто наблюдать группы женщин и детей, выходящих из общей кухни, с деревянными или глиняными мисками в руках, наполненными

* *Heckewelder, Histoire, Coutumes et Moeurs des nations indiennes, qui habitaient la Pensylvanie et les Etats avoisinants.*

Гекевельдер был моравским миссионером, он провел 15 лет среди индейцев (1771—1786) и говорил на их языке. Его главная книга, заключающая личные наблюдения, рассказывает много заблуждений, распространяемых филистерами о дикарях.

дымящимся кушаньем, которые затем направлялись к частным жилищам.

У прокесов же в каждом длинном доме приготовлялась сообща пища для всех его обитателей. Женщина, главная в роде, раздавала пищу из общего котла всем семействам, соответственно их потребностям; для каждого кушанье подавалось в отдельной миске, деревянной или глиняной. Ни столов, ни стульев, ни тарелок, ни комнаты, похожей на кухню или столовую, у них не было, всякий ел стоя или сидя, где придется. Пища раздавалась сначала мужчинам, затем женщинам и детям. Остатки откладывались на случай, если кто-нибудь из обитателей дома проголодается в течение дня. После полудня женщины варили *homīnu*, род каши из толченого маиса, которая оставлялась холодной на следующее утро или предназначалась для гостей. У них не было завтрака или ужина в полном смысле этого слова, они ели, когда бывали голодны, все, что находили в доме. Они вообще не были обжорами.

Те же обычаи господствовали в Греции доисторического периода: спеситии (общие трапезы) времен исторических представляют собою следы первобытнообщинной эпохи.

Гераклид Понтийский³⁸, ученик Платона, оставил нам описание общих трапез на Крите, где обычаи первобытного периода сохранялись долгое время. За общим столом мужчин (*andreies*) каждый гражданин получал равную долю, исключая архонта, члена совета старейшин (*gerōnia*), имевшего право на четыре порции; первую он получал в качестве гражданина, вторую — как председатель стола и еще две добавочных — за содержание столовой и обстановки. Каждый из столов находился под особым наблюдением старшей женщины, которая раздавала еду, открыто выбирая лучшие куски для людей, отличившихся в совете или на поле битвы. Иностранцам подавали первым, даже раньше архонта. Из рук в руки переходила чаша с вином, разбавленным водой, наполнявшаяся обыкновенно снова к концу обеда. Гераклид упоминает лишь об общественных трапезах мужчин; Хосек же прибавляет, что в дорийских селениях существовал обычай общественных обедов и для женщин и детей. Предположение ученого историка острова Крита тем более вероятно, что нам известно у варваров и дикарей существовавшее постоянно разделение полов.

По словам Плутарха, все участвовавшие в этих общих трапезах были равны. Поэтому он и называл последние

аристократическими собраниями — *sunedria aristokratika*. Люди, садящиеся за один стол, по-видимому, принадлежали к одному роду. Спартанцы, члены одной *сисситии*³⁹, составляли соответствующую военную организацию и сражались вместе. Дикари и варвары действуют также сообща при всех обстоятельствах как за столом, так и на поле битвы, где они строятся по семьям, родам и племенам.

Необходимость для каждого члена первобытного племени получить свою долю пищи была столь важной, что слово *μοῖρα*, в греческом языке означавшее сначала долю каждого участника трапезы, впоследствии стало названием судьбы, верховной богини, властвующей одинаково над богами и людьми и раздающей каждому его долю существования, как старшая женщина критских *сисситий* наделяла каждого его долей пищи. Замечательно, что в греческой мифологии судьба и судьбы олицетворялись в женщинах: *Μοῖρα*⁴⁰, *Aissa* и *Keres*, имена которых означают часть, достающуюся при разделе пищи или добычи.

По словам Аристотеля, съестные припасы для общей трапезы поступали в виде урожая с земель, стад и оброка земледельцев, принадлежащих к общине, так что, добавляет он, мужчины, женщины и дети на Крите кормились за счет государства. Он полагает, что введение обычая таких обедов относится к глубокой древности, что у жителей Крита он был введен Миносом, у этронов Италом⁴¹, который из кочевого сделал этот народ земледельческим. И так как стагирпийский философ⁴² нашел обычай общих трапез распространенным еще в его время у большинства народов Италии, он считает его происшедшим из этой страны. Дионисий Галикарнасский⁴³ упоминает о том, что в Риме каждая *курия*⁴⁴ имела свою общую столовую для всех родов, входящих в ее состав, так же, как и каждые десять *курий*, составляющих вместе одно из трех племен; вслед затем он говорит об общих трапезах лакедемонян и высказывает предположение, что обычай этот заимствован Ромулом из Ликургова законодательства⁴⁵.

Предположения Аристотеля, так же как и Дионисия, ошибочны: обычай общих трапез возник совершенно естественно, повсюду, без помощи иноземного влияния или подражания, как у американских индейцев, так и у греков, латинян и скандинавов, который обозначали его словом *ghilde*, сделавшимся впоследствии названием ремесленных корпораций, члены которых при вступлении в них клятвой

обязывались помогать друг другу и защищать друг друга как братьев.

Происхождение этих обедов относится к эпохе первобытного коммунизма, которую греки называли «золотым веком»; у них же они носили название «обеда богов». Одиссея ⁴⁶ рассказывает, что на одном из таких обедов 4500 граждан Пилоса (Pylos) сидели за девятью столами, по 500 человек за каждым. В Риме во время торжественных празднеств на улицах расставлялись столы для всего народа. По словам Ксенофонта ⁴⁷, в Афинах в известные дни за счет города закалывались многочисленные жертвы, мясо которых делил между собою народ.

Религия, это хранилище древних обычаев, сохранила также общественные обеды, как религиозную церемонию. По ее предписанию афинские граждане должны были по жребию есть вместе в пританее; закон строго наказывал того, кто отказывался выполнить это требование религии. Граждане, садившиеся за священный стол, становились на время священными и получали название «паразитов» (parasites) *.

Для того, чтобы засвидетельствовать древность происхождения этих религиозных трапез, в обстановке их соблюдалась первобытная простота: в одном городе хлеб подавался на медных блюдах, в другом — в глиняных чашах. Нарушить обычай предков, ввести новое блюдо, считалось святотатством. Католическое причащение (communion), как показывает само его название, есть след общих трапез первобытной эпохи.

IV. КОММУНИСТИЧЕСКИЕ ПРАВЫ

Общественные жилища, вмещающие целые роды, раздробляются на частные дома, служащие лишь для одной семьи; это раздробление влечет за собой и уничтожение общественных трапез, за исключением национальных или религиозных празднеств, как, например, священных пиршеств греков, устраиваемых в память прошлого. Съестные припасы хотя и считались принадлежащими отдельным семействам, в сущности находились в распоряжении всех. В индейской деревне каждый, будь то мужчина, женщина

* «Parasites» — по-латыни значит «сотрапезник», «прихлебатель», «блюдолиз». — (Прим. перев.)

или ребенок, говорит Кэтлин (Catlin)⁴⁸, если он голоден, может войти и поесть во всякое жилище, хотя бы даже вождя племени. Даже самый бедный и бесполезный из членов племени, если он слишком ленив для того, чтобы охотиться и добывать себе пищу, может рассчитывать на то, что обитатели первого попавшегося дома разделят с ним всю пищу, которую пмеют. Однако же, если к этой помощи прибегает человек, способный сам охотиться, он дорого оплачивает свою пищу: его клеймят позорным пменем труса и нищего.

Туземец Каролинских островов, отправляясь в путь, не обременяет себя съестными припасами. Проголодавшись, он входит в первую попавшуюся хижину и, не спрашивая позволения, опускает свою руку в сосуд с ророі — род теста из плодов хлебного дерева. Насытившись, он выходит, даже не поблагодарив хозяина: он лишь воспользовался своим естественным правом, совершил самую простую вещь в мире.

Эти коммунистические обычаи, распространенные повсюду, в Лаксдемоне удержались после того, как спартанцы вышли из варварского состояния. По словам Плутарха, Ликург, мифическая личность, которой они приписывали все свои законоположения, запретил им запираить двери домов, дабы каждый мог войти и взять пужную ему пищу или домашнюю утварь даже в отсутствие хозяина. Каждый мог также без позволения сесть на лошадь, пользоваться охотничьими собаками и даже рабами всякого другого гражданина.

Идея частной собственности, кажущаяся всякому буржуа чрезвычайно естественной, с трудом нашла доступ в головы людей. Начавши размышлять, люди подумали, напротив, что все должно принадлежать всем.

Индейцы думают, говорит Гекевельдер, что Великий Дух создал мир и все заключающееся в нем для общего блага всех людей. И населяя землю и наполняя леса дичью, он действовал в интересах не нескольких, а всех людей вместе. Всякая вещь дается совместно всем детям человеческим. Все, что дышит на земле и произрастает в поле, все, что населяет реки и воды, представляет достояние всех, и каждый имеет право на свою часть. Гостеприимство у них не добродетель, а долг. Каждый из них скорее сам ляжет спать не поевши, чем подвергнет себя упреку в неисполнении обязанности тем, что не удовлетворил потребности

гостя, больного или нуждающегося; потому что все они имеют право на помощь из «общего фонда»; потому что дичь, которой их накормили, если она была поймана в лесу, была до этого общим достоянием, а овощи и маис, которыми их угощали, выросли на общественной земле волею Великого Духа, а не человека *.

Цезарь имел случай наблюдать аналогичный коммунизм у германцев. Но он приписывал им мысли цивилизованных народов и считал, что эти коммунистические обычаи имели целью «поддержать между ними равенство, т. к. у них всякий находился в одинаковых условиях с наиболее могущественными». Как будто бы первобытный коммунизм и теперешний капитализм — произведение человеческой воли, а не развились первый — из требований естественной среды, второй — из среды экономической или искусственной, т. к. она создана людьми. Достоверно, однако, что коммунизм в производстве и потреблении предполагает и поддерживает полнейшее равенство между членами рода и племени. Этот первобытный коммунизм не только сохранял равенство, но развивал чувства братства и великодушия, делающие смешными столь хваленое христианское милосердие и не менее знаменитую философскую филантропию. Эти благородные качества восхищали людей, знавших дикие племена до того, как они были развращены алкоголем, христианством, грубым меркантилизмом⁴⁹ и тлетворными болезнями цивилизованных народов.

Ни в какую другую эпоху человеческого развития не встречается такого полного, широкого и простого гостеприимства. Если к ирокезу, по словам Моргана, войдет человек в любой час дня, будь то житель этой деревни, член племени или чужой, первая обязанность женщин дома — поставить перед ним пищу. Пренебречь этим правилом было бы недостатком вежливости, почти оскорблением. Если гость голоден, он ест, в противном же случае он все-таки из вежливости должен попробовать пищу и поблагодарить.

* Гоббс, один из наиболее здравомыслящих умов современной эпохи, был согласен с этим воззрением: «Природа,— говорит этот беспощадный логик,— дала каждому из нас одинаковое право на все...

Естественное состояние — когда всякий делает и имеет все, что ему вздумается. Отсюда распространенная фраза, что «природа всякую вещь дала всем» и вывод: «в естественном состоянии полезность есть условие права» (De cive, liv. 1, ch. 1).

«Отказ в помощи нуждающемуся считается большим преступлением,—говорит Джеймс Эдерс (James Adairs),—и тот, кто его совершает, покрывает бесчестьем не только себя, но и свое племя» *. Гость считался священным, даже если это был враг. Тацит⁵⁰ находит те же нравы у германцев-варваров, только выходящих из этого первобытного коммунизма. Ни у какого другого народа,— говорит он,— нельзя встретить таких богатых пиров и такого широкого гостеприимства. Оттолкнуть от своего порога человека, каков бы он ни был, считается преступлением. Каждый предлагает гостю угощение по своим средствам. Когда же запасы истощаются, тот, кто принимал гостя, указывает ему нового хозяина, и они вместе отправляются в соседний дом без приглашения, что, однако, не мешает им быть принятыми не менее радушно. Раз дело касается обязанностей гостеприимства, не различают ни друзей, ни посторонних.

Это широкое, братское радушие было настолько развито у людей коммунистического периода, что продолжало существовать даже по прошествии его и исчезло лишь в буржуазную эпоху цивилизации. В селениях эпохи коллективизма часть земель, оставшихся общественными, отведена для удовлетворения нужд гостей, которых поселяют в особом доме, находящемся в их распоряжении и носящем часто название «дома гостей». Эти факты наблюдались не только в общинных деревнях Индии, но и в тех, которые существовали в Оверне и Морване в начале этого столетия.

Тацит, а позднее Сальвиан, марсельский епископ конца IV века, приводили в пример цивилизованным римлянам варваров, живших возле них. Американский путешественник Кэтлин, проживший с 1832 по 1839 год среди наиболее диких племен Северной Америки, писал: «Я ручаюсь, что цивилизованным народам нечего учить их добродетели и нравственности». Путешественники, которые не были, подобно Стэнли и Бризза⁵¹ (les Stanley, les Brazza), грубыми, жадными и жестокими коммивояжерами, не только признавали и удивлялись необыкновенным качествам посещаемых ими дикарей и варваров, но даже, не колеблясь, считали эти качества следствием господствовавшего среди них коммунизма. «Дух братства среди индейцев,— говорит пезуит Шарльвуа (Charlevoix)⁵², — отчасти объяс-

* *James Adairs, History of the American Indians, London 1775.*

няется тем, что «мое» и «твое», эти ледяные слова, как их называет Иоанн Златоуст, еще совершенно неизвестны диким. Заботы, которыми они окружают сирот, вдов и калек, их замечательное гостеприимство являются лишь следствием их уверенности в том, что все должно принадлежать всем людям вместе» *.

Свободный мыслитель Лаонтан (Lahontan)⁵³, современник и критик иезуита Шарльвуа, следующими словами подтверждает его мнение: «Диким не известны слова «мое» и «твое», т. к. можно сказать, что все, принадлежащее одному, в равной степени принадлежит и другому. Деньги существуют лишь у христиан, живущих у ворот наших городов. Остальные не хотят их иметь, даже видеть и называют «французским змием»... Им кажется странным, чтобы один имел больше другого и чтобы имеющий больше пользовался большим почетом сравнительно с имеющим менее... Они никогда не ссорятся, не дерутся, не воруют и не злословят друг о друге» **.

* * *

Этот первобытный коммунизм, не знающий торговли и, следовательно, денег, встречавшийся лишь у диких племен, чпслом в несколько тысяч человек, существовал также в широком масштабе в одной стране, и, несмотря на то, что ее земледелие и промышленность были сравнительно мало развиты, обеспечил благосостояние миллионов людей и благоденствие огромного государства⁵⁴. В момент завоевания Перу жители его находились на ступени коллективной семейной собственности. Вместо того, чтобы владеть землей и обрабатывать ее сообща, они каждый год делили ее между семьями, населяющими деревни. Однако известная часть земли, около двух третей, оставлялась для их бога — Солнца и для инков — господствующей касты. Эта земля обрабатывалась сообща. Урожай шел на удовлетворение нужд культа, инков и государственного аппарата; то, что оставалось, употреблялось на работы для общественных нужд и делилось между всеми жителями соответственно их нуждам. Шерсть с огромных стад лам, пасущихся в Кордильерах, и хлопок, возделываемый на равнинах,

* *Charlevoix, Histoire de la Nouvelle-France, 1741.*

** *Lahontan, Voyage de Lahontan.*

делились так, чтобы каждому семейству хватило на одежду для всех его членов.

Обработка общественных земель и организация сбора хлебов были до такой степени совершенны, что испанские цивилизаторы, вышедшие из Европы, где господствовали нищета, разврат и воровство, попали в страну, не знающую бедствий, амбары которой были переполнены маисом и другим зерном. По словам Поло Ондегардо (Polo Ondegardo), одного из законовцев, посланных для охранения интересов испанской короны против жестоких и диких авантюристов, опустошавших Перу, в некоторых из этих амбаров «хватило бы пищи на десять лет». Прескотт (Prescott)⁵⁵ приводит документ, написанный одним из завоевателей по имени Сьерра Лежесема (Sierra Lejesema), который признается, что, когда конкистадоры, к числу которых принадлежал и он сам, разрушали империю инков, управление народом там было настолько совершенно, что у них не было ни воров, ни ленивых, ни развратников, ни женщин дурной жизни... что горы, рудники, пастбища, леса и охоты были так мудро управляемы и разделены, что каждый знал доставшуюся ему часть, владел ею, не боясь, что кто-нибудь ее похитит, и ссор по этому поводу никогда не происходило... Когда испанцы стали приделывать к своим жилищам двери и замки, туземцы приписали это их боязни быть убитыми индейцами, т. е. они не предполагали, чтобы кто-либо мог подумать взять чужую собственность. Когда же они заметили у нас воровство и разврат, то перестали относиться к нам с уважением.

Законовед Ондегардо, видя, что под властью инков «не было ни одного бедного или нуждающегося индейца», уверяет, что такое предусмотрительное коммунистическое устройство мог установить только дьявол, желавший, чтобы огрубели сердца детей, которые не должны больше помогать своим престарелым бедным родителям, и чтобы уничтожилось чувство милосердия, раз богатые избавлены от необходимости творить милостыню бедным*.

Развалины общественных построек коммунистической империи Перу, которая могла выставить в момент ее завоевания армию в двести тысяч, подобно развалинам древнего коммунистического Египта, удивляют современных строителей. Один из акведуков⁵⁶, проходящий по округу Кон-

* *William H. Prescott, History of the conquest of Peru.*

десу́й (Condesuyu), имел от 6 до 8 километров длины и при помощи резервуаров и естественных озер доставлял воду в самое сердце гор. По дороге, идущей из Кито в Куско (Cusco)⁵⁷, длиной от 2500 до 3000 километров, через каждые 15 километров имелись военные укрепления и постройки, окруженные каменным парапетом очень большого размера. Проезжая часть дороги, шириною в 7 футов, была вымощена широкими каменными плитами и в некоторых местах покрыта цементом более твердым, чем гранит. Построенная в гористой местности, дорога эта пересекала потоки и пропасти, через которые вели деревянные мосты. Гумбольдт, посетивший Перу в начале этого столетия, не мог не выразить своего восхищения при виде «этой дороги, выложенной по краям огромными камнями и напоминающей лучшие дороги римлян, которые я видел в Италии, Франции и Испании... Большая дорога инков есть одна из полезнейших и в то же время грандиознейших работ, которые были когда-либо выполнены людьми» *. И эта грандиозная работа была произведена коммунистическим народом, не имевшим вьючных животных и не знавшим употребления железа.

У. ОБЩИННАЯ СОБСТВЕННОСТЬ НА ЗЕМЛЮ

До тех пор, пока дикие племена, живущие охотою и сбором плодов и не имеющие ни одного прирученного животного, за исключением разве собаки, бродили по земле вдоль берегов рек и морей, останавливаясь там, где находили большее обилие пищи, они не думали даже об установлении общей собственности на охотничьи угодья — первого вида земельной собственности. Дикие для получения достаточного количества пищи должны пользоваться огромными пространствами земли, т. к. земледелие находится у них в зачаточном состоянии и они больше полагаются на природу, доставляющую им плоды, рыбу и дичь. Поэтому когда в какой-то местности население уплотнилось, пришлось прибегнуть к разделу вод и земель между населяющими ее племенами.

Первый раздел земли произошел в форме разграничения участков охоты; впоследствии же, когда началось разведение скота, были разделены и пастбища. Разделенные таким образом земли поступали в общую собственность

* *Humboldt, Vue des Cordillères.*

одного или нескольких союзных или находящихся в родстве между собою племен, которые в свою очередь делили их между входящими в их состав кланами или родами. Идея индивидуального владения землей проникла в человеческое сознание с большим трудом и очень поздно. «Земля подобна огню и воде, она не может принадлежать никому», — говорят американские Омахи. Земля может находиться лишь в общем владении у целого племени, и не только у членов, имеющих ее налицо, но даже у тех, которые еще не родились. Английские власти в Новой Зеландии знают об этом по собственному опыту. Купив землю у Маори (Maoris) с согласия всех членов племени, они продолжали получать новые требования денег при каждом новом рождении ребенка, потому что, по словам Маори, они, хотя и продали свои права владения, но не могли располагать правами еще не родившихся членов. Власти вышли из этого затруднения, лишь ассигновав для племени ежегодно известную сумму, из которой каждый вновь родившийся ребенок получал свою часть. Бог отвергает частную собственность на землю: «Землю не должны продавать навсегда; ибо Моя земля; вы пришельцы и поселенцы у Меня» (Левит. XXV, 23; Паралипоменон, XXIX, 15 и 16).

Папа Лев XIII в своей знаменитой энциклике против социалистов⁵⁸ выступил борцом за частную земельную собственность, позабыв, вероятно, заветы своего бога. Впрочем, евреи и христиане давно уже оставили культ Иеговы⁵⁹ для бога — собственности.

Человечество должно было пережить долгий и тяжелый период развития, прежде чем прийти к частной земельной собственности.

* * *

Огнеземельцы ограничивают земли, на которых они охотятся и которые принадлежат всему племени, широкими массивами незанятых земель. По словам Цезаря, у севов (Séuves) существовал тот же обычай. Германцы называли это нейтральное пространство, разделяющее владения двух или нескольких племен, «пограничным лесом», славяне — «лесом защиты». В Северной Америке эта полоса обыкновенно была уже между племенами, говорящими на одном языке, породнившимися и союзными.

Дикари и варвары Старого и Нового Света окружают свои земли нейтральной полосой для сохранения своих

средств к существованию, то есть дичи и стад свиней, свободно пасущихся в их лесах. Всякий чужак, встреченный на земле другого племени, подвергается преследованию; схваченный бывает изувечен, иногда даже убит. По словам Гексвельдера, индейцы обрезали нос и уши всякому, кого встречали на своей земле, и отправляли его сказать главе своего племени, что в следующий раз он будет скальпирован.

Феодальная поговорка — «кто имеет землю, должен воевать» — оправдывается уже в эпоху дикости и возникновения общинной собственности. Нарушения права охоты являются главной причиной споров и войн между соседними племенами.

Незанятые пространства, первоначально предназначенные для предотвращения захода на чужую территорию, превратились впоследствии в рынки, на которых встречались члены соседних племен для обмена своих излишков. Английский король Гарольд, победив в 1063 году кембрийцев, постоянно заходивших на территорию саксов, заключил с ними условие, по которому каждому вооруженному человеку их нации, найденному к востоку от укрепления, построенного в VIII веке королем Оффю, будет отрублена правая рука. Саксы со своей стороны воздвигли параллельное укрепление, и пространство между двумя стенами сделалось нейтральным местом для торговцев обеих наций.

VI. ПРОИСХОЖДЕНИЕ РАЗДЕЛЕНИЯ ТРУДА

Путешественники с удивлением обнаружили, что у диких народов существуют между полами моральные и материальные барьеры и живут они отдельно. Это разделение полов возникло, по-видимому, в связи с прекращением первобытного смешения и половых отношений между братьями и сестрами, что было сначала обычным явлением. Это разделение, вызванное первоначально интересами семейной нравственности, впоследствии укрепилось и усилилось благодаря различиям в занятиях обоих полов, а также благодаря собственности. На мужчину возложена обязанность добывать пищу и защита, тогда как женщина посвящает себя сбережению, распределению и приготовлению пищи для рода, изготовлению одежды и хозяйственным принадлежностей. Мужчина, как говорил Файсону один курнап, охотится, сражается, ловит рыбу и сидит; это

значит, что все остальное есть дело женщины. Так начинается разделение труда, и, по замечанию Маркса⁶⁰, оно основано первоначально на различии полов. Каждый из полов, имея свои особые занятия, имеет также и соответствующий род собственности.

Дикарь может понять существование личной собственности лишь как следствие и освящение пользования: предмет, который не может быть присвоен человеком посредством употребления, не может ему принадлежать. Мужчине — воину и охотнику — должны принадлежать оружие, лошади, орудия рыбной ловли и охоты; женщине же достается в собственность пища, хозяйственные принадлежности и другие предметы, относящиеся к ее занятиям. Как мужчина носит свое оружие и дичь, так и она переносит на своей спине все, что ей принадлежит, не исключая и своего ребенка, который представляет ее собственность, а не отца, который обыкновенно сомнителен или неизвестен.

Введение земледелия, представлявшего главную причину раздробления территории, бывшей до того общей собственностью племени, еще более усилило разделение полов.

Мужчина, ставший воином и охотником, всецело предоставляет женщине работы в поле, соглашаясь приходить к ней на помощь иногда только во время жатвы. У пастушеских народов мужчина берет на себя заботу о стадах, что в конце концов признается более почетным, чем земледельческие работы. У кафров пастьба скота считается аристократическим занятием. Древние законы арийцев⁶¹ запрещали заниматься земледелием, как занятием унижающим, двум главенствующим классам — браминам и кшатриям или воинам. «Потому что, — говорит Ману⁶², — добродетельные люди осуждают браминов и кшатриев, занимающихся земледелием, так как железный конец плуга ранит землю и людей, находящихся в ней» (Закон Ману, гл. X). Цари в волшебных сказках берут себе в жены обыкновенно пастушек, которых считают благородного происхождения.

Пользование есть единственно возможное и понятное основание собственности у дикарей, поэтому земельная собственность семей при своем возникновении считается принадлежащей женщине. Во всех обществах, где патриархальная форма семьи не вполне вытеснила матриархальную, земельная собственность находится в руках женщины. Явление это наблюдалось у египтян, у наиров (Nairs)

Малабарского берега, у туарегов африканской пустыни и басков Пиренейских гор.

Во времена Аристотеля две пятых всей территории Спарты принадлежало женщинам.

Земельная собственность, долженствовавшая эмансипировать своего владельца и доставить ему главенство в обществе, первоначально послужила причиной зависимости: женщины были осуждены на тяжелые полевые работы, как впоследствии — рабы. Земледелие, приведшее человечество к частной земельной собственности, ввело рабский труд.

VII. ОБРАБОТКА ЗЕМЛИ СООБЩА

Во время существования первобытного коммунизма земли, принадлежавшие племени, вспахиваются и засеваются сообща. В некоторых частях Индии, — говорит в своих записках Неарх, один из флотоводцев Александра Македонского⁶³, очевидец событий, происходивших в IV веке до нашей эры, — земли обрабатываются сообща племенами или группами семейств, которые в конце года делят между собой урожай. Стефен, на которого ссылается Мортан, описывает лагерь индейцев майя с Юкатана, которые владели своими землями и обрабатывали их сообща. Диодор⁶⁴ рассказывает, что у жителей Липарских островов, у берегов Сицилии, земля находилась в общем владении; одна часть жителей посвящала себя обработке земли, а другая — борьбе с тирренскими пиратами. Позднее, когда остров Липары, где они жили, был разделен между ними по жребию, другие мелкие острова все же оставались в общем владении и обрабатывались жителями сообща. По словам Цезаря, свевы, «наиболее могущественная и воинственная нация всей Германии», не имели частных, отдельных полей (*privati ac separati agri*); ежегодно каждый из их ста кантонов выставял тысячу воинов, шедших сражаться в чужие страны; те же, кто оставался у домашних очагов, должны были обрабатывать общие поля. Это обыкновение владеть полями и обрабатывать их сообща сохраняется даже по прошествии эпохи коммунизма. В русских деревнях, где господствует режим кровнородственного коллективизма, часто встречаются земли, обрабатываемые совместно, так называемая «общественная запашка»; урожай же делится между всеми дворами, входящими в «мир». В других деревнях земля делится между семьями

лишь после совместной вспашки. Донские казаки иногда вместе косят траву на своих неделенных лугах и делят уже скошенное сено. Эти пережитки коммунистической культуры можно встретить и не только в России, классической стране кровнородственного коллективизма. В 1877 году М. Миллер писал Моргану из Таоса (Taos), индейского селения Новой Мексики, что в каждом pueblo ⁶⁵ обрабатывается обща майсовое поле, сбор с которого, порученный наблюдению кацика, находится в распоряжении нуждающихся. Законы Уэльса, написанные в IX веке, постановляют, что каждое семейство должно получать около двух гектаров в частное пользование, но известная часть земли должна быть отведена для общественной обработки.

Урожай с земель, неделенных и обрабатываемых обща, идут иногда на погашение общественных издержек, вместо того, чтобы быть разделенными между жителями деревни. Гомм (Gomme) в своем Village community приводит одно селение в графстве Мет (Meath) в Ирландии, где сборы с общих полей шли на уплату десятины и налогов. В некоторых общинах Индии они идут на вознаграждение должностным лицам (кузнец, священник, школьный учитель и т. д.), служащим всем членам общины. Из Илиады и Одиссеи мы узнаем, что в Греции так же, как и в Перу, существовало отдельное священное поле (temenos), отданное местным богам и военачальнику — базилевсу.

В Шотландии сам дьявол имел свое поле, и так как черт требует вежливого обращения с собою, поле его называли «землей доброго человека» (gude man's land). Его обыкновенно оставляли невозделанным.

Афинское государство отдавало свои общие земли в аренду и часть полученного отсюда дохода употребляло на содержание священных проституток, услуги которых евпатридам последними не оплачивались.

Около двух третей всей пахотной земли в Перу оставалось общественной собственностью и принадлежало Солнцу ⁶⁶ и инкам. Жители, прежде чем пахать и засеять землю, достающуюся им по ежегодному разделу, обща работали на землях Солнца, сбор с которых удовлетворял нужды культа, а затем делился между всеми. Совместная работа была так же приятна, как общественное празднество. На рассвете с вершины башни или какой-нибудь возвышенности созывали все население. Мужчины вместе

с женщинами и детьми собирались в праздничных одеждах, в своих лучших украшениях. Люди принимались за работу с пением гимнов, прославляющих великие деяния инков, и исполняли ее с тем увлечением и весельем, которые господствуют обыкновенно на общественных работах в коммунистических обществах варваров и дикарей.

VIII. ОБЩАЯ СОБСТВЕННОСТЬ НА ДВИЖИМЫЕ ИМУЩЕСТВА

В настоящее время достоверно известно, что земля и ее продукты (злаки, рыба и дичь) первоначально в племени и роде были общей собственностью и что даже первые, чрезвычайно немногочисленные у дикарей, предметы движимого имущества (оружие, лодки, принадлежности рыбной ловли и простейшая домашняя утварь) считались также общим достоянием.

Такой коммунизм удерживается даже в то время, когда среди варварских племен стало умножаться движимое имущество (стада, рабы, драгоценные камни и металлы и т. д.). Это-то движимое имущество, способствующее накоплению богатств частными лицами и торговле, остается в течение многих тысячелетий бичом человечества и производит со временем огромный переворот, который низводит женщину с ее прежнего высокого общественного положения и побуждает слабого и бессознательного человека воздвигнуть на развалинах первобытного коммунизма и кровнородственного коллективизма злосчастную личную собственность.

Пока земледелие и промышленность оставались в зачаточном состоянии, в первобытных коммунистических обществах не было места рабству; военнопленных предавали казни или же принимали в число членов рода, нуждающегося в войнах. Обработка земель, успехи промышленности и приручение животных привели к рабству: теперь в сохранении и приобретении рабов находили экономическую выгоду, т. к. их можно было использовать на различных работах. Война, которую раньше вели между собою племена лишь с целью завоевания или охранения территории охоты, становится по мере накопления движимых имуществ средством к приобретению хлеба, стад, рабов и драгоценных металлов. Варвар-воин и охотник ненавидели работу и раньше. Чем гнущся под тяжестью земледельческих работ, он посвящает свою энергию тому, чтобы сделаться

пиратом, воином или разбойником. Разбой появляется одновременно с накоплением движимых имуществ.

Греки доисторических времен также были отважными пиратами, они рыскали у берегов Средиземного моря, скрываясь с добычей в своих акрополях, которые ютились на скалах, как орлиные гнезда. Драгоценный отрывок греческой боевой песни (Skolion d'Hybrias) дает нам понятие о жизни и чувствах воина-варвара. Герой ее поет: «Мое богатство — мое копье, мой меч и щит — охрана моего тела; ими я пашу, ими жну, ими собираю сладкий сок винограда, и они же делают меня хозяином тποια (рабов общины). А те, кто не смеет носить копья и прекрасного щита, пусть станут предо мной на колени, как перед хозяином, и назовут меня великим главою».

Лемпинкаймен, «веселый» герой Калевалы, эпической поэмы финнов, также поет: «Золото мое старо, как луна, а серебро появилось вместе с солнцем; они смело завоеваны в битвах... Одна маленькая монета, добытая в сражении, дороже всего золота и серебра, полученного с помощью плуга»*.

Грабеж на земле и на море — любимое занятие варваров. Даже занявшись земледелием, они не перестают быть пиратами. По словам Цезаря, свевы одновременно занимались обоими промыслами: ежегодно одна часть воинов их общины обрабатывала землю, другая же отправлялась в поход; по возвращении же ее первая часть, в свою очередь, предпринимала экспедицию. Добыча, привозимая ими, вероятно, делилась между всеми, так как остававшиеся дома обязаны были обрабатывать землю общины. Они были коммунистами и в земледелии и в грабеже. Впоследствии коммунизм исчез, но страсть к грабежу осталась. Афины времен полного господства частной собственности сохранили свои хищнические нравы. Солон⁶⁷ оставил в Афинах коллегии пиратов. По словам Фукидиды⁶⁸, «древние не находили ничего бесчестного в пиратстве». Капиталистические же нации держат его в большом почете. Ведь все современные колониальные предприятия представляют собою лишь войны пиратов.

* Странствующие рыцари конца средних веков, разоренные крестовыми походами и лишенные земли, жили исключительно войною. Они, как и греческий герой, называли добычу, полученную на войне, «жатвой меча». По словам поэта той эпохи, — меч был их кормильцем (gagne — pain).

Герои-варвары, приставая к берегам Средиземного моря, похищали мужчин, женщин, скот, хлеб и движимые имущества. Мужчины, обращаемые в рабство, оставались общей собственностью, пока землю владели сообща; позднее их стали распределять по жребию. В городах Крита, одного из первых островов, захваченных этими отважными пиратами, во времена Аристотеля существовали группы рабов, называемых *mnotae*, которые обрабатывали государственные земли, кормившие своими урожаями всех граждан *. Это владение рабами сообща, как и можно было ожидать, встречается и в Индии, этом обширном хранилище обычаев самого отдаленного прошлого. В 1830 году Ходжсон (Hodgson) описывал деревню, расположенную в 45 километрах к северо-западу от Мадраса, жителям которой в полевых работах помогали рабы, бывшие бесспорно общей собственностью, потому что когда кто-нибудь продавал или закладывал свою часть общинных земель, то он продавал в то же время и прикрепленных к ней рабов **. Средневековые города и даже некоторые деревни сообща владели крепостными.

Во всех странах земля, ее продукты, домашние животные и рабы первоначально являлись общей собственностью племени и рода. Коммунизм был колыбелью человечества. Цивилизация повсюду разрушила этот первобытный коммунизм, остающиеся следы которого, несмотря на жадность дворянства и буржуазии, представляют собой общественные имущества. Влияние цивилизации, однако, двойственно: с одной стороны, она разрушает, с другой — воссоздает. Так, разбивая коммунистический строй периода дикости и варварства, она создает элементы нового коммунизма.

Проследим двойное движение цивилизации как разрушительное, так и созидательное.

* В Греции существовало два класса рабов: государственные рабы (*koine doulcia*) — группа общих рабов, принадлежащих государству, и (*klarotes*), т. е. распределенные по жребию, — собственность частных лиц. В Афинах было много государственных рабов, не обрабатывавших земли, а исполнявших должности палачей, полицейских, низших чиновников администрации и т. д.

** Transactions of the Royal Asiatic Society, 1830.

Глава третья КРОВНОРОДСТВЕННЫЙ КОЛЛЕКТИВИЗМ

I. РАЗДРОБЛЕНИЕ РОДА НА МАТРИАРХАЛЬНЫЕ И ПАТРИАРХАЛЬНЫЕ СЕМЬИ

История собственности в начале своего развития настолько тесно связана с историей семьи, что необходимо сказать несколько слов о превращениях последней, указав в то же время читателю на труд Ф. Энгельса «О происхождении семьи», в котором тема разработана с достаточной компетентностью и полнотой⁶⁹.

Первоначально род или клан образует одно большое, неделимое семейство, члены которого помещаются под одной крышей и живут вместе. Дети все принадлежат роду, считают друг друга братьями и сестрами и зовут отцами и матерями всех мужчин и женщин одного поколения с их родителями. Это смешение не мешает, однако, матерям узнавать своих собственных детей иногда с большей уверенностью, чем некоторым цивилизованным матерям, детей которых кормилицы часто даже подменяют. Дети, естественно, группируются вокруг своих настоящих матерей, в особенности в тех случаях, когда запрещены половые сношения внутри одного и того же клана и женщина берет себе мужа или мужей из другого клана, причем отец, «чужак», является иногда мимолетным гостем. Естественно, что при таких условиях мать становится главой возникающей семьи. Теперь несомненно установлен тот факт, что так было действительно во всех человеческих расах.

Из сказанного выше известно, что в общем жилище клана женщины-жены имели свои отдельные комнатки, в которых сохранялись общие съестные припасы, раздававшиеся потом по числу женщин. Индивидуальное семейство тогда зарождалось в матриархальной форме в самой среде коммунистической семьи — рода. Когда женщины, забирая с собою детей, младших незамужних сестер и братьев,

жены которых жили в других кланах, отделялись, чтобы основаться самостоятельно, общий дом распадался на несколько частных по числу семейств. Индивидуализация семьи в матриархальной форме повела за собой распадение общего жилища. Мать делается главой дома, *despoïna* — властвующей, как говорили лакедемоняне. К этому времени относится и зарождение семейной земельной собственности.

Начало ее скромно, т. к. она ограничивается куском земли, на котором стоит дом. Это — *terra salica* *.

Во время господства матриархата имущества движимые, как и недвижимые, передаются по наследству по женской линии. Наследство получают от матери и ее родственников, а не от отца и его родственников. На Яве, где существует еще эта форма семьи, движимое имущество мужчины переходит к семейству его матери, и без согласия братьев и сестер, его естественных наследников, он не вправе давать что-либо своим детям, живущим с матерью в другом клане. Судя по тому, что нам известно о жизни египтян и других народов, мужчина в матриархальной семье занимает подчиненное положение. У басков, где, несмотря на христианство и цивилизацию, сохранились первобытные семейные нравы, старшая дочь, наследующая по смерти матери семейное имущество, получает в то же время власть над младшими братьями и сестрами. Мужчина находится под опекой в своем собственном доме; всю жизнь ему приходится подчиняться власти женщины, в качестве сына, брата или мужа. Вся собственность его заключается в том, что он получает от сестры, когда женится. «Муж — первый слуга своей жены», — гласит поговорка басков **.

Эта зависимость мужчины от женщины соединялась часто с ревнивой злобой сильного пола и с разделением полов на два враждебных класса, отличающихся религиозными

* Выражение *terra salica* послужило поводом ко многим спорам. До XVIII столетия историки переводили его как земли благородных, роздаемые Хлодвигом за военную службу и т. п. Мабли в своих «Заметках по истории Франции» определяет это слово, как оставленную в наследство недвижимость, отцовское владение у салических франков, а не как жалованный бенефиций⁷⁰.

Герар (Guéard) находит действительное его значение, показав, что слово — *salica* происходит от старогерманского — *sala*, что значит дом. Следовательно, буквальное значение *terra salica* — земля дома, земля, на которой он стоит и которая принадлежит семейству, представляемому сначала матерью, а затем отцом.

** Это высокое положение женщины при первых шагах человечества доказывает, между прочим, что физическое и умственное

обрядами и особым тайным языком. Для война диких племен долины Миссисипи и для грека времен Гомера, едва вышедшего из матриархата, было тяжким оскорблением, если его называли женщиной.

По словам Геродота, Сезострис, желая увековечить память о своих победах, ставил у побежденных народов обелиски и для того, чтобы показать свое презрение к тем, кто не оказал ему сопротивления, изображал на них как эмблему трусости половой орган женщины. Воспоминание об этом чувстве сохранилось в простонародном языке французов, на котором именем того же органа называют глухого человека. И наоборот, у воинственных женщин дагомейских племен эпитет мужчины считается бранным словом. Заменяя женщину в управлении семьею, мужчина подорвал ее власть, завладел имуществом и удовлетворил свое чувство зависти.

По всей вероятности, эта семейная революция произошла под влиянием накопления движимого имущества, после чего в лишении женщины власти представлялась выгода. Эта перемена произошла более или менее резко у различных

превосходство мужчины не есть первоначальная физиологическая необходимость, а лишь результат продолжавшегося несколько столетий экономического и социального положения, позволившего ему развить свои способности более свободно и разносторонне, чем женщине, которую держали в подчинении и семейном рабстве. Брока (Broca) в своем споре с Гратиоле (Gratiolet) об отношении объема и веса мозга к умственным способностям высказал мысль, что низшая степень умственного развития женщины зависит, может быть, от несовершенства ее образования.

Манувриэ, ученик Брока, профессор антропологической школы в Париже, нашел, что измеренная им вместимость мужских черепов каменного века приблизительно одинакова со средней вместимостью черепов современных парижан; что же касается женщин, то, по его мнению, черепа современных парижанок уступают по вместимости черепам женщины каменного века.

<i>Средняя вместимость черепов современных парижан</i>	
число измеренных черепов	Вместимость в куб. см
77 мужских	1560
41 женских	1338

<i>Средняя вместимость черепов каменного века</i>	
58 мужских	1544
30 женских	1422

Средняя вместимость мужских черепов у диких оказывается меньше на 16 куб. см, тогда как вместимость женских черепов больше на 84 куб. см.

(L. Manouvrier, De la Quantité de l'encephale [Mémoires de la Société d'anthropologie de Paris, III, 1885].)

народов. Лакедемонянки сохраняли до исторических времен часть своей независимости и имущества, что давало повод Аристотелю говорить, что наибольшею властью женщины пользуются у народов, исключительно преданных войне; в Афинах же и других приморских городах, рано разбогатевших благодаря торговле, женщины были насильственно лишены своих прав и собственности. Женщины в Аттике защищали свои привилегии с оружием в руках и сражались с такой отчаянной энергией, что воспоминания об этой героической борьбе сохранились не только в мифологии, но даже и в греческой истории.

Из этого краткого очерка эволюции семьи я вывожу тот важный факт, что основанье индивидуального семейства сперва в матриархальной, а затем в патриархальной форме разрушило коммунизм рода. В нем образовались отдельные семьи со своими личными интересами, независимыми от рода. Последний уже не представлял одной общей семьи всех своих членов, а лишь группу кровнородственных семейств, т. е. происходящих от общего предка.

Общая собственность рода, в свою очередь, должна была раздробиться и образовать частную собственность разделенных семей.

II. СОБСТВЕННОСТЬ КРОВНОРОДСТВЕННОГО КОЛЛЕКТИВИЗМА

Несмотря на то, что род распадается на частные матриархальные или патриархальные семьи, земли продолжают находиться в общем владении, хотя обработка их и потребление продуктов уже не производятся сообща всем кланом. Ежегодно урожай делится между всеми разделенными семьями клана. Каждая из них обрабатывает свою часть и одна владеет продуктами, которые она получила самостоятельным трудом. Это еще не частная земельная собственность, но лишь частное пользование землею.

Семья состоит не из одной четы, а из нескольких, тесно связанных родством; она составляет «очаг» или двор (un feu), по средневековому выражению, т. е. группу семей, живущих общиной, «за одним хлебом и одним горшком» и вокруг одного очага.

Место родового коммунизма заступает коммунизм некоторого числа семейств, соединенных узами крови. Появляется, таким образом, кровнородственный коллективизм*.

* Исследования кровнородственной коллективной собственности под названиями мир, марка, сельская община и т. д. были

Пахотные земли делятся на узкие и длинные полосы, которые потом соединяются в участки по числу семей в очаге; эти участки, составленные из разных полос, должны быть совершенно одинаковы, так как при разделах тщательнейшим образом соблюдается равенство; каждая семья получает количество земли, равное тому, сколько может вспахать за два дня пара быков. В Индии эта единица меры равняется удвоенному количеству земли, которое можно вспахать зараз одним плугом, а в Риме она равняется двум югерам*.

Часть земель оставлялась неразделенной в расчете на прирост населения, для общих издержек, уплаты податей и жалованья должностным лицам селения и т. д. Эта запасная земля сначала обрабатывалась сообща, впоследствии же сдавалась в аренду.

Участки земли делят по жребию во избежание несправедливости и поводов к неудовольствию. Этот дележ земли и бросание жребия при распределении участков встречается у всех народов.

Всевышний повелевает израильтянам при вступлении на землю обетованную разделить земли между коленами и семьями соответственно количеству их членов и распределение предоставить жребию. На греческом и латинском языках слово жребий (*kleros* и *sors*) означает также и вотчину, так как отцы семейств получали семейные владения по жребию. В случае, если кто не доволен и его жалоба основательна, ошибку исправляют, наугадная обиженных земель из запаса.

произведены: в Германии — Гакстгаузенем, Маурером, Энгельсом и др.; в Англии — Кемблем, Мэном, Гоммом и др.; в Бельгии — Лавеле; в России — Ефименко и Ковалевским; во Франции — Полем Виолэ.

Я даю этой форме собственности название кровнородственного коллективизма, чтобы отличить ее от первобытного коммунизма, от которого она происходит, и еще потому, что первоначально семейства, имеющие право на ежегодный раздел земель общины, обыкновенно происходили от одного общего предка.

* Варрон и Плиний рассказывают, что Ромул, отделив землю для культа и общественного пользования, подобно обычаю, существовавшему в Перу, поделил оставшуюся землю между тремя трибами, каждую часть разделил на тридцать кусков для тридцати курий, а эти куски, в свою очередь, были раздроблены на мелкие части, так что каждое семейство получило часть земли, соответствующую двум югерам.

Jugum или *juegum* есть мера поверхности, обозначающая количество земли, которое может вспахать за день упряжка быков.

Присутствовавших на этих земельных разделах особенно поражали господствующий при этом дух равенства и землемерное искусство простых крестьян. Гакстаузен пишет, что «по приказанию русского министра государственных имуществ графа Киселева в некоторых местностях Воронежской губернии были произведены измерения и оценка земель профессиональными землемерами и оценщиками, в совершенстве знающими свое дело. Результаты этой работы показали, что измерения, произведенные раньше крестьянами, были правильными во всех отношениях, за исключением некоторых незначительных мелочей. И кто знает еще, какое из двух измерений вернее?» *.

Пастбища, леса, воды, право охоты и рыбной ловли, право различных пользований и доходы, как-то: налоги, взимаемые с караванов и купцов и т. п., остаются неделимыми и находятся в общей собственности всех жителей селения.

Несмотря на то, что пахотные земли подвергаются периодическим разделам между семьями, которым принадлежит и собранный хлеб, землю владеет селение, то есть общество входящих в его состав семей. Обработка земли производится под надзором совета старейшин или уполномоченного им лица. «Отдельная семья не может обрабатывать по своему желанию свою часть», — говорит агроном Маршалль о коллективистских селениях Англии прошлого века. — «Она должна засеивать свою землю тем же зерном, что и остальные семьи общины» **. Даже после прекращения периодических переделов земли собственнику принадлежит только ее поверхность. Любой клад, найденный на его поле, принадлежит не ему, а идет общине; то же правило существует относительно металлов и угля, добываемых посредством разрывания поверхности. Все эти права были похищены сеньорами и королями в их исключительную пользу. Вечная концессия копей во Франции является нарушением прав общества.

В общинах обыкновенно принимается трехпольная или четырехпольная система обработки. Все пахотные земли селения разделены на три равные части, засеваемые поочередно: первая — озимым хлебом (рожь и озимая

* *A. de Haxthausen, Études sur la situation intérieure, la vie nationale et les institutions rurales de la Russie; édition française, 1847.*

** *Marshall, Elementary and practical treatise on landed property, 1804.*

пшеница), вторая — яровым (ячмень, овес, горох и др.); на третий же год они остаются под паром.

Род посевного зерна, время посева и жатвы устанавливаются общинным советом. В Индии, как говорит Кэмпбел, каждая деревня имеет своего астролога, так называемого брамина — календаря, на обязанности которого лежит указывать дни, благоприятствующие посеву и жатве. Гакстгаузен, внимательный и беспристрастный наблюдатель коллективистских нравов русского «мира», находит на полевых работах безукоризненный порядок, напоминающий военную дисциплину. Все крестьяне выезжают в поле в один и тот же день и час, всякий занимается своим делом, один пашет, другой боронит и т. д., и возвращаются также вместе. «Такой порядок не предписывается властью сельского старосты, он лишь результат духа общительности, отличающего русский народ, и потребности единения и порядка, свойственной общине». Эти характерные черты, удивлявшие прусского чиновника, который считал их присущими исключительно русскому народу, являются следствием коллективной формы собственности и встречаются повсюду.

Мэн, который в качестве юрисконсульта английского правительства в Индии имел полную возможность изучить деревенские общины, пишет: «Совет старейшин не отдает никаких приказаний, он лишь объявляет, что таков обычай. Он не делает распоряжений, которые считает уже данными высшей властью. Наиболее авторитетные знатоки этого вопроса утверждают, что в основе индусских обычаев не лежит религиозная или политическая санкция и что их древность служит уже достаточным основанием для слепого им повиновения» *.

Военная дисциплина, о которой говорит Гакстгаузен, является совершенно естественной и далека от той насильственной дисциплины, примером которой могут служить действия солдат или же рабочих (Bonanza farms) этого колоссального земледельческого предприятия американского дальнего запада.

По окончании жатвы разделенные земли вновь поступают в общую собственность и каждый из жителей деревни имеет право пасти на них свой скот. Этот обычай возвращать земли в общее владение для использования под пастбища сохранялся во Франции долгое время после возникновения частной земельной собственности; он распро-

* *H.-S. Maine, Village communities in the East and the West.*

странялся также на земли дворян. Буржуазия XVIII века горько жаловалась на этот последний остаток древнего коммунистического права. По словам одного лауреата безансонской академии, «право это (*Le droit de parcours et de vaine pature*) умаляет право собственности. Имение, отягченное этим правом, становится общественным достоянием с того момента, как собственник его окончит в назначенный ему день жатву. Его право собственности прекращается и передается на время обществу» *.

Первоначально земля делилась только между отцами семейств, потомками первых людей, занявших эту землю, поэтому каждый из жителей деревни должен был знать и уметь доказать свое происхождение. В некоторых общинах Индии существует специальный класс людей, занимающихся составлением и хранением генеалогических таблиц. Они могут назвать, не пропустив ни одного, имена всех предков. В Аттике семейные списки велись тщательно и за внесение в них ребенка, не принадлежащего по закону к племени, полагалось строгое наказание **. Баварцы и англосаксы называли земли деревень *terrae aviaticae, alod parentum, genealogiae*; на варварской же средневековой латыни слово *genealogiae* приняло значение *proprietas, bona avita* и деревня Дю Канж (*Du Cange*) *Lex Alamanorum*.

Как собственность предков, земля принадлежит отцам семейств — их представителям — и носит название *patria, fatherland*, т. е. земля отцов. В старинных скандинавских законах слова родина и дом являются синонимами: иметь дом значило иметь право на дележ земли — на родину. В то время можно было приобрести родную страну и политические права, лишь имея право на раздел земли. Отцы и сыновья семейств всецело несли на себе обязанность защищать родину — их собственность; они одни имели право носить оружие. Непоследовательная и противоречащая всем данным прошлого капиталистическая цивилизация поручает защиту отечества людям, не имеющим ни пяди земли, и дает политические права тем, кто лишен всякого имущества.

* *Ethis de Novean*, первый секретарь интендантства Франш-Конте. Записки, удостоенные премии безансонской академии, помещены в «*la Gazette du commerce, de l'agriculture et de la finance de 1767*».

** Перикл на вершине своего могущества принужден был оправдываться перед афинским народным собранием за то, что записал в списках своей родни сына своего от Аспазии, которая, как чужестранка, не могла быть его законной женой.

III. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ НА ЗЕМЛЮ

Логичный ум варвара и дикаря мог еще понять, что можно владеть предметом, который сделал сам и которым пользуешься; но мысль о личном владении землей, никем не созданной и которой пользуются лишь часть года, не могла им прийти на ум и впоследствии попала в человеческий мозг лишь окольным путем.

Частная земельная собственность начинается не с огороженного обработанного поля, по сентиментальной теории Руссо ⁷¹, а с участка земли, на котором стоит дом, так как дом считался движимой собственностью и мог принадлежать индивидуально лицу, построившему его и живущему в нем. Поэтому у многих варваров и дикарей дом сжигают в числе прочего движимого имущества усопшего (как оружие, любимое животное и т. д.). Древнейший английский закон и некоторые из кутюмов ⁷² Франции, между прочим, кутюмы города Лилля (гл. 1, § 6), причисляют дом к движимому имуществу.

Личная свобода варвара и дикаря-коммуниста — ненарушима. Дом в качестве присвоенной собственности пользуется тем же правом неприкосновенности, что и его обладатель, и даже сохраняет это право долгое время после того, как человек его теряет. В обществе, где гражданин за долги может быть посажен в тюрьму и даже продан в рабство, дом его остается неприкосновенным: никто не может войти в него без позволения главы семьи. Исполнители законов страны останавливаются у его порога, и, если преступник укроется в своем доме или даже дотронется до его дверной задвижки, — он спасен от общественной кары и находится в зависимости лишь от отца, которому принадлежит законодательная и исполнительная власть в семье. В 186 году до р. Хр. римский сенат осудил на смерть нескольких римских женщин, вакхические оргии которых смущали спокойствие и нравственность республики. Но исполнение этого приговора он должен был поручить главам семейств, т. к. женщины, запершись в своих домах, подчинялись лишь их власти, сделавшись недоступными для закона. Это правило неприкосновенности соблюдалось так строго, что римлянин для укрощения своего непокорного сына не мог просить помощи судьи и общественной власти. В средние века мюлузский горожа-

нин мог укрыться от преследования городского суда в своем доме и заседание суда принуждено было собираться у его двери; ему можно было отвечать на предлагаемые ему вопросы, для чего он подходил к окну. Право убежища, которое сохраняли потом языческие храмы и христианские церкви, было видоизменением этой неприкосновенности жилища; церковь, как будет показано впоследствии, была общественным домом.

Дома в деревнях дикарей не примыкают друг к другу, но стоят отдельно, окруженные полосой земли. Тацит, как и многие последующие историки, считал эту изоляцию мерой предосторожности против пожаров, тем более опасных, что жилища эти обыкновенно деревянные и крыты соломой. Но, по-видимому, причина упомянутого распространенного обычая не в этом. Выше было указано, что участки, на которых охотились дикие и варварские племена, бывали окружены нейтральным пространством; точно так же и жилище семьи для того, чтобы быть более независимым от соседних домов, отделялось от них незанятой полосой. Впоследствии эта земля стала составлять с домом одно целое и была провозглашена частной собственностью. Тогда ее и стали окружать частоколом или изгородью из камней. У дикарей это пространство называлось «законным двором» (*curtis legalis, hoba legitima*). Отделить жилище считалось настолько необходимым, что в законах двенадцати таблиц⁷³ устанавливалась в 2½ фута ширина пространства, которое должно разделять дома в городе (табл. VII, § 1).

Не только дома, но и участки земли, принадлежащие разным семьям, должны быть разделены, и эта предосторожность была направлена, конечно, не против пожаров. По законам двенадцати таблиц, между различными полями должна оставаться полоса неводеланной земли шириною в 5 футов (табл. VII, § 4).

IV. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПРАВОСУДИЯ И ВОРОВСТВА

Раздробление части общей собственности рода или клана на участки земли, розданные во временное владение отдельным семьям, было нововведением более революционного характера, чем в наше время показалось бы возвращение недвижимых имуществ в общественное владение. Частное пользование землей и обладание частным лицом се

продуктами привились с большим трудом и остались в силе, лишь поставив себя под покровительство богов и карающего закона. Надо добавить, что закон вообще был придуман лишь для защиты этого нововведения. Правосудие не есть удовлетворение вендетты⁷⁴, древнего возмездия, оно появляется в человеческом обществе лишь как следствие частной собственности. «Где нет собственности, не может быть несправедливости,— говорит Локк.— И это положение так же достоверно, как любая Эвклидова теорема⁷⁵: идея собственности есть право на что-нибудь, несправедливость же предполагает вторжение в область этого права, или нарушение его» *. Ленге⁷⁶ (Linguet) остроумно сказал Монтескье⁷⁷: «Ваш «Дух законов» есть лишь дух собственности». Религиозные церемонии запечатлевали в суверенном воображении первобытных народов уважение к частной собственности, столь антипатичной их коммунистической природе. В Италии и Греции в известные дни года главы семей обходили свои поля по межам, гоня перед собой животных, предназначенных для закалывания, распевая гимны и принося жертвы на камнях, указывающих границу между полями и считавшихся у римлян богами — термами (termes),—а у греков божественными границами. Землепашец не должен был приближаться к межевому камню, если он не хотел, чтобы бог, потревоженный лемехом плуга, ему не закричал: «Стой! Это мое поле, вон твое» (Овидий⁷⁸, песнь II). Пегова принужден вселять уважение к чужому полю путем многочисленных наставлений и угроз: «Не преступи межю твоего ближнего» (Второзаконие, XIX, 2)⁷⁹, «Да будет проклят преступающий между своего ближнего, весь народ ему закричит: «Аминь!»» (там же, XXVII, 17). Иов, у которого была душа завязанного собственника, причисляет нарушителей межей к числу самых плохих людей (XXIV, 2). Когда дело касается собственности, Платон забывает свой идеализм. «Наш первый закон должен быть следующий: да не тронет никто межевого камня, отделяющего его поле от поля его соседа, потому что он должен оставаться неподвижным. Никто да не посмеет сдвинуть камень, который он дал клятву оставить на месте» (Законы, VIII). Этруски призывали все проклятия на голову нарушителей: «Да будет проклят богами тот,

* *Locke*, Essay on the humanum understanding, book IV, ch. III, § 18.

кто осмелится тронуть или переместить межовой столб; дом его иочевнет, род его угаснет, земля его перестанет приносить плоды. Град, ржа, небесный огонь истребят его урожай, члены его покроются язвами и сгниют» *. Частная собственность приносила человечеству далеко не братское отношение к себе подобным.

Когда нравственное воздействие проклятиями, так сильно действующими на беспорядочное, склонное к фантазиям воображение первобытных народов, оказалось недостаточным, чтоб обуздать привычку брать нужные предметы, где бы они ни находились, пришлось прибегнуть к неслыханно жестоким телесным наказаниям, которые решительно противоречили нравам и чувствам дикарей и варваров. Чтобы подготовиться к жизни, полной непрестанной борьбы, они действительно причиняли друг другу ужасные мучения, которые, однако, никогда не носили характера наказания. Это наши праотцы — собственники придумали ужасное *qui bene amat, bene castigat* (кого люблю, того и бью). Дикарь не бьет своего ребенка. Кэтлиен рассказывает, что вождь племени *сиу* говорил ему с удивлением, что он «видел на границе, как белые били своих детей и это очень жестоко».

Пролить кровь своего рода, убить одного из его членов, — это самое ужасное преступление, которое может совершить дикарь или варвар. Чтоб за него отомстить, должен подняться весь клан. Когда один из членов клана совершал убийство или какое-либо другое преступление, то, чтобы никто из остальных не осквернил себя, ударив виновного, его изгоняли и предавали подземным богам. Долгое время спустя после того, как Афины вышли из варварского состояния, никто из граждан не брался исполнять роль полицейских. Пришлось прибегнуть к рабам, и приходилось наблюдать удивительное зрелище, когда раб бил свободного человека.

Собственность, возникая, учит варваров пощипать ногами все эти священные чувства. Появляются законы, грозящие смертной казнию всем, дерзнувшим поднять на собственность руку. Всякий, кто ночью, украдкой соберет урожай с чужого поля или выгонит на него скот, говорит закон двенадцати таблиц, будет предан Церере⁸⁰ и умерщвлен,

* Священная формула, приведенная Фюстель-де-Куланжем в его *Cité antique*.

если он совершеннолетний; если же он малолетний, то по усмотрению судьи будет бит розгами и присужден вдвойне возместить убыток. Явный вор (взятый на месте преступления), если он свободный человек, должен быть подвержен наказанию розгами и отдан в рабство; поджегший же скирду пшеницы должен быть бит кнутом и сожжен на костре (таблица VIII, §§ 9, 10, 14). Законы бургундов превосходят по своей жестокости даже римские: они отдавали в рабство жену и детей старше четырнадцати лет человека, виновного в краже лошади или быка, если те не выдали сразу отца и мужа (XLVII, §§ 1, 2). Собственность вносила донос даже в лоно семьи*.

Эти нравственные заклинания и телесные наказания, встречающиеся у всех народов, одинаково жестоки повсюду: они свидетельствуют о том, с каким трудом внедрялась частная собственность в коммунистические племена. Это вполне понятно, так как до введения кровнородственной коллективной собственности дикарь считал, что ему принадлежит все, чем владеет клан, и он им пользовался по потребности или прихоти. Те из путешественников, которые испытали на себе право брать все, что под рукой, называли дикарей ворами, как будто воровство может существовать там, где нет еще частной собственности.

Но как только устанавливается коллективная собственность, привычка завладеть всем, что видишь и желаешь иметь, становится преступлением, раз она распространяется на жатвы и стада отдельных семейств рода, и чтоб побороть эту внедрившуюся привычку, становится необходимым прибегнуть к религиозным суевериям и телесным наказаниям.

Несправедливое и страшное правосудие и его отвратительные кодексы о проступках и преступлениях появляются в истории человечества лишь после установления частной собственности как ее необходимое следствие.

* Собственность всегда свирепа и кровожадна; еще совсем недавно, в странах весьма христианских и весьма филантропических, вешали воров, и если было время, то предварительно их пытали. Не так давно в Англии осуждались на смертную казнь те, кто подделывал банковые билеты, и во всех цивилизованных странах они наказываются вечными каторжными работами. Кровь многочисленных жертв июня 1848 года и мая 1871 года была пролита также на алтарь собственности.

Патриархальная семья есть сплочение многих семей. Ее глава живет вместе со своими братьями, детьми и внуками, их женами и детьми, которые подчиняются его власти. Судьба патриархальной семьи настолько тесно связана с коллективной формой собственности, что последняя становится необходимым условием ее существования и, как только она начинает дробиться, как раздробилась общая собственность рода, патриархальная семья распадается. Все отдельные семьи, соединенные прежде общей собственностью, устраиваются отдельно и основывается современная семья, приведенная к самому простому и последнему виду — одной чете.

Семья и собственность проходят одни и те же фазы развития. Род сначала является общей семьей для всех своих членов, затем он делится на семьи матриархальные, потом патриархальные, которые представляют собой коллективные семейства, состоящие из нескольких семей, на которые они и распадаются в свою очередь.

Общая собственность переходит в коллективную собственность матриархальной или патриархальной семьи, которая в свою очередь преобразуется в частную, когда ее захватит одна или несколько семей, составлявших патриархальное семейство.

Древние общества все признавали значение собственности для поддержания семьи. В Спарте, классической земле равенства, гражданин, потерявший семейную собственность или растративший ее настолько, что он был не в состоянии нести расходы по общественному столу, — исключался из аристократического кружка равноправных (ομοιοι), которые одни имели политические права. Афинское государство следило за управлением семейной собственностью. Всякий гражданин мог требовать лишения прав главы семьи, если тот плохо управлял своим имуществом. Коллективная собственность не принадлежала ни главе семьи, ни ее наличным членам, а семье в целом — существу, которое не умирает, а возобновляется из поколения в поколение. Она принадлежала семье прошедшего, настоящего и будущего. Она принадлежала предкам, от которых оставались жертвенники и могилы, и находившимся в живых членам, которые ею пользовались и должны были продолжать традиции и поддерживать семейную

собственность, чтобы передать ее в полной сохранности потомкам.

Дом был ядром семейной собственности. Афинские законы, разрешая продажу земли, запрещали продавать дом. Земельная собственность не могла отчуждаться. Из семьи она не могла выйти, даже не могла быть разделена между ее членами: она переходила от отца к сыну. Когда отец не оставлял потомков мужского пола, греческая наследница должна была выйти замуж за родственника своего отца, который в таком случае становился наследником. Закон франков и других германских племен говорит: «Если умерший не оставил сына, пусть деньги и рабы перейдут к его дочери, а земля к самому близкому родственнику по нисходящей отцовской линии» (*Lex Thuringorum*). Глава семьи, который иногда был выборным, управлял имуществом. Он должен был следить, чтобы хорошо обрабатывались поля, хорошо велся дом, должен был заботиться о нуждах членов семейной общины. Он обязан был передать своему преемнику собственность в таком же хорошем состоянии, в каком он ее принял по смерти своего предшественника. Чтобы иметь возможность выполнять все эти обязанности, он был облечен деспотической властью. Он был законодатель, судья и палач. Он судил, составлял приговоры и наказывал (телесно) подвластных ему членов общины. Его власть простиралась до продажи в рабство своих детей и до обречения на смертную казнь подчиненных, включая сюда и жену, хотя последняя состояла под покровительством, правда очень ненадежным, своей собственной семьи.

Количество земли, даваемой каждой семейной общине, было обыкновенно пропорционально количеству составляющих ее семей. Глава общины увеличивал их число, жени маленьких мальчиков на взрослых девушках, которые становились его наложницами и слугами общины. Гакстаузен передает, что видел в русских селах, как взрослые и здоровые молодые женщины носили на руках своих маленьких мужей.

Банальная фраза — семья есть основа государства, которую твердят *ad nauseam* (до тошноты) моралисты и политики после того, как она перестала быть правильной, была во времена коллективной собственности выражением истины.

Всякое село, в основе которого лежит коллективная собственность, — это маленькое государство, живущее

своей собственной жизнью *. Его правительство — совет старейшин, состоящий из глав семейств, равных в правах. В Индии, где система собственности достигла полного развития, «община имеет многочисленных общественных служащих: ремесленников (тележников, ткачей, портных, носильщиков воды, прачек и т. д.), школьных учителей, которые, чтоб научить читать, чертят буквы на песке; генеалогов, которые должны сохранять память о происхождении каждой семьи; астрологов, которые предсказывают благоприятные для посева и жатвы дни; пастухов для скота всех жителей; браминов и даже танцовщиц для религиозных церемоний. Все эти служащие содержатся на средства общины и должны даром служить семьям, происходящим от первых поселенцев, но не инородцам, пришедшим позже. Кэмпбел (G. Campbell), между прочим, передает следующую любопытную подробность: кузнец и еще некоторые ремесленники были лучше оплачиваемы, чем священники.

Село выбирает главу за мудрость, способности к административной деятельности, а также за познания в магии и чародействе. Он заведует имуществом общины; он один имеет право вести торговлю с внешним миром, продавать излишние стада или урожай и покупать предметы, не изготовляемые в общине. По наблюдениям Гакстаузена, торговля идет только оптом, что очень выгодно, так как крестьянин, предоставленный сам себе, иногда бывает принужден продавать свои продукты ниже их действительной стоимости и в момент не благоприятный для продажи. Наоборот, если торговля находится в руках главы, то, благодаря своим связям с главами других соседних селений, он может ждать для заключения сделки повышения цен и пользоваться всякими благоприятными обстоятельствами. Можно оценить справедливость этого замечания, зная, как нагло обворовывают купцы мелких земледельцев во Франции. Буржуазия, бросившаяся как голодная саранча на Алжир и Тунис, чтобы грабить и воровать, была очень недовольна тем, что не могла войти в прямые и личные сношения с арабами, а должна была иметь дело с главами мелких общин. Ее представители много и высокопарно рассуждали о судьбе этих бедных

* Русский крестьянин живет и умирает в общине. Все, что вне ее, для него не существует. Поэтому слово мир значит одновременно и свет и сельская община.

арабов, не пользующихся свободой, благодаря которой они могли бы дать себя ограбить европейским коммерсантам.

Эти маленькие общества, основанием которых служит коллективная собственность, одарены такой жизнеспособностью и устойчивостью, какой не обладала ни одна другая форма общественного устройства. Сельские общины, — пишет лорд Меткальф (Metcalf), который их изучал в 1832 году, будучи вице-королем Индии, — это маленькие республики, производящие почти все, что им нужно, и почти не зависимые от внешнего мира. Они существуют в таких местах, где ничто не могло удержаться. Династии сменялись династиями, революции революциями: индусы, патаны, моголы, магратты, сики и англичане одни за другими были хозяевами страны, а сельские общины оставались неизменными. В дни волнений они вооружаются и укрепляются. Если неприятельская армия проходит через страну, община загоняет стада и беспрекословно пропускает ее. Если грабеж и разрушение направлены на нее, а сила нападающих неодолима, она бежит и скрывается в дружественных соседних селах; когда гроза проходит, она возвращается к своим занятиям. Если в продолжение ряда лет убийства и грабежи опустошают страну настолько, что она не может быть обитаема, жители рассыпаются в разные стороны; но как только появляется возможность возвратиться к мирным занятиям, они снова возвращаются. Одно поколение может исчезнуть, но следующее вернется. Сыновья снова займут поля предков; село будет стоять на том же месте, дома будут иметь то же расположение, а потомки — те же земли... И не легко их согнать оттуда. Часто они крепко держатся во время долгих смут и волнений и в конце концов приобретают достаточно силы, чтобы победить грабежи и насилие. Далее лорд Меткальф с некоторой грустью признается, что «эти сельские общины, на которые не действуют никакие внешние удары, легко разрушаются нашими законами и судами».

Капиталистическая эксплуатация не терпит рядом с собой коллективной собственности. Она немилосердно уничтожает ее, заменяя собственностью индивидуальной. Что в наши дни происходит в Индии и Алжире, то было и во Франции. Сельские общины, которые прошли сквозь весь феодальный период и дожили до 1789 г., были разрушены действием законов, созданных во время и после буржуазной революции. Великий революционный юрист Мерлен

Подозрительный (Merlin Suspect), прозванный так потому, что он был докладчиком закона о подозрительных для республики лицах, — один больше способствовал уничтожению и разделу общественных имуществ и «освобождению» от них крестьян, чем феодальные сеньоры в продолжение многих веков.

Кроме причин политических, заставляющих деспотические правительства защищать семейную и общинную организацию, основанную на коллективной собственности, есть не менее важные причины административного порядка. Каждая община представляет из себя административную единицу. Ее глава правит общиной и торгует от ее имени. Правительство возлагает на него обязанности по сбору податей, по набору ополчения и другие не оплачиваемые обязанности. В России императорское правительство оказывает поддержку сельскому сходу, требует исполнения его постановлений, нарушителей же их отдаст в солдаты или отправляет в Сибирь. Короли Франции до 1789 года делали усилия, часто не без успеха, к защите общинных имуществ и охране тех привилегий крестьян и их коммунистических организаций, которые сохранились, несмотря на превращение крестьян из свободных собственников в крепостных.

Коммунистическая организация рода и коллективная собственность, хотя последняя свела коммунизм к сожителству нескольких семей под одной крышей, продолжали существовать у крепостных, которые в своих деревнях устраивали общие хлева и амбары.

Жилища этих крепостных общин часто находились у подножия укрепленных замков и назывались *cellae* (хижины). Многие села и до сих пор сохранили это название. Получив свободу, бывшие крепостные продолжали жить общинами и вплоть до Великой французской революции дворянские земли обрабатывались коммунистическими ассоциациями земледельцев, и дворяне находили это выгодным. Они были далеки от мысли разрушать эти общинные организации и, наоборот, давая землю в обработку или отдавая ее в собственность крестьянам они вменяли им в обязанность сохранение общины. Перресио (Perregiot) (т. 1, гл. V) упоминает об эдикте 1549 г., изданном совместно духовенством и дворянством Бургундии, который запрещал крестьянам, выходящим из крепостного состояния, становиться собственниками земель, если они не организуются в общины. Далюз (Daloz) (Jurisprudence

générale) говорит об одном контракте XVII века, где сеньор Ла Марш (La Marche) отдает в вечную исполную аренду свои земли с условием, «что крестьяне-арендаторы будут иметь *общий чугунок, общий очаг и общий каравай хлеба* и будут всегда жить общиной». Юрист XVIII века Дюно (Dunod) в своем *Traité de la mainmorte* объясняет причину этих требований сеньора: «Требуют согласия между земледельцами относительно общей обработки потому, что господская земля тогда лучше обрабатывается, и община в состоянии лучше платить подати сеньору, чем отдельные семейства». А капиталисты говорят нам, что трудящиеся при коммунизме стали бы, как и они сами, лентяями и никуда не годными людьми!

VI. КРЕСТЬЯНСКИЕ ОБЩИНЫ

Экономисты, не видящие дальше своего носа, принимают современного крестьянина-собственника, испорченного частной собственностью, за вечный тип земледельца, и всерьез уверяют, что он есть и, следовательно, всегда был враждебно настроен против коммунизма, что он не мог и никогда не сможет работать сообща и сообща же потреблять плоды своего труда. Это положение, почерпнутое из области фантазии, так часто повторялось, что, наконец, стало считаться непреложной истиной буржуазной мудрости. Однако чтобы удостовериться в его ложности, достаточно заглянуть в работы Бомануара (Beaumontoir) и Ги Кокия (Guy Coquille), которые с разрывом в триста лет (Бомануар — в XIII веке, Кокий — в XVI веке) собрали многочисленные документы о крестьянской общине во Франции.

«Говарищи», «однокашники», составлявшие общину, которую Кокий называет «полевым хозяйством» (*mesnages des champs*) и которые брались обрабатывать земли сеньора, были потомками «консORTов»-варваров, имевших право на ту же судьбу, на одинаковую долю в распределенной земле по жребии.

Ляфферрьер (Laferrrière) не ошибся, говоря, что происхождение этого «обычая объединяться в общину относится к временам варварства еще до переселения народов» и видит в нем «следы древнего кельтского клана» (*Histoire du droit français*). Это мнение тем более верно, что эти общины состояли лишь из людей, связанных общностью происхождения; впоследствии, когда они стали открыты и

для других лиц, для принятия инородца все же требовался особый договор (кутюмы Дре, Шартра и т. д.).

Однако когда вследствие беспорядков, которые в продолжение столетий волновали страну, семьи распадались и члены их рассеивались, все же привычка жить общиной была настолько сильна у крестьян, что община воссоздавалась просто из жителей одной деревни. Бомануар говорит: «Товарищество создается в силу обычая, чтобы вместе иметь хлеб и другую пищу, потому что имущества его членов находятся вместе». Это не ассоциация, условия организации которой обдумываются и обсуждаются до начала совместных действий; нет, эта община рождается из молчаливого соглашения (*tacitement*), по выражению средних веков, просто из совместной жизни в течение очень небольшого времени.

Семьи, которые, по выражению Кокия, «совместно занимались обработкой поля — работой очень трудоемкой» состояли из многих лиц: «одни пашут и погоняют быков, этих ленивых животных — а по обычаю нужно, чтобы в плуг было впряжено шесть быков; другие должны вести на поле коров и кобыл, третьи — овец и баранов, а четвертые — пасти свиней». Эти подробности важны, как доказательства того, что тут соединялось скотоводство с земледелием. «Все люди получают работу по возрасту, и подчинены одному главе общины, называемому *maistre de communauté*, выбранному для этого дела и повелевающему другими... За столом он сидит первым... заведует делами, случающимся в городе, дома и в других местах; может заставлять своих сверстников (*parçonniers*) слушаться его распоряжений, если дело касается движимости, принадлежащей общине; и один имеет право распределять оброк и другие подати».

Таким образом, эти главы крестьянских общин исполняли все обязанности деревенских начальников в Индии и старост русского «мира».

«В этих общинах учитываются дети, не умеющие еще ничего делать, в надежде на то, что они смогут в будущем отработать; учитываются люди в расцвете сил за то, что они делают сейчас; учитываются старики за их мудрые советы и в память об их прежних трудах. И так все возрасты всячески друг друга поддерживают и составляют как бы политическое целое, которое, сменяясь, должно всегда существовать... По этим данным можно видеть, что эти общины являются одним целым, семьею, коллегией, которая,

сознавая свои интересы, составляет как бы единое тело, как бы они ни были обособлены. Братство, дружба и экономическая связь — вот что объединяет их в одно тело».

Почти во всей Франции находятся следы этих крестьянских общин, которые Кокий сравнивает с телом, отдельные члены которого объединены общими чувствами и интересами *. Герар находит это устройство среди крепостных и колонов IX века, которые обрабатывали земли аббатства Сен-Жермен де Пре, и оно сохранилось вплоть до революции. Но землевладельцы второй половины XVIII века вместо того, чтобы защищать эти общины, как прежде дворяне, признали их вредными для доходности земли и требовали их уничтожения вместе с уничтожением тех вековых прав, которые крестьяне сохранили даже тогда, когда потеряли свои земли, отобранные феодалными сеньорами. Революция, которую буржуазные историки представляют как совершенную в интересах крестьян, похитила их права и разрушила общину.

В протоколе заседаний провинциальной ассамблеи Берри (Berry) за 1787 год имеется доклад о причинах упадка Берри, резюмирующий основные жалобы помещиков на крестьян и их «полевые хозяйства».

Первая причина упадка — это леность трудящегося класса. «Этот порок работников Берри должен быть очень древнего происхождения, так как между привилегиями, данными муниципалитету Бурже, мы находим одну, которую не встречали больше ни в одном городе Европы, а именно, право устанавливать ежегодно размер жалованья виноградарям и число их рабочих часов». Отчет этот грешит неосведомленностью, так как везде во Франции и даже в Европе собственники присвоили себе право определять максимум жалованья и минимум рабочих часов, который они силой навязывали работникам в городах и на полях. Теперь же сами рабочие требуют установления минимума жалованья и максимума рабочих часов, и один этот факт вполне доказывает, насколько положение рабочих ухудшилось с 1789 года.

* Донполь (Doniol) говорит, что «большая часть сел, дворов, деревушек и хуторов, обозначенных на картах, в собраниях монастырских грамот или местных кутюмов, если их названия не указывают явно на особенности рельефа данной местности и перед ними стоит частица *les*, указывают, что тут жила такая община». (Henri Doniol, Histoire des classes rurales en France, 1865.)

Все способствовало поддержанию этой проклятой лениности, которая приводила в такое отчаяние господ землевладельцев, этих подвижников труда.

«Кутюма Берри, составленная людьми, преданными древним обычаям и не знающими ничего лучшего» устанавливает, что «необработанные места, поросшие грабом, вереском и кустарником, а также залежные земли никогда не могут быть запретными; также не могут быть признаны запретными леса в мае месяце раз в три года... и пастбища с 15 июля до 15 марта». Следовательно, как и во времена коллективной собственности, они остаются пастбищами для крестьянского скота. «Из сказанного вытекает, что никто не может считать себя исключительным и полным собственником в Берри» — и что кутюма «имела целью обеспечить скоту такое положение, при котором его хозяину не пришлось бы заботиться о его пропитании». Право ограды полей было основным требованием помещиков до революции.

Однако особое негодование собственников Берри вызывают общины. «Большинство отдельных семей объединяются в общину... Не редкость встретить трех или четырех замужних женщин, живущих вместе. Не только имущество мужа и жены там признано общим; авторы кутюмы негласно установили и общность имущества братьев и сестер и даже чужих лиц, лишь живущих вместе, ведущих сообща расходы и делящих доходы, прибыль и убытки... В результате получается почти вечная община, которую тем труднее искоренить, чем она дольше просуществовала».

«...Каждая община должна иметь главу и матрону... Обычай требует, если живут вместе братья или сестры, чтобы главой был старший брат, матроной же — жена младшего. Таким образом, община представляет из себя республику, в которой постарались установить равновесие властей. Каждый имеет право пользоваться доходами общины, значит имеет жилище, пищу, одежду и обувь на средства общины, и часто за счет помещика... Отсюда происходит, что помещик кормит много народу, а имени его не улучшается и многими руками исполняется мало работы. Кроме ленивых рук, прибавьте сюда множество лишних ртов, которые не могут не появиться там, где есть три или четыре женщины, производящие детей, и вы поймете, почему, несмотря на плодородие и большие пространства земли, часто сбора с нее хватает лишь на то, чтоб прокормить семью колона».

В описанных нами республиках должна господствовать анархия. Глава ее, однако, пользуется довольно большой властью: он продает, покупает, перепродает, — одним словом, делает, что хочет; для работы этот человек потерян...

Наконец, раз есть много свободного времени, то появляется и веселое времяпрепровождение. А ничегонеделанье становится приятным удовольствием описанных нами людей. Но нужны также и развлечения, чтобы заполнить пустоту значительной части дня. Одному нравится рыбная ловля и он становится рыболовом общины; другой склонен к охоте — он охотник; третьему нравится ставить силки и он проводит по четыре — пять часов в день, расставляя их и наблюдая за ними; это ему охотно прощается, лишь бы он приходил с добычей. Если общины не радовали буржуазных собственников XVIII века, то они, во всяком случае, больше давали свободы и счастья земледельцам, чем революция 1789 года дала крестьянам-собственникам, в интересах которых она совершилась, по словам буржуазных историков и политиков.

Коллективная собственность, поддерживавшая коммунистические инстинкты крестьян во Франции и Европе, гарантировала их от нищеты, «Пролетариат не известен в России, — пишет Гакстгаузен, — и пока «мир» существует, он не сможет образоваться. Человек может там обеднеть и промотать свое состояние, но несчастье или ошибки отца не влияют на судьбу детей, так как последние предъявляют свои права не семье, а общине, и не наследуют нищету отца». Именно эта обеспеченность против нищеты и пролетарского состояния и не нравится в общине буржуазии, богатство которой основано на бедности рабочих.

Коллективная собственность замечательна той жизненностью и устойчивостью, которые она дает живущим ею маленьким крестьянским обществам. Она дает благосостояние земледельцам и воспитывает в них чувства гостеприимства, братства и солидарности. Но кроме того она величественна совершенными ею делами. Земли Европы были освоены и обработаны не монахами, как говорит религиозная легенда, а варварами-коллективистами*. По мере увеличения населения в селе, при переделах доля каждого члена общины уменьшалась; чтобы найти новую

* Монахи и священники участвовали в обработке земли, продавая и пропивая многочисленные подати, которыми они обложили

пахотную землю, вырубали леса. «Эта расчистка, — говорит Ковалевский, — редко производилась отдельными семьями. Осилить дело общими усилиями, целые орды занимают сообща землю... Факты такого рода засвидетельствованы русскими грамотами XVI и XVII веков. Они повторяются время от времени и до наших дней, так как главная община (*la commune métropole*) отказывается признать, что свободные земли, называемые в древнефранцузском праве «*essarts et purpises*», могут принадлежать отдельным лицам» *.

Как пример крупных дел, которые произвели крестьянские общины, можно назвать удивительные работы по орошению в Индии и обработке земель террасами по склонам гор на Яве, которые, по словам Уоллеса (*Wallace*), покрывают сотни квадратных километров:

«По мере увеличения населения из года в год увеличиваются террасы. Работы ведутся сообща жителями всего села под наблюдением главы и может только эта работа целыми селениями и была в состоянии дать такое количество террас и ирригационных каналов» **.

VII. ДРОБЛЕНИЕ КОЛЛЕКТИВНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Коллективная собственность, возникшая путем дробления общественной собственности, когда род распался на матриархальные или патриархальные семьи, в свою очередь дробится, порождая индивидуальную собственность при распаде объединенных хозяйств патриархальных семей.

своих рабов, колопов и вассалов, причем они пели с большим усердием, чем хвалу господу, следующую песнь:

Доброе приятное вино... радость жизни... привет тебе, ласкающему цветом... привет тебе, наполняющему благовоением... привет тебе, дающему чудный вкус во рту, приятно сковывающему язык. Благочестивое стадо монахов, все их ордена, пьют вволю — теперь и всегда. Счастлив желудок, куда ты войдешь, — счастлив язык, который ты купаешь, — счастлив рот, который ты омоешь, — и блаженны губы, Умоляем тебя изобиловать здесь; — дай красноречия нашим бабкетам; — живи для нас, радостно поющих — будем вести веселую жизнь!

Варианты этой песни, воспроизведенной Эдельстандом дю Мериль (*Edelestand du Meril*) в «Народных латинских стихотворениях средних веков», были найдены в монастырях Франции, Германии и Шотландии.

* М. Ковалевский, О происхождении семьи и собственности. Стокгольм 1890.

** *A.-R. Wallace, The Malay Archipelago, 1869.*

Последовательное дробление этих двух форм недвижимой собственности было вызвано фактом существования движимой собственности, является наиболее деятельным фактором преобразования земельной собственности как в прошлом, так и в настоящем. Превращение земельной собственности из общей в индивидуальную могло произойти лишь вследствие такого же превращения движимости, которая по существу своему склонна принадлежать личности.

Матери семейств, жившие сообща в общем доме рода, уходя из него, уносили с собой свои пожитки и строили себе отдельные жилища, которые, будучи очень примитивными, в сущности были движимым имуществом и считались таковым. Но земля, на которой воздвигалось жилище, составляя с ним одно целое, становилась личной собственностью. Вскоре понятие личной собственности распространилось и на окружающую его землю, которая, огороженная плетнем или стеной из камней, образовала вместе с домом недвижимое имущество семьи, впоследствии все расширявшееся в ущерб коллективной собственности.

Это расширение совершилось быстро благодаря увеличению и накоплению движимости в селах и деревнях, положение которых благоприятствовало развитию торговли. Равенство между патриархальными семьями в селе было уничтожено; одни задолжали и обеднели, другие разбогатели и употребляли богатство на приобретение земель общины; участки задолжавших переходили в руки ростовщиков.

Накопление богатств чувствовалось даже внутри самих патриархальных семей. Вначале все было общее: ни один член семьи не обладал ничем, кроме разве предметов личного пользования. В семьях общинных сел в Индии монеты не употреблялись для торговли; они служили лишь предметом роскоши и пришивались к одежде. Все приобретенное приносилось в общий склад. «Куда ни приведи корову, она все дома отелится», — говорит славянская пословица. Это значит: каким бы способом ни обогатился человек, он должен поделиться со всей своей семьей. Это только справедливо, так как всякий член семьи имеет право на все, чем она обладает, если только он не изгнан за какое-либо преступление или по другой важной причине. Он может уехать, быть в отсутствии несколько лет; когда же он вернется, то дома ему всегда есть место.

Первое движимое имущество, сделавшееся личным в Риме и славянских землях, это *peculium castrense*, военная добыча. Мало-помалу эта же привилегия распространилась и на имущества, приобретенные на службе государству и церкви и принесенные в приданое женою. Так что после *peculium castrense* образовалось *peculium quasi castrense*.

Было позволено торговать этим благоприобретенным имуществом, которое могли доставлять рабы и которое состояло из скота, рабов, драгоценностей, денег и даже недвижимости. Вместе с богатством в общину проникло неравенство между ее членами и составлявшими ее семьями. Согласно было уничтожено; в каждой семье появились свои интересы, часто противоположные другим. Наконец, семьи разделились и устроились самостоятельно. Так была основана семья, такая, какой мы ее теперь знаем.

Коллективная собственность и соответствующий ей семейный строй изменяются чрезвычайно медленно в селах, не становящихся центрами торговли и накопления движимых имуществ. Вероятно, эта форма собственности продолжалась бы веками, если бы ее не распатали внешние толчки. Действительно, коллективистские общины представляют собой экономические единицы, которые сами производят все необходимое для материальной и духовной жизни своих членов. В них очень мало возникает элементов, нарушающих гармонию: там все совершается по традиции, сохраненной предками и передаваемой из поколения в поколение, как драгоценнейшее из наследств. Поэтому, когда сельская община достигает такой степени промышленного и земледельческого развития, что она удовлетворяет простые и малочисленные потребности своих членов, кажется, что в ней самой не может найтись причин для эволюции; движение передается ей лишь внешним миром.

Первыми, кто дает ей толчок, являются деспотические правительства; они-то и оказываются настоящими разрушителями основ, на которых покоится деспотизм.

Государственные поборы, пагубное влияние которых можно наблюдать в Индии, являются одной из самых действительных причин, вселяющих нищету и дезорганизацию в сельские общины.

Сначала подати платятся натурой пропорционально урожаю с полей. Но этот способ платежа не может удовлетворить централизующееся правительство: они начинают требовать их деньгами и определять заранее количество

взноса, независимо от урожая. Чтобы уплатить налоги, крестьяне часто принуждены обращаться к ростовщикам, этой язве общин. Эти гнусные существа, поддерживаемые правительством, безбожно обворовывают их. Они превращают земледельца в чисто номинального собственника, который работает лишь для уплаты все увеличивающихся по мере платежа долгов. Ростовщики внушают везде глубокое презрение и ненависть. В России антисемитская кампания лишь потому вызвала столько страстей, бурных и кровавых сцен, что крестьянин там смешивает еврея с ростовщиком. При этом досталось и многим христианам из тех, кто наживается на крестьянах не хуже самого обрезанного из сынов Авраама.

Но дробление общинной собственности может происходить и естественно, как следствие прогресса в земледелии. По мере усовершенствования способов обработки и по мере того, как появляется сбыт продуктов, земледельцы начинают замечать, что одного года недостаточно для получения всей прибыли от труда и удобрений, вложенных в участок земли, полученный при разделе. Они требуют отсрочки переделов на 2, 3, 7 и 20 лет. Русское правительство было вынуждено сделать их обязательными во время ревизии; мужики же назвали их черными, т. е. дурными переделами, показывая тем самым, как они неприятны тем семьям, которые стали как бы владельцами доставшейся им по последнему переделу земли. В связи с этим замечено, что пахотные, удобряемые земли в первую очередь стали переделываться через промежутки в несколько лет и в конце концов оставаться у владеющих ими семей, луга же продолжают делиться ежегодно. И еще до того, как пахотные земли стали частной собственностью семей, деревья, посаженные на общинных землях, подлежащих переделу, являлись уже собственностью посадившего.

В общинных селах все главы семейств равны между собой, так как происходят все от одного рода. Иностранцы, поселяющиеся среди них в качестве ремесленников или военнопленных, спустя некоторое время, получив право гражданства, соответствующее древнему принятию в род, получают долю земли наравне с коренными жителями. Это присоединение иностранцев, конечно, возможно лишь в случае медленного прироста населения и обилия свободной земли. В густо населенных селах часть людей вынуждена выделяться на хутора, уходить на новые места и вырубать

соседние леса. Иногда каждое семейство получает право самостоятельно осваивать землю за пределами известного района и на некоторый более или менее продолжительный промежуток времени оно считается собственником освоенной им земли.

Но необработанные плодородные земли вскоре исчезают в селениях, расположенных на берегу моря, вдоль реки или на перекрестках дорог, так как привлекают большое количество чужеземцев.

В этих селах, превращающихся в маленькие города, трудно уже получить право гражданства; даже за жительство в них нужно платить известную пошлину *. Пришельцы не принимаются в расчет при разделах земли, они не пользуются общими лугами и пастбищами и не могут становиться должностными лицами города. Эти права принадлежат исключительно коренным жителям, составляющим привилегированное сословие: аристократию коммуны, городских патрициев, в противовес, с одной стороны, феодальной аристократии, с другой — ремесленникам, которые, по крайней мере по происхождению, всегда иностранцы. Ремесленники же, защищая себя против деспотизма и вечных притеснений общинной аристократии, организовались в ремесленные цехи. Это подразделение городских жителей в средние века было источником междоусобных, часто кровавых, столкновений.

В деревнях росла феодальная собственность за счет общинной, отпечаток которой она сохранила вплоть до ее превращения в буржуазную собственность; в городах же, сделавшихся оживленными центрами промышленности и торговли, накапливались и увеличивались движимые богатства, воздвигавшие частную собственность на развалинах коллективной собственности и общинной организации.

* Ривьер (Rivière) упоминает указ 1223 года, требовавший взыскивать со всякого постороннего, желающего проживать в Реймсе, в пользу епископа четверть сеты (3 четверика) ржи и курицу, в пользу мэра 8, а старшинам 4 экю. Епископ — это феодальный сеньор; его повинность сравнительно легка, тогда как требования мэра и старшин-патрициев общины очень тяжелы для того времени.

Глава четвертая ФЕОДАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ

1. ФЕОДАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

Есть два типа феодальной собственности: недвижимая, называемая средневековыми юристами телесной (*сogro-gelle*), состоящая из замка или поместья с усадебным участком и окрестных земель «так далеко, как каплун может в раз облететь»; и движимая, называемая договорной (*incog-ro-gelle*), состоящая из военной повинности, барщины, десятины и различных обязательств.

Феодальная собственность (собственность духовенства есть лишь разновидность ее) зарождается среди сельских общин, основанных на коллективной собственности, и увеличивается за счет ее; затем, вследствие ряда вековых преобразований, она приводит к буржуазной — настоящему виду индивидуальной собственности.

Феодальная собственность и порождаемая ею социальная организация служат переходом от семейного, точнее кровнородственного коллективизма, к буржуазному индивидуализму. В феодальные времена собственность и собственник имеют обязательства и не приобрели еще буржуазной независимости, права пользоваться и злоупотреблять. Земля не продается и не может быть куплена, она отягощена ограничивающими условиями (сервитутом)⁸¹ и передается по обычаю и законам, которые собственник не может нарушить. Он должен исполнять свои обязанности перед людьми, стоящими выше и ниже его по иерархической лестнице.

Феодальный строй, в сущности, есть контракт взаимных услуг: барон обладает землей, правом на труд и продукты труда крепостных вассалов, при условии оказания услуг

высшим и подвластным лицам. Феодалный сеньор, взамен «присяги на верность» (la foi et l'hommage) вассала, «обещался защищать его от всех и против всех и помогать ему во всех случаях»; вассал, чтобы обеспечить себе эту защиту, следовал за сеньором на войну и платил ему личными повинностями и десятиной с жатвы и приплода домашних животных *. Барон, чтобы найти в случае нужды поддержку и помощь, прикреплялся к более могущественному сеньору, который в свою очередь был вассалом одного из великих ленников короля или императора.

Все члены феодальной иерархии, восходящей от крепостного к королю или императору, были тесно связаны взаимными обязательствами. Тогда долг, как теперь прибыль, был душою общества. Все использовалось для того, чтобы глубоко запечатлеть его в сердцах высших и низших классов. Народная поэзия, этот первый и могущественный фактор образования, обращала долг в религию. Роланд ⁸² — эпический герой феодализма, попав в трудное положение, когда сарацины напали на него в Ронсевале, держит такую речь к своему товарищу по оружию, Оливьеру, который жалуется на то, что Карл Великий их покинул... **

* The Vision of Piers the Plowman (видение Пирса — пахаря), составленное за несколько лет до бунта кентских крестьян, загладивших в 1380 году Лондоном, напоминает дворянству их обязанности по отношению к крепостным и вассалам, кормящим их. Пирс говорит рыцарю:

«Вы предлагаете так справедливо, что я буду работать и сеять в поте лица своего за нас обоих, и другие дела буду делать за Вас всю жизнь, с условием, что Вы станете защищать святую церковь и меня самого от разбойников и злых людей, ходящих по свету».

** Не богохульствуйте. — Проклят тот, кто носит в себе трусливое сердце. Мы будем твердо держаться, от нас будут исходить и удары и сражение!.. За своего сеньора нужно претерпевать большие страдания и терпеть холод и жар, также нужно терять кровь и тело. Коли коньем, а я дюрандалем — добрым мечом, что дал мне король. Если я умру, тот, кому он достанется, сможет сказать, что он принадлежал благородному вассалу! Аої. (Песнь о Роланде; издание Леона Готье [Léon Gautier, XCIII et XCIV]).

Песнь о Роланде, народная эпопея средних веков часто пелась при начале сражений. При Гастингсе, когда сошлись две армии, нормандский рыцарь Тальефер (Taillefer) вышел из рядов и запел песню о Карле Великом и Роланде «чтоб возбудить в солдатах мужество», как говорит Вильям Мальмсбер (William of Malmsbury). Во время пения он играл мечом, бросал его в воздух и хватал за рукоять. Норманны подхватывали припев с криками: «Господи, помоги!».

Кровнородственный коллективизм мог дать лишь общинное единство; феодализм создал провинциальную и национальную жизнь, объединив обязанностями и взаимными услугами автономные и отдельные части целой провинции и нации. С этой точки зрения феодализм есть военная федерация баронства.

Обязанности барона по отношению к его крепостным, оброчникам и вассалам были многочисленны и обременительны. Но когда начался упадок феодализма, они освободились от своих обязанностей, сохранив и увеличив в то же время обязательства и тяготы подчиненных, которые в прежние времена были лишь платой за действительные услуги. Бароны не ограничились освобождением себя от феодальных обязанностей, они захотели владеть землями своих вассалов, лесами и другими общинными имуществами. Французские средневековые юристы, справедливо названные *plumes féodales* («феодальные перья»), стали утверждать, что земля, леса, луга и воды всегда принадлежали сеньорам, отдавшим их лишь в пользование крепостным людям и вассалам. То же произошло и в Англии, где объявили, что неизвестно когда, «должно быть во время феодализации Европы или норманского завоевания, вся территория Англии была взята под контроль, что земли были распределены между сеньорами в собственность, которую они частью роздали следовавшим за ними свободным людям, частью же поручили обрабатывать крепостным рабам; что вся не возделывавшаяся земля также принадлежала сеньорам и что все не согласующиеся с феодальными принципами обычаи незаметно возникли впоследствии благодаря попустительству сеньоров же» *. Одним

Восклицание *Ао!*, повторяющееся после каждой строфы, занимало многих филологов; оно соответствует французскому *ohé*, как замечает Готье, и означало окончание куплета; так как, вероятно, «Песнь о Роланде» пелась двумя лицами, как поется еще теперь в Финляндии Калевала двумя певцами. Один начинал петь строфу, которую другой повторяет, потом говорит свою, повторяемую в свою очередь первым, и так далее до конца поэмы, пение которой продолжается часто целые дни и ночи.

* *H.-S. Maine, Village communities*, стр. 84. Мнение это было выражено перед комиссией палаты общин адвокатом Бламиром (M. Blamire), который, по словам Мэна, был «наиболее сведущим законоведом по части земельной собственности в Англии в ее наиболее редких формах».

словом, все принадлежало барону и должно было к нему вернуться. Благодаря таким бесстыдным подтасовкам фактов, дворянство во Франции и Англии могло завладеть лесами и землями — собственностью сельских общин. Буржуазные историки и Мерлен (Merlin), беспощадный законовед Конвента, разрушитель общинных имуществ, желая найти индивидуальную форму собственности даже в феодальные времена, приняли пристрастную точку зрения аристократов. Однако рассмотрение вопроса о зарождении и эволюции феодальной собственности докажет лживость мнения средневековых юристов и покажет, как феодальная собственность установилась с помощью обмана и насплия.

II. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ФЕОДАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Феодализм, являющийся иерархическим строем власти, родился и развился среди равенства. Но чтобы равенство породило деспотизм, нужно было определенное стечение обстоятельств, сложившееся на протяжении веков, которое необходимо напомнить в пояснение.

Германские племена, веками наводнявшие Западную Европу, были весьма непоседливыми и находились на ступени варварства, близкой к прокезским племенам времен открытия Америки. Страбон⁸³ говорит, что варвары, основавшиеся в Бельгии и на северо-востоке Франции, не знали земледелия и питались молочными продуктами и мясом, большей частью свежим мясом свиней, столь же диких и опасных, как волки, и которые свободно паслись стадами в огромных лесах, покрывавших местность. Их было так много, что их хватало для пищи и для покупки других съестных припасов и предметов роскоши. Страбон добавляет, что таковы же были нравы и обычаи галлов, и что для того, чтобы знать их, достаточно изучить нравы германцев его эпохи.

Когда Цезарь высадился в Англии, он нашел, что кентские бретонцы походили нравами на галлов: «они не обрабатывали землю, питались молочными продуктами, мясом, и покрывались шкурами; они красили свое тело в синий цвет, чтобы пугать врагов, и братья имели общих жен»*.

* Записки о галльской войне, V, § 14.

Исходная точка европейской цивилизации та же, что и во всех частях света.

Весьма строгое равенство царило среди этих варваров — воинов и охотников; и их нравы и обычаи были направлены к сохранению этого героического равенства. Когда они становились оседлыми и начинали обрабатывать землю примитивным способом, то предпринимали регулярные военные походы, чтобы не забыть военного искусства. Знаменитому вождю стоило только провозгласить, что он идет воевать, и под его команду стекалось множество воинов, жаждавших добычи и славы.

В походе они повиновались ему, как греческие воины Агамемнону⁸⁴; но пировали за общим столом на равных правах и так же поровну, по жребию, делили добычу. Вернувшись к себе, они снова становились независимыми и равными, а военачальник терял свою власть. На таких же началах свободы и равенства организовывали свои набеги скандинавы и фактически все варвары. Эти пиратские обычаи сохранялись в течение всего средневековья. Солдат набирали, обращаясь к свободной личной инициативе. Вильгельму Завоевателю⁸⁵, чтобы набрать армию против англичан, а Иннокентию III⁸⁶ против альбигойцев, достаточно было лишь обещать дележ имущества побежденных. В битве при Гастингсе перед началом сражения Вильгельм обратился с такой речью к солдатам: «Сражайтесь хорошо, убивайте всех врагов; если мы победим, все будем богаты: что я возьму — будет и ваше; что я завоюю, завоюете и вы; если я возьму эту землю, она будет ваша». — Святой отец говорит тем же языком, что и сын Роберта Дьявола для побуждения верующих к истреблению еретиков альбигойцев. «Ну же, христовы солдаты! Уничтожайте нечестие всеми открытыми вам богом средствами (бог открыл им лишь поджог, убийство и грабеж), гоните графа Тулузского с его вассалами из их замков, лишайте их земель, чтобы правоверные католики утвердились на землях еретиков (10 марта 1208)». Крестовые походы, бросившие на восток европейских воинов, организовывались так же. Предлогом для них было освобождение гроба господня, а целью — грабеж*.

* Известный экономист г-н Молилари простодушно сравнил финансовые предприятия нашего времени с пиратскими набегами средних веков; он, следовательно, признал, что частная отдача де-

Когда варвары в поисках земель завоевывали страну, они иногда убивали жителей, как сделали это евреи по повелению своего бога. Но обыкновенно они ограничивались разграблением городов и захватом нужных им земель, на которых они поселялись и которые обрабатывали по-своему, оставляя побежденных жить рядом по своим законам и обычаям. Их строй не являлся чем-то случайным, а соответствовал, по словам Цезаря, их племенной организации; то же подтверждает Эльфинстон (Elphinstone), воевавший в конце прошлого века с афганскими варварами *. Каждое племя получало землю, распределяемую между родами или кланами, живущими в одном или нескольких селениях. Села, объединенные родственными связями, составляли центену (centène) (по-древнегермански — huntari, по-древненормански — haradh); несколько центен составляют графство, несколько графств — герцогство. На этой племенной организации мервингские короли основали начало политической организации.

Земли, не бывшие во владении села, оставались в распоряжении сотни; что не принадлежало ей — принадлежало области — «гау», а что оставалось — обыкновенно большие пространства земли — было в непосредственном распоряжении всего народа. В Швеции существуют рядом все эти виды владения, — говорит Энгельс. Каждое село имеет общинные земли, дальше идут общественные земли сотни или heradh и «гау» и, наконец, общенародные, которые присваивает король в качестве представителя нации, но которые, однако, продолжают называться общинными **. Коронные земли во всех феодальных монархиях были имуществами, принадлежавшими нации; их не следует сме-

нег под процент наших отцов семейств имеет целью грабеж. Между ними существует, однако, разница: феодальные воины рисковали собою, а капиталисты, набрасываясь на предложенные финансистами предприятия, дающие 10 и 20 процентов прибыли, рискуют лишь капиталами, которые создавали далеко не они.

* Земли гундепуров (Gundehpoors) разделены на шесть частей, соответствующих числу кланов, составляющих племя; они распределяются по жребию... Переделы бывают раз в 3—5 лет. Удивительно, что переделы у этих народов, не имеющих законов, обходятся без ссор и кровавых столкновений. (Mountstuart Elphinstone, An Account of the kingdom of Caubul, 1805.)

** См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, стр. 630.—(Прим. ред.)

шивать с именными меровингов в Брне, Атиньи, Компьене, Вербери и т. д., принадлежавшими роду меровингов.

Но становясь оседлыми земледельцами, а позже переходя в христианство, варвары мало-помалу утрачивали свои воинственные привычки, хотя некоторые из них оставались неизменно верными своим первобытным нравам. Германцы времен Тацита, освободившись от своей первобытной дикости, занимались уже земледелием и были оседлы; однако племя катты (Cattes) занималось исключительно войной. Они начинали все сражения, становясь в наиболее опасных местах; они не имели ни домов, ни земель и никаких забот. Всюду их кормили. Знаменитые воины других племен удерживали всегда при себе подарками и пирами преданных им людей, готовых всюду следовать за ними. Воины племени каттов и эти дружины военачальников составляли нечто вроде постоянной армии, которая должна была защищать другие племена, занимающиеся земледелием.

Но как только варвары-завоеватели отучались от войны, другие варвары нападали на них, как на добычу. В течение веков массы варваров устремлялись в Европу: на востоке — готы, гунны, германцы, на севере — скандинавы, на юге — арабы. Чтобы защищать границы от их вторжений, римские императоры устраивали колонии ветеранов, раздавали им землю, скот, семена и даже деньги. Самых варваров они натравливали друг на друга, дарили им земли и поручали защиту крепостей. Но эти барьеры цивилизации разрушались нашествиями варваров.

А когда на востоке, юге и севере прекратился этот людской поток, и варвары, сделавшись оседлыми, стали продолжать приостановленное ими дело цивилизации, началось новое бедствие: разбойничьи шайки бродили по стране, грабили и брали выкупы. После каждой войны солдаты обеих сторон братались и шли грабить вместе*.

* После битвы при Пуатье (1356) солдаты обеих армий, оказавшись без дела, соединились и пошли воевать для себя. После трактата в Бретиньи (1360), возвратившего свободу королю Иоанну, английскому пленнику, обе армии были распущены, но воины соединились в шайки и пошли грабить. Один воевал на севере; другие, более многочисленные, под начальством Талейрана — Перигора, спустились по Роне и опустошили Прованс. В Авиньоне они получили отпущение грехов от папы и подарок в 500 000 ливров, что им было гораздо ценнее, — папа угостил также их вождей, которые брали выкуп с городов и опустошали деревни.

Люди в Европе веками жили под страхом грабежей, убийств и увода в рабство.

Нашествия, разорявшие страну, не мешали племенам, уже сделавшимся оседлыми, враждовать между собой. Эти постоянные междоусобицы обрекают варварские племена на бессилие перед лицом внешнего врага: когда надо выступить вместе, они не в состоянии забыть вражду клана к клану, села к селу. Тацит, думавший лишь о римском могуществе, просил богов поддержать эти губительные распри, ибо, как говорит он, «судьба не могла дать Риму большего счастья, чем раздор у его врагов».

Жители деревень для защиты от стольких опасностей укрепляли села, называемые по овернским хартиям XI и XII веков лагерями (*castra*). Будучи все равными, как члены одного клана, они прибегали к выборам, чтобы назначить вождя для своей защиты; эти вожди вместе с посланцами короля дали начало феодальным баронам*.

Бароны вначале исполняли лишь роль сборщиков податей (*freda*), использовавшихся на вознаграждение за услуги, роль председателей народных собраний, где происходил суд, военных надсмотрщиков и блюстителей порядка. Они были подчинены власти совета старейшин и народного собрания. По салическим законам, среди франкских племен граф, не позаботившийся выгнать инородца, приговоренного к изгнанию народным собранием, подвергался штрафу в двести золотых су; именно ту же сумму составлял и выкуп за убийство. Права, которые впоследствии должны были сделаться принадлежностью феодальных сеньоров, принадлежали общине, собиравшейся на общие собрания. Под страхом штрафа, на них должны были присутствовать все жители с оружием. Некоторые общины владели колонами и крепостными.

Законы Уэльса, собранные в 940 году по приказанию короля Хоель-Да (*Hoël-Da*) и изданные в 1841 году А. Оуэном, указывают способ выборов, права и обязанности

* Иногда клан обращался к воину из другой местности. Кутюмы Беарна начинаются таким провозглашением независимости: *A quels los fors de Bearn: en los quo ans fé mentiou qué antiquement en Bearn no havé Senhor.* (Вот кутюмы Беарна: они упоминают, что первоначально в Беарне не было сеньоров.) Но жители По (*Pau*), нуждавшиеся в военном вожде и прослышавшие о подвигах рыцаря Бигорра (*Bigoire*), выбрали его сеньором на год. Народное собрание просило его придерживаться обычаев, которыми он пренебрегал. Но так как он отказался повиноваться, его убили в самом собрании.

этих деревенских вождей, которые, примерно, одинаковы во всех варварских племенах. Вождь рода или клана избирался всеми главами семейств, имевшими законных жен и детей. Власть его была пожизненна; у других же народов она была временна; во всяком случае он мог быть отрешен от должности. Он должен был быть всегда готов «выступать за своих родственников так, чтобы его слушали; сражаться за своих родственников так, чтобы его боялись; ручаться за своих родственников так, чтобы его ручательство принималось».

Когда он творил суд, ему помогали семь наиболее древних старцев. Под началом у него находился мстителъ, на обязанности которого лежало исполнение мести, так как правосудие было тогда лишь законом возмездия, удар за удар, рана за рану, убыток за убыток. При первой тревоге, когда кликнут клич — у норманнов *hafo*, у басков *biafor* — все жители должны были вооруженными выходить из домов и становиться под начало вождя: он был их военачальником, они были обязаны быть верными ему и повиноваться. Кто не являлся на клич, приговаривался к штрафу. Жители имели военную организацию. Например, в Тарбе они составляли группы по десяти человек, во главе с десятскими, которые должны были смотреть за тем, чтобы все были вооружены и чтобы оружие было в порядке *.

Всякий труд среди варваров имеет тенденцию укрепляться в одной и той же семье: от отца к сыну переходит профессия ткача, кузнеца, мага или священника; так образуются касты. Вождь, на обязанности которого лежало поддержание внутреннего порядка и внешней защиты, избирался среди всех жителей. Но мало-помалу вошло в привычку избирать его из одной семьи, которая, в конечном итоге, устраняя формальность выборов, стала назначать сама вождя для общины из среды своих членов. Было бы ошибочно думать, что вначале должность вождя составляла завидную привилегию. Наоборот, обязанности его были тяжелы и опасны. Вождя считали ответственным за все. Для скандинавов голод был верным признаком гнева богов. Вину за это должен был нести король, которого смещали, а иногда и казнили.

* *L. Dev Ile, Études historiques sur Tarbes (Bulletin de la Société académique des Hautes-Pyrénées, 6-e année, 2-e livraison, 1861).*

Эта должность была настолько непопулярна, что избранный собранием не смел от нее уклониться, иначе он подвергался изгнанию и той опасности, что священная и неприкосновенная собственность его семьи, дом его, будет разрушен. Древняя кутюма Амьена говорит: «*Se li maires qui eslus seroit refusoit le mairie... et se aucuns refusoit l'esquivinage on abateroit se maison*».

Гомм (Gomme) указывает на такие же карательные меры в кутюмах Фолькстона и Гастингса для городских старшин и заседателей, которые, будучи выбраны, отказались бы вступить в должность *.

Сельские общины в Индии, над которыми проводились наблюдения и в наше время, имеют на общественной службе ткачей, кузнецов, школьных учителей, браминов, танцовщиц для религиозных церемоний и др.; все они находятся на службе у общины, которая платит им, давая помещение и назначая жалованье с пошлин, взимаемых с жатв и стад; иногда им даются участки земли **, обрабатываемые частично или полностью поселянами.

Выборные старшины в европейских селах были в таком же положении, как индусские чиновники. Их товарищи в награду за заслуги при дележе земель выделяли им больше, чем остальным жителям. Так, в селении Мальмсбери старшина его олдермен получал в награду за службу дополнительный участок земли, называемый кухней олдермена. Чтобы дать возможность старшине заниматься общественными делами, односельчане обрабатывали его поле и давали ему первую часть жатвы и первенцев из стад, которые находились под его охраной ***. Должность вождя вовсе не была синекурой; он должен был быть всегда на чеку, всегда готовым к бою. Гомм воспроизводит рисунок рукописи XI века, где изображены жнецы, собирающие хлеб под охраной воина с копьём в руках.

* *Gomme, Village community.*

** Эти участки земли часто назывались именем того ремесла, в вознаграждение за которое они получались. В некоторых английских приходах, говорит Мэн, существуют участки земли среди общинной земли, которые с незапамятных времен носят название какого-нибудь ремесла, и часто в народе считается, что сю не может законно владеть человек, не занимающийся данным ремеслом.

*** «Каждый год базуты собираются, чтобы вспахать и засеять поле их вождя и его первой жены. Сотни людей, выстроенных в линию, последовательно поднимают и опускают мотыги: все село помогает содержать вождя». (*Casalis, les Basoutos.*)

Выборные вожди сначала не выделялись среди других жителей. Но то, что они выбирались всегда из одной семьи, породило в конце концов привилегию, перешедшую в наследственное право. Глава привилегированной семьи, по праву рождения, делался уже естественным главою общины без всяких выборов. Во франкских племенах королевская власть не имела другого происхождения; род Меровингов поставлял военных вождей, так же как у евреев род Левитов поставлял священников. Однако воины избирали сами вождя из среды Меровингов. Пипин Короткий не только заставил себя выбрать собранием воинов, но, чтобы прикрыть узурпацию власти, он заставил майнцского епископа и папу Этьена III посвятить себя, причем последний его назвал «помазанником Божиим».

Меровингские короли не издавали ни одного частного распоряжения, ни одной грамоты без следующих формул: *Una cum nostris optimatibus* (с согласия нашего дворянства), *De consensu fidelium nostrorum* (с одобрения наших верноподданных) и т. д. Салические, древнегерманские законы и указы первых франкских королей обнаружатся не от имени какого-нибудь князя*.

Возможно, что главой общины выбирался тот, у кого был самый обширный дом, легче всего защищаемый, дабы жители села могли легче в нем укрыться в случае нападения. Это стратегическое преимущество, могущее быть случайным вначале, впоследствии сделалось неизменным условием избрания вождя. В пограничных индусских селениях *the burg* (сторожевая башня) всегда находится у дома вождя и служит убежищем и наблюдательным пунктом. Во времена феодализма можно было быть сеньором, лишь обладая «замком или крепостью с внутренним двором, с рвами и подъемными мостами, с большой четырехугольной башней и ручной мельницей внутри»** так, чтобы крестьяне могли укрыть там урожай и скот, молотить зерно и организовать защиту. Дом вождя считался как бы общим: в момент же опасности он фактически и являлся убежищем для всех. Крестьяне ремонтировали его, рыли рвы, укреп-

* Вот формула при воцарении древних королей Арагона (примерно такая же должна была быть у франкских королей): «Мы, из которых каждый равен тебе, делаем тебя нашим королем, с условием, чтобы ты исполнял наши обычаи; если же нет, то нет».

** *Roucher d'Argis, Code rural ou Maximes et règlements concernant les biens de campagne, 1774, 3-e édit.; ch. VI, § 2.*

ляли стены. В коллективистских селениях есть обычай всем жителям работать сообща при ремонте или постройке дома любого из членов общины. Этот обычай и являлся основанием права феодальных сеньоров «требовать от вассалов и ленников помощи при постройке укреплений, если это право основано на титуле, и даже без титула во время военных действий».

Следующий же комментарий писателя феодальных времен ясно указывает происхождение этого права. «И так как эти укрепления одинаково служат безопасности сел и городов, защите лиц так же, как и имуществ, то и чужестранцы, обладающие имуществом в данной местности, также обязаны способствовать их возведению».

Варвары — более войны, чем земледельцы, были настоящими защитниками села и его крепости. При первом зове они являлись вооруженными и становились под начало вождя, чтобы поддержать его и отразить нападение. Они также дежурили на сторожевой башне днем и охраняли дом ночью. Во многих местах до самой революции некоторые сеньоры сохранили право требовать от своих вассалов сторожевой службы. Но когда земледельческие склонности взяли верх, крестьяне, чтобы избавиться от военных повинностей, мешавших им заниматься своим делом, превратили их в подати, платимые вождю, с условием содержать воинов, исключительно занимающихся сторожевой службой и защитой населения. При всяком штрафе, налагаемом на преступника, удерживалась известная часть в пользу вождя и его воинов. Этим способом создавалась возможность для вождя содержать вооруженную силу, которая и позволила ему впоследствии властвовать и повелевать над бывшими товарищами.

«Село, занимающее лучшее стратегическое положение, делалось центром; в случае нападения жители соседних сел искали в нем защиты; а чтобы иметь возможность рассчитывать на это убежище, они должны были способствовать содержанию укреплений и воинов. Вождь этой крестьянской общины распространял свою власть и над окружающими селениями».

Этим естественным путем среди коллективистских сел, где права и обязанности всех мужчин были равны, зародились основы феодального строя. Однако они, как в Индии, веками остались бы в том же состоянии, если бы их не сдвинули с места и не влили в них новую жизнь внешние

события. Войны и завоевания развили эти зародыши, сплотив их и тесно связали между собою взаимными обязанностями и правами в одну обширную социальную систему, которая в средние века распространилась по всей Западной Европе.

То, что в наши времена произошло в Индии, дает нам возможность понять, как завоевание страны способствовало превращению вождей сельских общин в феодальных баронов.

Когда англичане, обосновавшись на побережье Индии, расширили свои владения в глубь страны, то столкнулись с селами, организация которых была такой же, как у описанных выше. Во главе каждой группы земледельцев, как сообщает Мэн, стоял такой же крестьянин, вождь (headman), который вел переговоры с завоевателями от имени всего села. Английские власти не дали себе труда выяснить, в чем заключались полномочия, происхождение власти и его настоящее положение в общине. Они нашли более удобным считать его хозяином села, тогда как он был лишь его представителем, и соответственно обращались с ним. Они усилили и укрепили его власть, пользуясь своим правом сильнейшего; и во множестве случаев они помогали вождям сел покорять своих прежних товарищей и лишать их прав и имущества.

Французы и англичане безуспешно стремились дать такую же власть старшинам-сахемам (sachems) племени прокезов.

Средневековые завоеватели поступали таким же образом: вождей слишком маленьких сел, которые не стоило раздавать в виде бенефиций своим подданным, они оставляли в должности и возлагали на них обязанности по сбору податей и надзору за их подчиненными; таким образом, завоеватели им дали власть, которую те не пользовались в своей общине. В стратегических же пунктах завоеватели раздавали должности вождей села своим воинам; они вверяли им военный пост. Продолжительность занятия этого поста, называемого бенефицием, зависела от обстоятельств по данным ленных книг; вначале пост этот был сменяем, затем сделался годичным, пожизненным, наконец, наследственным и вечным. Пользовались всеми случаями, чтобы превратить бенефиций в родовое имение и в аллод, то есть в землю, свободную от податей; во Франции короли второй династии должны были часто издавать указы против по-

добных присвоений. «Да никто из имеющих бенефиции от императора или церкви не вывозит оттуда ничего в свое родовое имение», — говорит Карл Великий в капитулярии 803 года. (Сар. VII, с. III.) Но указы не могли помешать военным вождям селений превратиться в феодальных баронов.

Итак, можно сказать, что происхождение феодализма двояко: туземное и иностранное. Он развился, с одной стороны, из необходимых условий эволюции сельских общин и, с другой стороны, из завоеваний.

Феодальные бароны, как превращенные в таковых естественным ходом событий из вождей сел, так и те, которых завоеватели сделали военными начальниками, все должны были жить в данной местности, защищать ее и управлять ею. Земли, которыми они владели, и подати, которые они получали в виде оброков и барщины, служили им вознаграждением за услуги, оказываемые земледельцам, живущим в пределах их юрисдикции. Бароны и их челядь составляли постоянную местную армию, которая кормилась и содержалась защищаемым ими населением*.

Барон обязывался судить своих вассалов, защищать их и помогать им, те же клялись ему в верности, становясь его подданными. При всякой перемене, происшедшей в связи со смертью сеньора или вассала, вассал должен был не позднее, как через 40 дней, лично, а не через доверенное лицо, явиться в главный замок, и никуда больше, чтобы показать, что он давал присягу в верности, лишь для того, чтобы найти защиту в баронском замке; если сеньор был в отсутствии и не оставил представителя, вассал, узнав об этом, присягал на верность у ворот замка, о чем и составлялся протокол. В положении просящего защиты, с непокрытой головой, без шпаги и шпор, вассал должен был преклонить колена и сложить руки. Принимая присягу, сеньор в знак союза и защиты, брал его руки в свои. Тогда вассал объявлял лен, т. е. перечислял земли и имущества, которые он отдавал под покровительство сеньора; первоначально он даже приносил комки земли со своего поля. Иногда сам сеньор первый давал клятву вассалам. В кутюмах Бигорра говорится, что граф Бигоррский «перед тем, как принять

* В романских языках слово барон (baron), первое имя феодальных сеньоров, означало сильный человек, храбрый воин, что ясно указывает главным образом на военный характер феодализма. Вассал (vassal) также значило храбрый.

присягу на верность от депутатов, присланных по этому случаю от жителей той местности, сам должен принять присягу в том, что он ничего не изменит ни в древних, ни в тех обычаях, которые он найдет среди жителей; четыре дворянина его земель должны подкрепить его клятву».

Вассал должен был являться на военную службу к сеньору в тех случаях, «когда чужеземная армия нападала на его землю, когда он хотел освободить свой осажденный замок или когда войска отправлялись на объявленную войну», то есть предпринятую в интересах жителей его земель.

Однако на первых порах феодальной организации вассал, хотя и был тесно связан со своим сеньором, мог все же его покинуть в некоторых случаях, перечисленных в капитуляриях 803 и 816 годов, то есть «когда сеньор изъявил намерение его убить, взять к себе в крепостные, ударить палкой или шпагой, обесчестить его дочь или жену или отнять его родовое имение».

Как только власть баронов была установлена, феодальная знать в свою очередь сделалась источником смут в той местности, которую она должна была защищать. Чтобы увеличить свои земли и расширить свою власть, бароны вели между собою постоянную междоусобную войну, которая прекращалась лишь на короткое время производства полевых работ.

Войны между баронами можно уподобить конкуренции между промышленниками и купцами наших времен, которая не знает перерывов. Результат одинаков, то и другое приводит к централизации собственности и связанной с ней силы в обществе.

Побежденный феодал, если он не был лишен имущества и казнен, становился вассалом победителя, который завладевал частью его земель и вассалов. Мелкие бароны поглощались крупными, которые стали устраивать герцогские дворы, где должны были присутствовать те, кто сделались их вассалами.

Бароны часто превращались в воров на больших дорогах, грабили деревни и брали выкуп с проезжающих и с городов, и вполне заслужили данные им названия *gens-pille-hommes*, *gens-tue-hommes* *.

* Игра слов: вместо «gentilhomme» (дворянин), — «gens-pille-hommes» (грабитель) и «gens-tue-hommes» — убийца.

Витри (Vitry), легат Пиннокентия III, проповедовавший в Бельгии и Германии крестовый поход против альбигойцев (1208), пишет:

Города вынуждены были вооружаться и стать под защиту короля или крупных феодалов, которые стремились к централизации земель и феодальной мощи и превращали баронов в своих придворных.

Но по мере того, как исчезали мелкие бароны, войны между замками затихали, устанавливалось спокойствие в деревнях и уменьшалась необходимость феодальной защиты. Тогда сеньоры сочли возможным покинуть свои земли и отправиться к герцогским и королевским дворам, чтобы исполнять там обязанности придворных, раз их роль как защитников своих вассалов и ленников была окончена. Феодализм терял смысл своего существования с тех пор, как земледельцы перестали нуждаться в военной защите. Феодализм, рожденный войной, от войны и погиб: те же военные доблести, которые способствовали его возникновению, и погубили его.

Но пока существовал феодализм, существовали и следы первобытного равенства, в недрах которого он зародился, несмотря на то, что исчезло всякое равенство между сеньорами и его вассалами и ленниками. На общинном сходе, который определял земельные отношения как барона, так и крестьян, феодальный сеньор снова становился равным им. Сход собирался и без его разрешения, иногда даже несмотря на его отказ созвать сход, что, однако, было его обязанностью. Его право пользоваться общинным имуществом было так же ограничено, как и право других жителей; число голов скота, которое он мог послать на общинное пастбище, было заранее определено. В своем очерке о земледельческих классах Нормандии Делиль (De l'Isle) цитирует документы, доказывающие, что права дворянства были ограничены. Так сеньор де Бриквилль имел право пастби на общинных лугах только два быка и одну лошадь.

Сеньоры имели настолько мало привилегий, что Ля Пуа де Фреминвиль (La Poix de Fréminville) сообщает, что

«Несмотря на титулы и свой сан, сеньоры не прекращают ходить на добычу и исполнять ремесло воров и разбойников, пожарами уничтожая целые местности». ...Нравы духовенства были не лучше. В XII веке архиепископ Нарбоннский в сопровождении каноников и архидьяконов рыскал по полям, охотился на животных, грабил крестьян и насиловал женщин. Он содержал на жалованье шайку наемников из Арагона, которые вымогали деньги из страны: епископы и аббаты любили особенно «белых женщин, красное вино, богатые одежды и хороших лошадей, живя богато, тогда как Христос жил бедно», — говорит один трубадур.

«сеньор, не владеющий собственным скотом, не может послать пастись туда чужой скот, ни отказать свое право другому, ни продать его, даже не может уступить свое право даром» *.

III. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЦЕРКОВНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Происхождение церковной собственности если не тождественно с феодальной, то во всяком случае подобно ей.

В те смутные времена многие искали защиты для себя и своего имущества у церкви так же как у баронов. Священник обладал властью, которой не было у барона, — открыть врата рая. Вера была наивна, но глубока и пылка: эпическая поэма и народная песня, это истинное выражение чувств и задушевных дум масс, признают за священником власть спасти от адского огня и дать место в раю. В песне о Роланде архиепископ Турпин, чтобы вернуть в бой дрогнувших рыцарей, обещает им райские блаженства и одновременно предостерегает их, что иначе они будут обещены народной песней:

Seignurs baruns, nen allez mespensant;
Pur Deu vus pri que ne seiez fuiant,
Que nuls prozdum malvaisement n'en cant!
Asez est mielz que moerium cumbatant.
Pramis nus est, fin prendum aïtant,
Ultre cest jur ne serum plus vivant,
Mais d'une chose vus sui jo bien guarant:
Seinz Pareïs vus iert abandonant;
As Innocenz vus en seiez seant**.

Духовенство уверило всех, что скупость есть первый и самый главный атрибут бога и что его святые торговали своим влиянием и протекцией; благодаря этому Хлодвиг говорил, что «святой Мартин не плохо служит своим друзьям, но заставляет слишком высоко оплачивать свои труды».

Чтобы обеспечить себе место в раю, верующие, умирая, завещали свое имущество церкви. Вначале этот дар

* *La Poix de Fréminville, Traité général du gouvernement des biens des communauts d'habitanéts*; Paris 1760.

** Сеньоры-бароны, бросьте скверные мысли; — именем бога прошу вас, не бегите, — ведь вас зло осмеют в песне. — Лучше умрем, сражаясь. — Между нами, ведь это верно, что мы умрем; после сегодняшнего дня нам не жить; — но я вам обещаю одну вещь: — вам будет открыт святой рай; — вы будете восседать вместе со святыми.

зависел вполне от доброй воли дающего, но впоследствии сделался вынужденным. «Всякий, — говорит Монтескьё, — кто умер, не оставив части своего имущества церкви, что называлось умереть непричастным (*déconfés*), лишился причастия и погребения. Если кто-нибудь умер без завещания, то родные должны были просить епископа назначить посредников, которые бы вместе с ними решили, какую часть имущества выделил бы умерший церкви, если бы он оставил завещание». Священники предусмотрительно рекомендовали верующим отрешиться еще при жизни от своего имущества, с условием сохранения пользования им до дня своей смерти.

Страх, что конец мира наступит в 1000 году, значительно увеличил дары монастырям и духовенству. К чему хранить блага мира сего, когда и люди и животные должны погибнуть и час страшного суда скоро наступит?

Но когда 1000 год прошел без катастрофы, страх исчез, и все стали горько сожалеть об имуществе, отданных в виде выкупа за грехи при жизни, и главное, напрасно. Начались протесты: наследники протестовали против завещаний. Чтобы запугать верующих, которые требовали возвращения имуществ, церковь прибегала к проклятиям и анафемам. Монастырские грамоты той эпохи переполнены формулами проклятий, долженствовавших наполнить ужасом сердца дарителей и их родственников. Вот одна из них, которая часто встречается в регистрах Оверни: «Если кто-нибудь из чужих или который-нибудь из ваших родных, если ваш сын или дочь настолько безрассудны, что решатся оспаривать этот акт, решатся силой отнимать имущества, посвященные богу и его святым, то пусть их поразят, как Ирода, ужасные раны; пусть они мучаются в глубине ада, как Иуда христопродавец, Дафан и Авирон»*.

Но церковные имущества происходили также и из других источников. Бомануар, перечисляя причины, увеличившие в государстве число крепостных, говорит, что некоторые свободные люди сами продавали себя и своих детей иногда из нужды, иногда же из желания иметь хозяина и защитника от врагов и что свободные люди из набожности обязывались за себя и свое потомство оказывать определенные услуги или платить какой-либо церкви

* Цитировано Ривьером (H.-F. Riviere) в его книге «Histoire des institutions de l'Auvergne», 1874.

или монастырю; происхождение этой зависимости забылось и на нее стали смотреть как на доказательство действительного крепостного состояния.

Церкви подчинялись, чтобы иметь от нее светскую защиту. Большинство актов добровольного закрепощения (*obnoxatio*), говорит Герар, было вызвано набожностью, сравнительно хорошим обращением епископов и аббатов с крепостными, а также преимуществами этого положения, оговоренными в законе. Церковные и монастырские крепостные и вассалы пользовались теми же привилегиями, что и королевские: в случае нанесенной обиды, раны или смерти они имели право на тройное вознаграждение. Король и церковь сами преследовали виновного, тогда как иначе эта обязанность лежала на семье потерпевшего.

Монастыри были в то же время крепостями, могли выдержать правильную осаду, а монахи умели владеть оружием. При Гастингсе духовенство сражалось в обеих армиях, Аббат из монастыря Хида возле Винчестера привел к Гарольду 12 монахов, которые потом все пали в битве с оружием в руках. Высшие сановники церкви были и военачальниками и, оставляя ризу и крест, надевали латы и брали копьё. Такие епископы, как Кагор, во время пышного богослужения клали на престол свою каску, латы, меч и железные перчатки. При Ронсевале, Роланд, желая высказать Турпину высшую похвалу, говорит Оливьеру:

*Li Arcevesques est mult bons chevaliers:
Nen ad meillur en terre, desuz ciel,
Bien set ferir e de lance e d'espiet.*

.....

*Dient Franceis: «Ci ad grant vasselage;
En l'Arcevesque est bien la croce salve.
Kar placet Deu qu'ascz de tels ait Carles.» Aoi!**

В феодальные времена единственными людьми, обладавшими хоть каким-нибудь образованием, были люди церкви. Свои знания и военную доблесть они отдавали кор-

* Архиепископ очень хороший рыцарь: — на земле, под небом нет лучшего, — он умеет хорошо драться копьём и мечом. — Французы говорят: «Вот большая храбрость! — Крест в безопасности с архиепископом. — Дай бог, чтобы у Карла было побольше людей, подобных ему». Aoi!

жившим их прихожанам. Часто они вступались за сельское население против угнетавших его сеньоров. В Ирландии и теперь еще низшее духовенство идет вместе с фермерами и крестьянами, которые его кормят, против помещиков.

Хотя священники были тесно связаны с населением городов и деревень, они часто вступали в борьбу с феодальной знатю. В припадке суеверного ужаса и лихорадочной набожности бароны могли жертвовать церквам и монастырям часть земель и богатств; но в спокойные минуты они зарылись на имущество священников и монахов и пользовались первым попавшимся случаем, чтобы завладеть им *.

Короли первых династий и полководцы раздавали в виде бенефиций своим солдатам и подданным церкви и монастыри; с VIII до XII в. многими церквами владели светские лица **.

Французские короли до самой революции сохранили за собой коронное преимущество, по которому они пользовались всеми доходами незамещенного епископства. Феодальные короли считали, что церковные богатства собраны провидением для того, чтобы помогать им в случае крайней нужды; они так же беззастенчиво обирали церкви и монастыри, как вымогали золото у евреев.

«Но духовенство получало столько, — говорит Монтескье — что, надо думать, за время трех династий ему, верно, несколько раз жертвовали все богатства страны». Когда Генрих VIII, эта Синяя Борода английской истории и верховный первосвященник Англии, реформировал католическую церковь, то он конфисковал 645 монастырей, 90 соборов, 2374 церкви и отдельные часовни, 110 госпиталей, с доходами свыше 50 миллионов в год. Тем самым он сделал в больших размерах то, что делали и его пред-

* Как сообщает Мальмсберн (W. of Malmesbury), Свейн, сын Годвина и брат Гарольда, похитил монахиню и в припадке ярости совершил убийство. Мучимый угрызениями совести, он дал обет пройти босиком до Иерусалима. Честно исполнив этот трудный обет, он умер, не выдержав его тяжести.

** Пипин Геристальский, его внук Пипин Короткий и Карл Великий, которым нужно было замолить убийство Дагобера и свою узурпацию, были защитниками церкви; но Карл Мартел, отец Пипина Короткого, грубо ограбил ее. Летописец, описывая этот факт, употребляет глагол социализировать (*socialiser*). *Karolus, plurima juri; ecclesiastico detrahens, praedia fisco sociavit, ac deinde militibus dispersivit.* (En chronico Centutensi, lib. II.)

шественники. Буржуазные революционеры 1789 года, завладев имуществами церкви, в сущности, последовали лишь примеру, данному христианнейшими королями Франции.

IV. СУЩНОСТЬ ФЕОДАЛЬНЫХ ПОВИННОСТЕЙ

Феодальные повинности пережили феодальных баронов, исчезнувших за ненадобностью; они сделались достоянием знати, часто буржуазного происхождения, и уже не служили вознаграждением за оказанные услуги.

Энергично защищаемые средневековыми юристами против ожесточенных нападков буржуа, они были окончательно уничтожены лишь буржуазной революцией 1789 года. Английская буржуазная революция, свершившаяся за полтора столетия до нее, облекла властью буржуазию, учредив рядом с палатой лордов палату общин. Но она не уничтожила массу феодальных привилегий, которые являются теперь анахронизмом, когда аристократия буквально представляет лишь часть класса капиталистов.

Либеральные экономисты и историки нашего века вместо того, чтобы искать происхождение и смысл существования феодальных повинностей в прошлом и объяснить их уничтожение исчезновением причин, обусловивших их в свое время, сочли, что будет научнее и либеральнее огулом и без разбора осудить все, что более или менее касалось феодализма. Однако, чтобы понять общественное устройство средних веков, нужно знать, в чем состояли эти крепостные отношения, которые представляют собой движимую форму феодальной собственности.

Было бы слишком долго перечислять все феодальные повинности; я выберу лишь те, на которые больше всего изливался гнев буржуазных писателей, и покажу, что если они и были поддержаны и укреплены силой, то вначале они были установлены добровольно.

Барщина.— Из вышеизложенного видно, что феодальный барон, если он не был военачальником, назначенным завоевателем, был обычно простым гражданином общины, равным другим и не выделявшимся из их среды никакими привилегиями. Он получал свой участок по земельным разделам, но сам не обрабатывал его. Это обязывались делать его односельчане, чтобы дать ему возможность отдать все свое время защите общины. По словам Гакстгаузена, в

России помещики продолжают получать доходы с четверти или трети мирской земли, обрабатываемой жителями села.

Латрюф-Монтмейлиан (Latruffe-Montmeylian) говорит, что во Франции «часть общинных имуществ, которой располагал сеньор, зависела от прав крестьян. Если последние пользовались и господским лесом, то она равнялась двум третям, если они пользовались только общинным лесом, то — одной третью» *.

Когда владения монастырей и баронов настолько увеличились, что им перестало хватать крепостных, они стали сдавать земли в обработку крестьянским общинам, жившим «общим котлом» («au même pot et au même pain»), по характерному выражению того времени. Но эти арендаторы, как крепостные, так и свободные, должны были определенное количество дней работать на сеньора — пахать его земли или собирать хлеб.

В те времена, когда не существовало товарного производства и торговли, и барон, и крестьянин сами должны были изготовлять предметы, необходимые для удовлетворения своих потребностей **. И в монастыре, и в феодальном замке были всякого рода мастерские для производства оружия, земледельческих орудий, тканей, одежды и т. д. Крестьяне, их жены и дочери были обязаны работать там некоторое количество дней в году. Женскими мастерскими заведовала сама жена хозяина замка, назывались же они гинекеями.

При монастырях также были женские мастерские***. Они не замедлили превратиться в гаремы для сеньоров и их слуг и даже в притоны разврата, где бароны и священники бесчестили своих крепостных и вассалок: слово *gynesiaria* — работница из гинекея, сделалось синонимом

* *Latruffe-Montmeylian*, «Du droit des communes sur les biens communaux»; Paris 1825. Монтмейлиан (Montmeylian) был одним из редких во Франции писателей, которые имели смелость защищать общинные имущества от жадности буржуа.

** В книге «Théâtre de l'agriculture et du ménage des champs Оливье де Серр (Olivier de Serres) советовал землевладельцам производить самим все необходимое и, например, вместо того, чтоб продавать продукты и на вырученные деньги покупать одежду в другом месте, делать ее самим; советовал в каждом поместье иметь скотобойню, пекарню, ткацкую и т. д. Действительно, феодальное хозяйство не знало оборота товаров и товарного производства, являющихся отличительной чертой буржуазной экономики.

*** В дарственной записи графа Эберггарта монастырю Морбах в 728 г. упоминается сорок работниц из гинекея.

проститутки. Скандал был настолько велик, что епископы принуждены были запретить священникам иметь подобные мастерские.

Отсюда видно, что современный публичный дом — духовного и аристократического происхождения.

Вначале число дней, в которые вассал и свободный колон должны были работать на сеньора, было незначительно; в некоторых местах оно равнялось всего трем дням в году *. За отсутствием установленного обычая или контрактов королевские приказы установили 12 дней работы в году на сеньора. Повинности крепостных были значительнее, хотя обыкновенно не более трех дней в неделю. Однако крепостной мог пользоваться небольшим участком земли, который ему предоставлял сеньор и с которого его нельзя было согнать; кроме того, он получал некоторую часть с урожая барона и имел право пастьбы в его лесах и на его пахотных землях.

Граф Гаспарен, министр земледелия при Людовике XVIII, в своем трактате «Аренда», опубликованном в 1821 году, не колеблясь, признает преимущество для землевладельца аренды над барщиной **.

* Пусть свободные люди живут мирно и пусть три раза в год идут в извоз к графу, велит кутюма Бигорра (Le Fors de Bigorre).

** Причины, которые указывает граф Гаспарен, общественно-интересны и их стоит привести здесь, так как они могут быть применены к работе пролетария.

«Система барщины обязательно предполагает дать крепостному для прокормления известное количество земли под самостоятельную обработку с условием — некоторое количество дней в году, в вознаграждение за это пользование, работать на помещика... Интересы хозяина и крепостного разделяются; каждый получает индивидуальность; крепостной человек знает, что труд, который он вложит в уступленную ему землю, является залогом его благосостояния, и чтобы сделать его плодотворнее, он работает деятельнее... Происходит ли то же самое в дни работы на хозяина? Руки, бывшие свободными три дня в неделю, снова становятся рабами на три других. Человек научается различать труд на себя и на хозяина, и это различие является пагубным для последнего... Теперь — система аренды. Если мы ее сравним с барщиной, то не трудно будет увидеть, насколько она для землевладельца выгоднее.

В аренде колон-арендатор не в состоянии различить, какая часть его труда идет на пользу хозяину, а какая в его пользу, и это заставляет его трудиться с одинаковым прилежанием; и если количество обрабатываемой им земли соответствует его силам, то он и получает с нее все, что возможно при данном развитии земледелия.» (Le Métaillage, опубликовано при содействии министра земледелия.)

Но во время упадка феодализма сеньоры стали злоупотреблять властью и увеличили барщину. «Они захватили такую власть, — говорит писатель начала XVII века Жан Шенно (Jean Chenu), — что заставляли крепостных пахать, собирать виноград и исполнять тысячи других повинностей без всякого на то права, запугивая лишь страхом быть битым или обруганным воинами». Когда мир внутри европейских стран был более или менее установлен и крестьян уже не от кого было защищать, придворная знать, заменившая феодальных баронов, обратилась в паразитов и притеснителей.

Объявление жатвы. — Мнение, что право сеньора назначать день покоса трав, сбора винограда, жатвы и т. д. относится исключительно к феодализму, неверно. Это право зародилось еще во времена процветания коллективной собственности. Выше было сказано, что для того, чтобы освободить поля для пастбы общинного скота, совет старейшин села назначал день жатвы. Этот обычай, установленный в интересах всех односельчан, изменился, когда сеньор стал торговать хлебом. Сеньор заменил собою совет старейшин или же влиял на него в том направлении, чтобы задержать объявление жатвы, собрать раньше крестьян свой хлеб и благодаря этому продать его первым и на более выгодных условиях.

Обязательное пользование.* — Хоть слово это и феодальное, но обычай, который оно означает, относится к эпохе коммунизма. Как было уже сказано, в сельских общинах некоторые работы исполнялись лицами, оплачиваемыми общиной; в каждом селе общинный пастух пас скот всего села; к услугам всей общины были также кузницы, скотобойни, мельницы и животные-производители. Вместо того, чтобы топить свою печь и в ней печь свой хлеб, каждая семья относила его в общинную (banal); этот обычай произошел из желания сэкономить топливо. Содержание и наблюдение за печью было поручено совету старейшин, потом сеньору, который везде, где это было в его интересах, заменил собой выборных от общины. Плата за пользование общинным имуществом была минимальная. Так в ордонансе 1223 года Гильома Бланш-Мэн

* В феодальном праве под этим словом подразумевается право помещика заставлять крестьян принудительно пользоваться за плату вещами, принадлежащими помещику, как, например, пользоваться печью или животным-производителем.

(Blanches-Mains) архиепископа Реймса, сказано, что священник «будет владеть общинной печью и будет взимать за пользование ею один хлеб из тридцати двух». Буше д'Аргис (Boucher d'Argis) приводит постановления 1563 и 1673 года, где плата за помол на общинных мельницах определяется в $\frac{1}{16}$ и $\frac{1}{13}$. Современный мельник берет больше одной десятой *.

Такие учреждения могли существовать лишь тогда, когда не было товарного производства. Они задерживали развитие торговли и возможность эксплуатации общины частными лицами. Поэтому французские буржуазные революционеры объявили, что они запятнаны феодализмом, и уничтожили их в 1790 году.

Церковь.— Священник был тесно связан с сельским населением, которое его выбирало и кормило; в свою очередь он заботился об образовании крестьян, занимал их легендами священного содержания, развлекал религиозными церемониями и другими «представлениями» и защищал их от барона. Единение, существовавшее между священником и народом, видно из характера тогдашней церкви. Божий храм, впоследствии сделавшийся исключительной собственностью духовенства, закрытый для народа, кроме часов службы, тогда еще был общей собственностью священника, барона и крестьян. Хоры и алтарь принадлежали десятиникам (*décimateurs*), то есть сеньору и священнику «На них возложена была обязанность заботиться об исправности хоров,— их стен, сводов, украшений, покровов, пола, скамеек, приставных стульев, оконных стекол, престола и картин... Прихожане должны были заботиться о нефе церкви, так как он им принадлежит», — говорит Ля Пуа де Фреминвиль (La Poix de Fréminville). Церковь была и рынком, и мирским сходом, и залом для танцевальных собраний, в случае же необходимости в нее складывали хлеб **.

* *Boucher d'Argis*, Code rural, ch. XV, Des banalités.

** Соборный устав 1529 года запрещает «устраивать или допускать в церкви или на церковном кладбище праздники, танцы, игры, развлечения, представления, базары и другие недозволенные собрания, так как церковь предназначена только служению богу, а не для таких глупостей».

Но, кажется, этот устав имел мало силы, так как газета «Mercure de France» за сентябрь 1742 г. передает, что в Безансонской епархии, в день пасхи танцевали танец бержерет (Bergerette),

По словам Гарольда Роджерса (Thorold Rogers), в Англии церковь везде была сборным пунктом для собраний прихожан, а в случае опасности и крепостью. Строилась она на том месте, которое первые поселенцы укрепили забором*. Прежде храм представлял собою священное место, где складывались драгоценные предметы; у иудеев — Иерусалимский храм, у римлян — храм Весты, а у греков — Дельфийский храм были местом хранения сокровищ.

Колокола средневековых церквей принадлежали крестьянам, и те звонили в них, предупреждая о сходе, пожаре или нападении. В судебных архивах французских провинций XVII и XVIII веков встречаются упоминания о приговорах, вынесенных колоколам, обвинявшихся в том, что они предупредили крестьян о прибытии сборщиков пошлины на соль или королевских жандармов. Их присуждали снять и бить кнутом, рукой палача, «несмотря на то, что они были освящены при очень торжественной церемонии, с употреблением еся, ладана, мирра и пением молитв». Церковь была божьим домом, противостоящим феодальному замку, и крестьяне объединялись вокруг нее.

Десятина — это жалованье священников, которое прежде давалось прихожанами, теперь же платится государством, которое взимает его в виде налогов. Как и другие феодальные повинности, она оплачивалась натурой. Вобан⁸⁷ считает, что повинности и десятина, уплачиваемая натурой, менее тягостны для земледельца, чем подати деньгами. Действительно, они брались с урожая и в зависимости от его размера были больше или меньше, тогда как, хороши или плохи урожаи, подать не меняется. Чтобы уплатить ее, крестьянин должен добыть за свой продукт денег; и при этом обмене мелкий земледелец

установленный самой церковью: танцевали *in medio navis ecclesiae* (посреди церкви); по окончании танца пировали *cum vino rubro et clero* (с красным и белым вином).

В «Истории танцев» (*Histoire de la danse*) Бонне (Bonnet) говорит, что в день святого Марсиала жители Перигора танцевали в церкви под звуки распеваемых псалмов. В конце каждой строфы повторяли:

San Marccou, pregas per nous,
E nous espingarem per vous.

(Святой Марсиал, молитесь за нас, а мы потанцуем за вас.)

* Thorold Rogers, *Economical interpretation of history.*

под давлением нужды принужден подчиняться требованиям банкира или хлебного торговца, имеющего деньги.

Если все современные правительства приняли уплату налогов деньгами, то это не только для того, чтобы сделать их постоянными, но и затем, чтобы свалить на земледельцев весь риск, связанный с продажей хлеба.

Десятина в пользу церкви была сначала необязательной, как и теперь в Ирландии. По словам Мабли⁸⁸, в капитуляриях Карла Великого нет такого места, где было бы определенно сказано, что платить ее необходимо. Ее, кстати, выплачивали как священнику, так и колдуну. Липонский архиепископ IX века Агобард горько жалуется, что десятина далеко не столь аккуратно платится духовенству, как колдунам, имевшим силу насылать бурю и отвращать грозу. Вероятно поэтому Франкфуртский собор, созванный при Карле Великом в 794 году, чтобы сполна получить духовную десятину, пустил в ход черта. Он издал капитулярный, в котором было сказано: «Во время последнего голода были найдены пустые колосья, которые опустошили дьяволы в отмщение за несправный платеж десятины». Священники и колдуны, дьявол и бог, это часто те же лица под разными именами.

Но в силу феодальной поговорки: нет земли без повинности и десятины, десятина стала обязательной. Она была превращена в домениальное право и жаловалась светским сеньорам или аббатам, которые перепродавали ее светским лицам. Десятина, даваемая добровольно, чтобы получить духовную помощь от церковнослужителей, сделалась обязательной и в конце концов превратилась в насильственную подать, не оправдываемую никакой услугой. Так благородное золото превращается в презренный свинец.

У. СПОСОБЫ РАСШИРЕНИЯ ФЕОДАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Если феодальные повинности, сделавшиеся тягостными и несправедливыми, когда бароны перестали исполнять роль защитников своих вассалов, филонов и крепостных, и возникли благодаря взаимному соглашению, то земельная собственность знати увеличилась лишь благодаря обману и насилию, главным образом, за счет общинных имуществ. Вначале это был лишь военный пост, пору-

ченный временно какому-либо волну, или просто право на земельный надел.

В замечательной XXIV главе «Капитала» об экспроприации сельского населения, к которой я и отсылаю читателя, Маркс показал, каким грубым и беззастенчивым способом сеньоры Шотландии и Англии совершенно обезземелили крестьян. Пожалуй, никакая другая европейская нация не может похвалиться тем, что выкормила аристократию, которая бы совершила монополизацию земли с такой жадностью и свирепостью. Однако и во всех цивилизованных странах крестьяне были обезземелены и лишены своих вековых прав, причем буржуазней и дворянством были пущены в ход все средства, чтобы достичь этой похвальной и прибыльной цели.

Вот некоторые из них. Подати и барщина стали настолько тяжелы, особенно с тех пор как дворяне перестали играть какую-либо полезную роль, что крестьяне, чтобы от них избавиться, соглашались отдать сеньору часть общинной земли села. Эти уступки земли, которых жадно домогались сеньоры, по-видимому, почти всегда достигались с помощью обмана: дворяне подкупали некоторое число крестьян, которые брались устроить сельский сход из них одних, проголосовать за передачу земли. Поэтому во Франции встречаются королевские указы, отменяющие эти решения и постановляющие возвратить земли общине, причем отмечается, что никакая уступка общинных земель недействительна, если она не постановлена всеми жителями села, созванными для решения этого вопроса.

Захватчики общинных земель не всегда прибегали к таким парламентским приемам, часто они их просто отбирали.

В XVI веке, когда быстро развивалась промышленная и торговая буржуазия, на общинные земли зарплись и дворяне и многочисленные спекулянты. Население городов росло и, чтобы удовлетворить его возросшие потребности, сельское хозяйство должно было увеличить свою продукцию. Развитие сельского хозяйства стало делом, интересующим все слои общества. Под предлогом расширения пахотных земель спекулянты добились от французских королей указов, разрешающих распахивать невозделываемые земли. В число их они поспешили включить и общинные земли, которые попытались отнять у крестьян; те с оружием в руках стали защищать их;

чтобы сломить их сопротивление, захватчики призывали на помощь вооруженную силу государства. Между прочим одним из королей, приславших вооруженную помощь, был и Генрих IV, тот самый, который говорил, что желал бы видеть по воскресеньям в супе каждого крестьянина курицу.

Дворяне, чтобы завладеть крестьянской землей, прибегали к приемам, носившим характер крючкотворства; они утверждали, что крестьяне владеют землей, не имея соответствующих документов, что во многих случаях было совершенно справедливо; они требовали проверки прав на землю, остальную же конфисковывали в свою пользу. Иногда же они действовали и другим способом: завладев бумагами, доказывающими права крестьян на землю, они их сжигали, а раз крестьянин не мог доказать своих прав, то земля оставалась без хозяина и, следовательно, в силу правила — «нет земли без сеньора» — они ее захватывали. Сожжение документов о собственности в 1789 году было лишь ответом на действия дворянства XVI века.

Захваты лесов начались еще раньше. Не заботясь о бумагах, сеньоры присваивали леса и поросли, огораживали их, запрещали крестьянам в них охотиться и лишали крестьян веками установившегося права рубить лес на постройки и дрова. Эти захваты общинных лесов дворянством вызвали огромное недовольство и послужили поводом к сильным бунтам. В Roman de Rou XI столетия крестьянин говорит: «Сеньоры нам причиняют только зло. У них есть все, они могут все, едят все, а нас заставляют жить в бедности и печали... К чему с нами так обращаются? Мы тоже люди, как и они, у нас те же члены, тот же рост, мы так же способны страдать и нас сто на одного... Защитимся от рыцарей, объединимся, и никто не будет господином над нами, и мы сможем рубить деревья, ловить в лесах дичь, в прудах — рыбу и станем в лесах, на лугах и на водах жить по своей воле».

В середине XIV века в северных и центральных провинциях Франции вспыхнула Жакерия⁸⁹, вызванная попытками дворян запретить крестьянам пользование лесами и водами.

Такие же бунты повторялись в Германии, начиная с возмущения саксов против императора Генриха IV, кон-

чая швабскими крестьянами, которые во времена Лютера⁹⁰ выступили с оружием в руках против сеньоров, запрещавших им пользоваться лесом и водою.

Отзвуком этого возмущения был такой же кровавый бунт в Эльзасе и Лотарингии.

Эти восстания заставили сеньоров во многих случаях уважать «права пользования» крестьян, и они так прочно установились, что Ля Пуа де Фременвилль в 1760 г. писал: «Они не могли бы быть у них отняты, даже если бы крестьяне ими злоупотребляли, так как право пользования лесом должно считаться вечным, и как таковое, оно также принадлежит ныне живущим крестьянам, как и их будущим наследникам, а тех, кто еще не родился, нельзя лишить приобретенного права». Но буржуазные революционеры не с таким уважением отнеслись к правам крестьян, как феодальный юрист; они их уничтожили в пользу крупной земельной собственности.

Если сеньорам и приходилось иногда склоняться перед «правом пользования» крестьян, то тогда они обыкновенно объявляли, что это ими дарованные привилегии; они считали себя владельцами лесов так же, как потом они предъявляли свои права на земли своих вассалов. В средние века, когда свободный человек, владевший аллодом, искал коммандации, то есть покровительства сильнейшего, он приносил ему комок земли, клялся в верности и брал на себя известные повинности, которые или отработывал или платил натурой. Тем не менее он оставался собственником своего поля. Но феодальный сеньор в некоторых провинциях объявлял себя владельцем того, что находится под поверхностью земли, признавая за крестьянами право на ее поверхность, то есть на все то, что есть на ней: постройки, посевы, деревья, урожай, хотя по феодальному праву сеньор не владел недрами, так как для эксплуатации рудника даже на своей земле он должен был испрашивать у короля разрешение, которое давалось лишь на определенное время за плату. Однако, опираясь на такие же юридические фикции, современные бретонские дворяне требуют экспроприации земледельцев, потомков вассалов, их предков.

VI. ОГРАНИЧЕНИЯ ФЕОДАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ (СЕРВИТУТ)

Буржуазная революция 1789 г. создала частную собственность на землю. До тех пор земли Франции, принадлежавшие как дворянству, так и крестьянам, были подчинены сервитутным правам, что на время совсем лишало их характера частной собственности. Крестьяне могли пастись свой скот не только в лесах, захваченных дворянами, но также и на пахотных землях; раз жатва снята, земля становилась общей и крестьяне посылали на нее свой скот. Это право распространялось даже на виноградники*. Землевладельцы не только должны были уступать свободные земли под пастбища для общинного скота, но и не имели права сеять, когда им заблагорассудится: для этого надо было сообразоваться с постановлениями общинных советов; для того же, чтобы посадить виноградник, надо было испросить разрешение короля. За несколько лет до революции было отказано в этом праве Монтескье, к великому ужасу энциклопедистов.

У владельца были обязанности по отношению к земле: он не имел права оставлять ее невозделанной. 13 октября 1693 года Людовик XIV издал постановление, по которому в случае, если владельцы сами не обрабатывают своей земли, «разрешается всякому засеивать ее и пожирать плоды, с условием дележа с хозяином поля». Этот указ узаконивал лишь старый обычай. «Наши городские головы, — говорит Кокий, — любя общественное благо, очень толково ввели обычай, по которому всякий имеет право обрабатывать чужую необработанную землю без согласия владельца с условием уплаты названному владельцу полевой подати. Эта подать не везде одинакова, она зависит от количества пахарей и качества земли, в некоторых случаях она равняется трети урожая, иногда четвертой, пятой, шестой, а иногда и седьмой части; она зависит от обычаев местности». (*Questions et Réponses sur les coutumes de France*, § LXXVI.)

* В своем «*Voyage agronomique*» 1806 года Франсуа де Нефшато упоминает о записках, напечатанных в 1763 году обществом сельской экономики в Берне, авторы которых горько жалуются на то, что после сбора винограда виноградник должен быть предоставлен для пастьбы овец, как «общая земля».

Феодальная земельная собственность совершенно не была свободной, она принадлежала не отдельному лицу, а семье; ее законный владелец не мог ее продать; он был лишь землепользователем, обязанным передать ее наследнику. Тот же характер носили церковные владения, только они принадлежали не одной семье, а бедным и церкви, великому католическому семейству. Аббаты, монахи и священники, пользовавшиеся ими, были лишь управителями, хотя и очень ненадежными. Чтобы избавиться от податей, французское духовенство до самой революции утверждало, что на церковные владения нельзя смотреть, как на обычные, так как они не принадлежат никому, — это *res nullius*, потому что это собственность священная, *res sacrae*, *res religiosae*. Буржуазные революционеры поймали их на слове: они объявили, что церковными имуществами владеет церковь, а не духовенство; греческое же слово *ecclesia*, откуда происходит *Eglise* — церковь, означает собрание, общество всех верующих, что то же самое, что нация, народ; следовательно, церковные владения принадлежат нации. Их и национализировали, как в свое время их «социализировал» Карл Мартелл, который роздал их своим воинам. Подражая Генриху VIII английскому, буржуазные революционеры захватили церковные имущества и разделили между собою то, что принадлежало бедным и нации.

Либеральные историки и буржуазные экономисты как раз больше всего нападали на эти сервитуты, а Нефшато называл их даже «пятнами феодальной ржавчины». Однако это были остатки первобытного коммунизма, которые доставляли известное благосостояние крестьянам. Этого благосостояния они навсегда лишились в тот день, когда частная буржуазная собственность заменила феодальную.

VII. ЛЕГЕНДА О РЕВОЛЮЦИИ 1789 ГОДА ¹¹

Бесстыдные фальсификаторы истории, буржуазные политики и историки сочинили легенду о революции 1789 года. По их словам, она была совершена в пользу крестьян, чтобы наделить их землею. Послушав их, можно подумать, что раньше и не существовало крестьянской собственности и своим появлением она обязана продаже

национальных преимуществ и дележу общинных земель. Эта массовая продажа земель была повторением, только в больших размерах, той, которую предпринял в XVI веке Генрих VIII английский; она была выгодна лишь спекулянтам и буржуазии, которые воспользовались случаем обогатиться за счет дворянства и духовенства, расширить свои владения и приобрести по дешевой цене великолепные поместья; но, как говорит Леонс де Лавернь (Léonce de Lavergne) в «Économie rurale», она лишь незначительно увеличила число мелких собственников. Действительно, в дореволюционной Франции «было множество мелких земельных участков», говорит Неккер. «Число мелких собственников так велико, — писал Артур Юнг, — что, я думаю, оно составляет треть королевства». Франсуа де Нефшато утверждает, что «в департаментах, составляющих дижонское сенаторство, земли распределены между большинством населения; только некоторые из них совершенно не имеют земли». Все они издавна владели землей, потому что, прибавляет он, их наделы дробились до бесконечности, вследствие разделов по смерти уже нескольких поколений*.

Революция 1789 года вовсе не создавала мелкой собственности; наоборот, не дав земли крестьянам, она лишила их части общинных владений и сервитутных прав пользования землями дворянства и буржуазии: права подбирать оставшиеся колосья, права пасти свой скот в лесах и на полях после уборки хлеба и других прав, столь же важных для их благосостояния. Революция была на пользу только средним и крупным собственникам как из среды аристократии, так и буржуазии.

Дворянство доказало свою крайнюю несообразительность, не поняв, что взамен некоторых устарелых, скорее искусственных, чем реальных привилегий, буржуазная революция освобождает их от феодальных сервитутов, уничтожения которых они сами требовали и которые, по ходячему выражению XVIII века, после снятия урожая лишали имени характера частной собственности, превращая ее в общую. Один агроном дореволюционной эпохи, Дюамель дю Монсо (Duhamel du Monceau), строго и справедливо критикуя право пасти после жатвы общин-

* F. de Neufchateau, Voyage agronomique dans la sénatorerie de Dijon, 1806

ный скот на землях сеньора, так как оно мешало введению новых культур, прибавляет: «Однако, поскольку я считаю, что надо до некоторой степени уважать древние обычаи, то мне кажется, что единственным средством восстановить земледелие в прежней силе будет признать за каждым собственником право одну *тридцатую* часть своих владений не отдавать под пастьбу» *.

Закон от 28 сентября 1791 года о «Сельских имуществях и обычаях» разрешил землевладельцам *совсем* не отдавать под пастьбу свои земли. Это покушение на вековые права крестьян было для них гораздо важнее, чем уничтожение монархии и гражданское устройство духовенства и подняло против революции крестьян юга, Оверни, Анику, Пуату, Вандеи, Бретани и Эльзаса **.

Когда эмигранты вернулись из-за границы «в обозе иностранных армий», то снова получили те из своих земель, которые не были проданы, причем свободными от феодальных сервитутов, за те же, которые уже были проданы, государство им заплатило выше их стоимости***.

Не революция вырвала землю Франции из когтей аристократов; это дело финансистов, промышленников и коммерсантов, которые скоро совсем захватят ее в свои руки. Земельная собственность, концентрируясь благодаря постоянной экспроприации мелких земледельцев, поддерживает самую скандальную роскошь среди грубых и глупых паразитов, не обладающих ни военными добле-

* *Duhamel du Monceau, Éléments d'agriculture, 1762.*

** Каково было значение обычая пастбищного скота на землях сеньора, видно из книги одного агронома того времени: «Это драгоценное подспорье для множества мелких собственников, которые, будучи не в состоянии прокормить скот на своей земле, в продолжение шести или семи месяцев пасут его на общинных залежах. Нет села, в котором у каждого жителя, даже не имеющего земли, не было бы одной или двух коров, 5—6 овец, а иногда и лошади. Благодаря этому у них есть и молоко, и масло, и сыр, которыми они питаются, и шерсть, чтобы сделать себе чулки, шапки и грубые материи. Те, которые не нуждаются в навозе, за наименьшей земли продают его, и только зимой они должны покупать сено на деньги, скопленные за весь год». (G. Deschènes, *Mémoire sur la vaine pâture et les jachères, tome V des Mémoires publiés par la Société d'agriculture du département de la Seine; an XI.*)

*** В мотивированной части закона о возмещении убытков в количестве миллиарда, предложенного 3 января 1825 года де Мартиньяком, общая стоимость проданных дворянских земель оценивается в 987 819 968 франков.

стями феодального баронства, ни элегантностью и вежливостью версальских придворных.

Из 49 388 304 гектаров, обложенных земельным налогом и представляющих собою плодородную и могущую быть обработанной часть французской территории, 2 574 589 гектарами владеют 5 091 097 собственников, т. е. в среднем $\frac{1}{2}$ гектара на душу, тогда как 8 017 542 гектара сосредоточены в руках 10 482 обуржуазившихся дворян и миллионеров-буржуа, т. е. в среднем по 764 гектара на паразита. Та же палата, которая в 1871 году отделила от Франции Эльзас и Лотарингию, отдала 33 000 гектаров принцам Орлеанским. По сведениям, заслуживающим доверия, семейство Ротшильдов владеет более 200 000 гектаров*.

Клочков родной земли, оставленных крестьянам, не хватает для их прокормления, но зато они прикованы к своим полям, что дает возможность капиталистическим

* Следующая таблица показывает приблизительное распределение земельной собственности; она составлена по официальным таблицам земельного обложения на 1884 год.

Обозначение категорий	Число единиц земельного обложения	Число собственников	Площадь, обложенная земельным налогом в гектарах	Число гектаров, приходящееся в среднем на собственника
Очень мелкая собственность				
Меньше гектара	8 585 323	5 091 097	2 574 589	0,50
От 1 до 2 гектаров	1 841 045	1 091 740	2 636 867	2,41
» 2 » 5 »	1 894 128	1 123 218	6 010 847	5,35
Мелкая собственность				
От 5 до 10 гектаров	892 887	529 482	6 254 142	11,81
Средняя собственность				
От 10 до 30 гектаров	627 860	372 321	10 281 515	27,61
» 30 » 50 »	110 812	65 711	4 214 745	64,14
Крупная собственность				
От 50 до 100 гектаров	78 503	43 587	5 059 217	116,08
Очень крупная собственность				
От 100 до 200 гектаров	31 567	18 719	4 338 240	231,75
Свыше 200 гектаров	17 676	10 482	8 017 542	764,88
Итого	14 074 801	3 346 357	49 388 304	

собственникам пмечь всегда в своем распоряжении поденных рабочих. До революции, чтобы располагать работниками в дни жатвы и во все время года, во многих провинциях землевладельцы были принуждены помещать крестьян на своей земле, раздавая им клочки поля в один-два гектара с домиком на нем; эти маленькие фермы, сданные пахарям в обмен на известное количество рабочих дней, назывались *maouvgeries* *.

Куски земли, которыми владеют современные крестьяне, играют ту же роль, что и наделы поденщика прошлого столетия, с той только разницей, что теперь они должны платить за них из своего кармана.

Земли, сосредоточенные в руках обществ финансистов, сдаются в аренду или обрабатываются с помощью агрономов, применяющих передовые достижения науки и агротехники; но часть земель, монополизированных этими паразитами, превращена для их удовольствия в охотничьи угодья, откуда фазаны и зайцы вытесняют крестьян.

Революция вместо того, чтобы облегчить для крестьян приобретение земель, наоборот, затруднила ее, дав толчок непрерывному росту цен на землю и земельной ренты, получаемой паразитами.

	1789	1815	1859	1884
Средняя цена гектара	400 фр.	600 фр.	1000 фр.	1800 фр.
Земельная рента с гектара	12 фр.	18 фр.	30 фр.	54 фр.

Данные за 1789 год взяты у Форбонне и Лавуазье, за 1815 и 1859 годы — у Л. Лаверня, а данные за 1884 год установлены по оценке финансового ведомства, которое

* Чтобы заручиться поденщиками или *maouvriers*, как их называли, землевладельцы были принуждены помещать их на своих землях. Этот обычай был до того распространен, что даже после революции, Пертюи (Perthuis) в своих «*Mémoire sur l'art de perfectionner les constructions rurales*» предлагает план одного из таких крестьянских жилищ, состоящего из комнаты, смежной с одной стороны с хлевом, с другой же — с маленькой сыроварней, молочной; тут же чуланчик для подготовки к продаже продуктов маленького хозяйства (лен, конопля и т. д.) или для занятия мастерством. «К домикам поденщиков относится обыкновенно поле в два метрических арпана, в котором дом и другие постройки занимали около $\frac{1}{2}$ арпана... Дома без земли не ценились поденщиками... Две коровы, а иногда и сосунок, который давался хозяином в виде мертвого инвентаря (*cheptel mort*) — вот и все стадо поденщика».

принимает среднюю цену гектара в 1800 франков. Если же считать теперь среднюю цену земли в 2000 франков, а земельную ренту в 60 франков на гектар (Лавернь вычисляет размер земельной ренты в 3%) *, то это будут еще заниженные цифры.

Продажная цена земельной собственности за одно столетие увеличилась более чем в пять раз. Это огромное повышение цены на землю и есть главная, если не единственная, причина постоянного кризиса в сельском хозяйстве.

Крестьянин уже не может купить земли, не заняв денег, то есть не отдавшись на всю жизнь в руки ростовщика. При этом он становится лишь номинальным собственником; поле уже принадлежит не ему, а банкиру; он работает, чтобы заплатить проценты с долга, который, по мере того как он его выплачивает, все растет.

Барыши собственника-паразита тем больше, чем меньше заработок земледельца. Аренда, которую платит за землю тот крестьянин, для которого буржуазия совершила революцию, гораздо тяжелее той, что платили средневековые земледельцы, так как феодальный сеньор оставался в зависимости от успешности дела у крестьянина; его земельная рента была не определенной заранее неизменной денежной суммой, а частью урожая, хорошего или плохого; часто даже, в дни недорода, вместо того чтобы получить подати, он был принужден раздавать крестьянам зерно, сено и скот.

Оливье де Серр (Olivier de Serres), писавший в то время, когда придворная знать старалась отягчить условия аренды, советовал как лучшую систему аренды, равный делаж, когда сеньор, предоставив половину требуемого скота, земледельческие орудия и семена, оставлял крестьянину лишь нужное для прокорма скота количество соломы и хлеба. Но стоит еще углубиться в прошлое, как мы увидим более выгодные для крестьян условия. В очерке о земледельческих классах средних веков Л. Делиль (L. Delisle) между другими арендными контрактами упоминает об арендаторах монастыря Сен-Жюльен де Тур, которые отдавали монахам $\frac{1}{6}$, а по другим контрактам $\frac{1}{10}$ или даже $\frac{1}{12}$ часть сбора **. Это не были какие-

* *L. de Lavergne, Économie rurale de France depuis 1789.*

** *Léopold Delisle, Étude sur la condition de la classe agricole au moyen âge, du dixième au quinzième siècle, en Normandie; 1851.*

нибудь исключительные условия, свойственные только данной провинции — они встречались и на юге. Контракты, помеченные 1212 и 1214 годами, доказывают, что монахи аббатства Муассак отдавали земли свободным крестьянам под обработку, взимая $\frac{1}{3}$, $\frac{1}{4}$, или всего $\frac{1}{10}$ жатвы. Лагрэз-Фосса (Lagréze-Fossat), изучавший эти акты, замечает, что «крестьяне договаривались с монахами полюбовно, и та часть, которая приходилась на долю последних, не носила характера принудительной подати; она была оговорена заранее по взаимному соглашению» *. В провинциях, где разводили виноград, сажал его арендатор; хозяин получал половину сбора, и он не мог согнать ни колона, ни его потомков с посаженного ими виноградника. Книга приходов и расходов аббатства Сен-Жермен де Пре, которую в 1844 году опубликовал Герар, даст нам возможность проследить жизнь крепостных и свободных хлебопашцев IX века. Поля сдавались в обработку не отдельным лицам, а крестьянским общинам, жившим и работавшим сообща, как было сказано выше.

Земли аббатства делились на *manses ingenuiles* (свободные), более многочисленные, и на *manses serviles* (крепостные); в средние века земля обладала как бы духовным качеством: она была сеньорской, вассальной или крепостной. Колоны обязаны были выполнять разную работу и выплачивать оброк скотом, птицей, яйцами, овощами, горчицей и другими пищевыми продуктами и полезными предметами: дранкой, жердями, дровами, пеньяком и т. д. Герар вычислил в деньгах приблизительную стоимость этих податей и повинностей и нашел, что с гектара свободной земли платилась рента в 6 фр. 13 сант. барщиной и 10 фр. 62 сант. оброком, а с гектара крепостной земли взимались рента в 15 фр. 34 сант. барщиной и 6 фр. 46 сант. оброком. Число землепашцев аббатства достигало солидной цифры в 10 026 человек. Судя по именам, большинство были германского происхождения. Условия, на которых работали крестьяне аббатства, судя по тому, что их было так много, должны были быть примерно общим правилом. Кто бы из современных фермеров не согласился променять своего хозяина-капиталиста

* *A. Lagréze-Fossat, Études historiques sur Moissac, 1872.*

на монахов IX века, чтобы платить за землю 21 фр. 80 сант. за гектар и не деньгами, а отработкой или натурой *.

Революция 1789 года, которая не могла бы совершиться без активного и пассивного содействия крестьян, обманула все их ожидания. Она совершила грабеж, начатый аристократией; она отняла без всякой компенсации крестьянские права и общинные имущества, на которые уже многие века посягали дворяне, духовенство и буржуазия; она освободила землю от сервитутов, служивших связью с первобытнородовым коммунизмом, и она возвела на престол частную собственность с ее абсолютным правом пользования вплоть до злоупотребления.

Чтобы вернуть себе права и имущества, отнятые сеньорами, крестьяне по первому призыву генеральных штатов бросились в революционный ураган: с неистовой радостью и к великому ошеломлению и неудовольствию буржуазных революционеров они сжигали замки и феодалские грамоты. Но из острых когтей аристократов они попали в цепкие лапы капиталистов.

Крестьяне были обмануты буржуазными революционерами, так же как волонтеры революции, ожидавшие обещанные эмигрантские имущества стоимостью в миллиард, были ограблены земельными спекулянтами и так же как бедные крестьяне «Жаки» были преданы Этьеном Марселем ⁹².

Однако разбитые, но не побежденные крестьяне собираются теперь под красное знамя социализма, чтобы снова начать социальную революцию, которая экспроприирует экспроприаторов и исправит преступления революции 1789 года.

* Polyptique de l'abbé Irminon, ou dénombrement des manses, des serfs et des revenus de l'abbaye de Saint-Germain des Prés, sous le règne de Charlemagne, publiée par Guérard en 1884

Глава пятая

БУРЖУАЗНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ

I. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ТОРГОВЛИ

Мы проследили выше, как земельная или недвижимая собственность, принадлежащая вначале сообща всему племени, затем, при дроблении рода или клана на матриархальные и патриархальные семьи, превращается в коллективную собственность и, наконец, в индивидуальную, когда патриархальное семейство распадается в свою очередь, и семьи, живущие вместе, расходятся, причем семья состоит уже только из отца, матери и детей, по совету протестантского пастора Мальтуса в возможно меньшем количестве.

Движимое имущество быстрее проходит фазы своего развития. Возникает оно также в виде коммунистической собственности, но превращается в индивидуальную почти без переходных форм. Даже у дикарей первобытного коммунизма оружие, украшения и предметы личного пользования, считающиеся придатками человека, сжигаются или закапываются вместе с трупом их владельца. Всегда логичные, дикари, признавая в человеке душу, — скорее двойника, — приписывают животным, растениям и неодушевленным предметам душу, которая может жить сама по себе, независимо от них; поэтому на похоронах война они ломают его оружие и убивают его животных и рабов, чтобы освободить их души для служения хозяину на том свете.

В период дикости и при начале варварства подвижность не многочисленна и кто ее делает, тот обыкновенно

и владеет ею; с разведением стад, с введением рабства, обработки металлов и с развитием промышленности она увеличивается*.

С накоплением движимых богатств меняются нравы дикарей. До тех пор воевали лишь, чтобы отомстить, чтобы возвратить отобранные владения или чтобы увеличить свою территорию, ставшую недостаточной из-за увеличения населения. Теперь же война становится промыслом, удобным способом добыть стада, рабов, металлы и другие предметы, которые можно унести. Военный вождь — тех, *basileus*, *thiudans*, — выбравшийся на определенный поход и с его окончанием терявший свою временную власть, делается необходимым и постоянным должностным лицом, так как война и ее организация с этих пор становятся регулярными функциями жизни варварских народов, предающихся грабежу, на который они смотрят как на почетное средство приобретения богатств. Что приобретено на войне — *peculium castrense*, — является личной собственностью, как бы сделанной владельцем. Но развитие движимых богатств, положившее начало героическому грабежу, породило также и буржуазную форму грабежа — торговлю⁹³.

Внутри сельских общин нет места торговле. С введением разделения труда возникает лишь обмен услуг, и только Прудон⁹⁴ имел наивность желать его восстановления в самый расцвет капитализма. Земли кузнеца или ткача обрабатываются в обмен за услуги в их ремеслах. В известные времена села обмениваются между собой лишь излишек своих продуктов через посредство вождей. По мере же роста движимой собственности, ее начинают обменивать, и постепенно образуется класс лиц, берущих в свои руки меновую торговлю внутри нарождающегося города и с жителями других городов. Класс купцов создан: его глубоко презирают и уподоб-

* «Даже самый кочевой и свирепый дикарь владеет своим личным оружием, одеждой, драгоценностями и обстановкой. Интересно, что все эти предметы он сделал сам, так что этот род собственности, считаемый между ними священным, видимо, происходит от права собственности каждого человека на себя, на свою личность и тело, то есть это естественная собственность» (C. F. Volney, *Observations générales sur les Indiens de l'Amérique du Nord*; *Oeuvres complètes*, édition de 1821)

ляют вора^{*}, однако ему удается подчинить себе производителей и взять на себя общее руководство производством, не принимая в нем ни малейшего участия. Этот класс является посредником между двумя производителями и эксплуатирует их обоих. Как говорит Энгельс, под предлогом избавить производителей от трудов и риска по обмену, обещая расширить сбыт продуктов на отдаленные рынки и стать самым полезным классом населения, образуется класс паразитов, настоящих червей общества, которые, под видом жалованья за свои в действительности очень жалкие услуги, снимают сливки с местного и иноземного производства, приобретают огромные богатства и соответствующее влияние в обществе. Именно по этой причине в эпоху цивилизации этот класс добивается все новых почестей и все большего владычества над производством, пока, наконец, он не производит на свет свое детище — периодические торговые кризисы.

Вначале продукты обмениваются на продукты: один из них выбирается, чтобы служить мерой их взаимной ценности. Для этой цели у многих народов сначала служит скот, но он вскоре заменяется золотом и серебром. Сначала его меняют по весу, потом чеканят, то есть признают меновой единицей для всех продуктов. Золотая и серебряная монета становится товаром всех товаров, — товаром, который заключает в скрытом виде все другие и обладает магической силой по желанию превращаться во все желанные и желаемые вещи. С появлением золотой и серебряной монеты нашлось самое действенное средство для концентрации и завладения движимыми и недвижимыми имуществами; родилось самое могущественное орудие разрушения частной индивидуальной собственности.

II. МЕЛКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И МЕЛКАЯ ЧАСТНАЯ ТОРГОВЛЯ

Крестьяне коллективистских сел сами производили пищу и одежду, которую потребляли; они нуждались лишь для обработки своего сырья в нескольких ремеслен-

* Полковник Кэмбелл говорит нам, что каждого главу села с Кондистана сопровождает толмач из презираемой касты Пану, на котором лежат все коммерческие дела, так как Конд считает ниже своего достоинства продавать и торговать

пиках (кузнецах, плотниках, ткачах, портных и т. д.), которых они принимали в свою среду по мере надобности и помещали на окраинах сел, за укрепленной стеной*.

Прожив некоторое время, обыкновенно через год и один день, ремесленники получали право гражданства и разрешение пасти свой скот на общинном пастбище. В таких селах вначале не было обмена продуктов: ремесленники были должностными лицами на службе общины и получали натурой годовую плату за услуги. Они работали лишь по заказу: материал им доставлялся, а когда было удобно, они переходили вместе с инструментами в дом заказчика. Даже когда они перестали быть на службе общества, то все же их услуги оплачивались натурой (хлебом, напитками, птицей и т. д.); а если у них была земля, то ее обрабатывали другие в вознаграждение за каретное, ткацкое или портняжное мастерство. Одним словом, им платили барщиной и натурой, как и воинам в благодарность за защиту. Эта форма промышленности, которая до сих пор существует в индийских селах, держится до тех пор, пока сохраняется коллективная форма земельной собственности.

Села, расположенные на перекрестках дорог, где проходят купеческие караваны, или при устьях рек, или на берегу моря, меняются первыми: там образуется более или менее популярный временный рынок, на который работают местные ремесленники. Число их увеличивается везде, где они находят сбыт своим продуктам; их уже не гоняют, не делают им препятствий, а призывают, приглашают. Население этих деревень, превратившихся

* Платон, описывая в своем «Критии» древние Афины, дает нам понятие о первобытной жизни почти всех городов. Ремесленники и земледельцы помещались на склоне прямо против Иллисуса (Illysus), говорит он. Только каста воинов занимала вершину вокруг храма Афины и Гефеста. Они построили себе с северной стороны общие жилища и жили там на месте, открытом всем ветрам, охраняя покой граждан. На самой акропольской площади был источник, который потом исчез после землетрясений. Тогда же он давал много хорошей воды и летом и зимой. Воины с вершин наблюдали море, бороздимое пиратами, и теснины Парнаса, сквозь которые часто проходили воинственные жители Елезиса и Фив. Лишь показывался неприятель, ремесленники, земледельцы и их стада спешили под защиту ограды, состоявшей из хвороста, переплетенного между оливковыми деревьями, которые росли на Акрополе, как и на всех греческих холмах.

в поселки и города, состоит из ремесленников, специализировавшихся в разных областях и, следовательно, нуждающихся друг в друге. Рынок из временного становится постоянным, и жители обмениваются между собой продукты, а в дни ярмарок продают их пноземным купцам и крестьянам соседних деревень.

Характер промышленности меняется: ремесленник начинает обособляться от заказчика. Он уже не ждет, чтобы ему принесли материал для работы, а достает его и хранит в лавке; он работает не на заказ, а в предвидении продажи. Он уже не только производитель, но и купец, он покупает материал и, переработав, продает его; он увеличивает лавку и берет в помощь себе учеников и подмастерьев. Чтобы оплачивать сырой материал и платить жалованье работающим под его руководством рабочим, он должен иметь денежные запасы, но в таком скромном размере, который едва заслуживает названия капитала в смысле, употребленном Марксом; и однако эти запасы представляют собой капитал в зачаточном виде.

Рост населения в средневековых селах, превращавшихся в города, мешает предоставлению новопривышшим права пользования общинными имуществами и лишает возможности включить их в земельные переделы. Земли остаются собственностью исключительно коренных жителей, которые образуют общинный патрициат. В деревнях же для защиты организуется феодальная аристократия. В некоторых городах демократической Швейцарии до наших дней сохранился городской патрициат. Общинные аристократы Эльзаса в конце прошлого и в начале настоящего века становятся во главе промышленности.

В целях сопротивления деспотизму этих буржуазных патрициев, монополизирующих земли и власть, ремесленники стали организовываться в цехи, в которых первоначально господствовало равенство без наследственной иерархии и которые были открыты для всех работников данной местности. Цехи не только защищали своих членов от городского патрициата, но и предохраняли их от взаимной конкуренции. Первым условием их существования являлась обеспеченность рынка для сбыта продукции, а так как рынок сводился к жителям данного местечка и случайным покупателям в ярмарочные дни, цеховые старшины должны были принять меры, чтобы предотвратить появление избытка производителей и продуктов. Поэтому

цехи замыкались, ограничивая число своих членов, то есть лиц, имеющих право открыть мастерскую в городе, а также их подмастерьев и учеников и, следовательно, количество производимых товаров. Обработка сырого материала в цехах велась в строго определенном порядке. Всякое изменение в оборудовании или усовершенствование запрещалось, для того чтобы ни один производитель не имел преимущества перед другими. Чтобы облегчить старшинам наблюдение за работами, цеховые мастера обязаны были работать в помещениях с открытыми дверями и окнами, а иногда прямо на улице. Каждый цех имел свою специальность, которой все его члены должны были строго придерживаться. Так сапожники (*cordonniers*) производили лишь новую обувь, а починка старой им запрещалась, так как относилась уже к специальности другого цеха (*savetiers*).

Продажа подвергалась столь же строгой регламентации, как и производство. На ярмарках, как и в наши дни в парижском Темпле (*Temple de Paris*), где придерживаются старинных обычаев, продавец не имел права звать покупателя раньше, чем он не поровняется с его прилавком, пройдя который, он поступает уже в распоряжение соседнего торговца.

Эта подробнейшая регламентация указывает на огромное значение рынка еще в то время; позднейшее же расширение его совершенно преобразовало способ производства, а также все связанные с ним общественные отношения.

Принцип индивидуального производства основан на противоречии, в разрешении которого кроется его гибель. Ремесленник, одновременно продавец и производитель, этот разносторонний работник, соединяющий в себе физическую и умственную части своего труда, может существовать лишь при условии разбросанности производства и орудий по всей территории. Подобный пример мы видим в средние века, где не только отдельные провинции, города и поселения, но даже каждый феодальный замок и крестьянское жилище представляли центр производства продуктов питания и других предметов первой необходимости для их жителей, продающий лишь излишек и покупающий разве только предметы роскоши. Не нуждаясь в ввозе продуктов потребления, средневековые города были экономически самостоятельны и могли

поэтому существовать изолированно друг от друга на положении маленьких государств, обыкновенно враждовавших между собой.

Агрономы-экономисты средних веков советовали землевладельцам все производить на своих землях, ничего не приобретая на стороне. Действительно, мы видим, что феодальные бароны имели в своих замках всевозможные мастерские, в том числе и оружейные.

Эта теория распыления производства надолго переживает породившие ее условия.

В XVI столетии, когда из Италии было заимствовано шелководство, французское государство вместо того, чтобы сосредоточить его в тех местностях, где оно могло успешно привиться, старается распространить его на все провинции, не исключая и тех, где тутовое дерево выращивается с трудом.

Во время революции 1789 года во Франции стараются привить культуру хлопка для того, чтобы не ввозить его из-за границы. А сахаристые свойства свеклы были открыты лишь благодаря стараниям освободиться от необходимости платить колониям за ввоз тростникового сахара.

Когда междоусобные войны феодалов прекратились в результате гибели побежденных, земли которых были присоединены к владениям победителей, и когда сообщение по дорогам стало сравнительно безопасным, между отдельными городами и провинциями мало-помалу завязались торговые сношения. Расширение рынка повлекло за собой образование ремесленных центров. Так в городе Генте, занимавшемся выделкой сукон преимущественно из английской шерсти, в XIV веке насчитывалось уже более полумиллиона жителей. Расширение торговли подорвало социальную организацию феодальных городов.

В это время цехи ремесленных мастеров в промышленно развитых городах обращаются в аристократические корпорации, доступ в которые для неродственников мастера является привилегией, даваемой за деньги, происхождение или в виде особой милости короля и лишь после долгого стажа, стоившего подмастерью очень дорого; ему приходилось платить за обучение ремеслу, за то, чтобы перейти в мастера, и, наконец, за право работать. Цехи исключали из числа своих членов большое количество ремесленников, работавших не самостоятельно, а в мастерских цеховых мастеров. Сначала у них была надежда

самим сделаться мастерами и открыть мастерскую, но по мере того, как развивалась промышленность и торговля, надежда эта становилась для них все более неосуществимой. Исключенные из цехов, в борьбе с мастерами, под началом которых они работали, подмастерья объединяются и организуют обширные национальные и даже интернациональные корпорации подмастерьев, тогда как цехи мастеров остаются местными учреждениями.

Цеховые мастера, разбогатевшие благодаря развитию производства, заключают союз с городскими патрициями против объединившихся подмастерьев, которых часто подстрекает в этой вражде феодальная знать, завидующая богатству цехов и муниципальной аристократии. Все средневековые города были театром кровавой борьбы этих классов.

Однако непрерывное расширение рынка и связанное с ним развитие торговли кладут конец этой борьбе классов последней эпохи феодализма, разрушая цехи мастеров и изменяя способ производства; с одной стороны, мелкое производство, разбросанное по всей стране, централизуется; с другой стороны, отрасли промышленности, сосредоточенные в одном городе или в одной провинции, децентрализуются. Прежний ремесленник превращается в одно-стороннего рабочего мануфактуры.

III. МАНУФАКТУРА

Открытие дороги в Индию вокруг мыса Доброй Надежды и открытие Америки в конце XV века, наводнив Европу мексиканским, перуанским золотом и создав заокеанскую торговлю, обесценило земельную собственность, дав решительный толчок капиталистическому производству, которое развивалось в прибрежных городах Средиземного моря, в Голландии и в ганзейских городах. Наступила эра новой классовой борьбы и новых революций *.

* Революцией обыкновенно называют только политические события, сопровождающиеся народными волнениями. Экономические же явления принято считать менее важными, хотя их революционное действие на развитие общества и на условия человеческого существования неизмеримо глубже и действительнее.

Нравы и идеи европейских крестьян в продолжение целых веков настолько не меняются, несмотря на войны, изменения границ,

Вновь открытые страны подверглись грабежу и сделались рынком для промышленных и даже земледельческих продуктов Европы; в Америку посылали хлеб, вино, сыр и т. д. Открытие колониального рынка и ввоз американского золота сказались на промышленности. Новые люди, не принадлежавшие обыкновенно ни к какой корпорации, разбогатевшие торговлей и желавшие использовать свои капиталы, бросились в производство, от которого они ожидали крупного барыша. Однако для этого надо было нарушить корпоративные уставы, регламентировавшие способы производства, количество изготавливаемых продуктов и число рабочих на предприятии. Поэтому свои мастерские, которые сначала отличались от других лишь своими размерами, они не могли устраивать в городах; они перешли в деревни, в предместья и новые приморские городки, где не было ни городских патрициев, ни цеховой организации. Свои мануфактуры, которые должны были разорить цеховых мастеров и произвести переворот в мелкой ремесленной промышленности, они основали не в Париже и Лондоне, а вне их черты, в Сент-Антуанском предместье, в Вестминстере и Саутварке*.

Во главе этой промышленной революции стояли не цеховые мастера, закостенелые в рутине и связанные цеховыми уставами, а купцы или новые люди, субсидируемые купцами. Также и в наше время железные дороги строятся и управляются не хозяевами компаний дилжансов, а финансистами.

перемены подданства и политические революции, что один английский антрополог недавно заметил, что суеверия английских крестьян удивительно напоминают суеверия негров Южной Африки. Деревня всколыхнулась лишь с проведением железной дороги. Эти и другие экономические явления капиталистической цивилизации молча совершают, при легкомысленном невнимании буржуазных философов и политиков, самый громадный социальный переворот, который когда-либо знал род человеческий, с тех пор, как он вышел из коммунизма и создал патриархальную семью и частную собственность.

* На генеральных штатах, созданных в Париже в 1614 году по случаю совершеннолетия Людовика XIII, был поднят вопрос о свободе промышленности; он был решен отрицательно. Сент-Антуанское предместье и некоторые другие потому так сильно развились, что промышленность в них пользовалась такой свободой, какой не было в городе

Нападая на корпоративную организацию и выступая против привилегий цеховых мастеров, мануфактура не могла не нанести ущерба ремесленникам, хотя казалось, что она для них выгодна, так как давала больше работы, причем более постоянной, и более высокий заработок. Мануфактура породила разделение труда, которое увеличивает производительность, но сводит к минимуму техническое умение ремесленника. Все отдельные действия ремесла расчленились и отделились друг от друга. Например, производство булавки разделилось на 20 операций, которые все были поручены разным рабочим. Ремесленник, который знал прежде все процессы своего ремесла, исполнял их по очереди и создавал вещь, в которой отражалась его творческая индивидуальность, был низведен до степени односторонне развитого рабочего, обреченного всю жизнь исполнять машинально одно и то же действие. Его индивидуальность также уничтожена; теперь уже ему нужно несколько товарищей, чтобы исполнить то дело, которое он осуществлял прежде один. Он теряет свою независимость, так как уже не может работать иначе, как в хозяйской мастерской и при условии, что другие рабочие работают вместе с ним; он является рабочим органом коллектива, необходимым для производства. Так производство из индивидуального сделалось коллективным.

Разрушение индивидуального производства мануфактурой отражается на сельском населении и на земледелии. Отдельные мелкие ремесленники жили в деревне или в маленьких городках, обычно имели свой дом или небольшой участок земли и делили свое время между сельским хозяйством и ремеслом. Мануфактура отрывает их от сельского хозяйства, лишая их возможности работать на своем поле или у соседних крупных землевладельцев. Она сосредоточивает их в городах, которые, ломая свои укрепленные ограды, занимают соседние поля. С XVIII века начинается бегство из деревень, на которое так горько жалуются землевладельцы. Отнимая рабочие руки у земледелия, мануфактура в то же время требует большого числа сельских продуктов для прокормления нового городского населения.

В начале коллективистского периода города не существовало даже там, где жил военный вождь, облеченный королевской властью. Индусские князья путешествовали

в сопровождении отряда воинов и разных ремесленников; то место, где они останавливались, становилось на время городом: жили они податью и данью с соседних деревень.

Франкские короли VI века жили сами и размещали свой двор в громадных фермах; вокруг королевского жилища группировались помещения чиновников двора и предводителей племен. Остальные дома, меньшего размера, занимали семьи всяких ремесленников, от золотых дел мастеров и оружейников до ткачей и кожевников, от специалистов по вышиванию шелком и канителью до людей, занимающихся самой грубой выработкой шерсти и льна. Кроме этих зданий, в королевском поселке были и хозяйственные постройки: амбары, хлева, сараи и загоны*.

Отсутствие дорог и трудность сообщения препятствовали слишком большому скоплению людей в одном месте: их было бы невозможно прокормить.

Средневековые города могли рассчитывать на подвоз провианта лишь из соседних сел и поэтому число их жителей было волей-неволей ограничено**. Пока дорог было мало, да и те небезопасны, что делало трудной или даже невозможной всякую торговлю между городами, никто и не думал стеснять вывоз земледельческих продуктов. Но как только пути сообщения усовершенствовались, как только стали перевозить зерно с одного места на другое, каждый город, каждая провинция стали принимать меры, чтобы воспрепятствовать вывозу хлеба и предупредить захват его. Все европейские города издали указы, требующие, чтобы продажа хлеба производилась на рыночной площади и в определенные часы; теми же указами определялись максимальные цены и количество зерна, которое можно было купить. Владельцам хлеба под страхом конфискации запрещалось держать его более двух лет в амбарах; запрещалось также покупать зерно на корню или в амбаре***.

* *Augustin Thierry, Récits des temps mérovingiens.*

** Было время, когда самый большой торговый город мира, Лондон, который теперь может существовать лишь благодаря подвозу со всех концов света, обходился своими земледельческими продуктами. За стенами города у каждого жителя было поле, плодами которого он жил. В VIII веке главными предметами лондонской торговли были золото, серебро, рабы, лошади и металлы.

*** В средние века, как и во время революции, определялся максимум продажной цены. Во всех же цивилизованных странах про-

Вследствие роста городов и трудности доставки провианта извне каждый неурожайный год вел за собой голодание или же настоящий голод. Главной заботой городских властей стало предупреждение голода. Они устранивали запасные склады, куда в предвидении неурожая ссыпали столько хлеба, чтобы хватило на 6 месяцев или на год; следили за тем, чтобы каждый год достаточно земли было засеяно зерном, и ограничивали другие культуры. Эдикт 1577 года пытается ограничить все расширяющиеся во Франции насаждения винограда, указывая, чтобы на каждый участок вновь посаженного виноградника приходилось вдвое больше хлеба.

Чтобы удовлетворить потребности растущего городского населения, земледелие должно было развиваться. В XVI и XVII веках были распаханы новые земли, расчищены леса, осушены болота и расширены поля пшеницы. При хороших урожаях стало столько хлеба, что цена его перестала оправдывать издержки производства; пришлось искать новых рынков; тогда был разрешен вывоз хлеба в другие провинции и даже в Англию и колонии. Но это право давалось лишь временно: как только зерно достигало известной цены в определенной местности, вывоз запрещался. За четырнадцать лет, с 1669 по 1683 год, экспорт разрешался во Франции 9 раз, а воспрещался 5 раз. Эти постоянные указы были не в состоянии предупредить местные голодовки; часто они им даже способствовали, запрещая вывоз хлеба из урожайных провинций, так как города, которым грозил голод, захватывали зерно, которое провозилось по их земле, или совершенно воспрещали его провоз, если боялись конкуренции. Кольбер принужден был даже применить силу, чтобы заставить бордосский парламент пропустить 2500 мешков зерна в Париж.

Поэтому часто случалось, что город страдал от недостатка хлеба, даже когда за 20 миль от него урожай был очень хорош. Обращению других сельскохозяйственных товаров — вина, шерсти и т. д. ставились такие же пре-

мышленники и земледельцы, устанавливая пошлины, хотят заставить потребителя покупать по высшей цене: вот к чему приводит буржуазный либерализм и участие, которое капиталисты выказывают к потребителям, заставляющее их все время понижать жалованье рабочим.

пятствия. Чтобы облегчить продажу местных вин, Бордо и Марсель не пропускали к морю вина из других провинций*.

Последние королевские министры старались доказать бесполезность и опасность этих запретов и снимали их на время, но были постоянно принуждены их восстанавливать. Нужна была революция, чтобы уничтожить монополию, чтобы лишить крестьян тех вековых прав, которые связывали земельную собственность, мешая развитию современного земледелия, и чтобы отменить привилегии цехов, которые стесняли прогресс мануфактурной промышленности. Корпорации, препятствовавшие устройству мануфактур в городах, особенно боялись всяких нововведений; они воспрещали всякое усовершенствование и введение новых способов производства, чтобы не нарушить равенства между цеховыми мастерами, что неминуемо бы случилось, раз один из них обладал бы преимуществом, которого лишены другие. Арган (Argand), изобретатель лампы с двойной тягой, усиливавшей втрое свет масляных ламп, был в XVIII веке привлечен к ответственности в парижском парламенте цехом жестянщиков, которые требовали исключительного права на производство ламп. Продажа набивных тканей была разрешена лишь благодаря заступничеству Марии Антуанетты и знаменитых королевских куртизанок, мадам Помпадур и дю-Барри. Торговые палаты Руана, Лиона, Тура и Амьена энергично протестовали против этого разрешения, предсказывая падение промышленности и катастрофу для всей Франции.

Революция 1789 г. освободила сельское хозяйство, торговлю и промышленность от феодальных пут, стеснявших их прогресс, и тогда буржуазная собственность получила полную свободу для своего развития.

* Марсельская полиция наказывала кнутом возчиков, которые доставляли контрабандой вино. Те же города, которые жаловались на монополию Бордо и Марселя, делали то же самое в своих окрестностях, не допуская к себе вина из соседних кантонов. Маленький городок Вен в Дофинэ, требуя от королевского совета в 1756 году признания своих привилегий, наивно утверждает, что запрещение чужих вин ему необходимо, «потому что иначе жители не захотят пить местные вина из-за их скверного качества».

Восемнадцатый век с увлечением занялся земледелием, которое во Франции стояло на очень низкой ступени развития. «Грустный, но несомненный факт, что прогресс земледелия со времен римлян шел чрезвычайно медленно», писал один агроном накануне революции *. Приходилось изучать и комментировать латинских авторов, как самых сведущих в этом вопросе. Как и в наши дни, подражали Англии, ввозили хорошие породы рогатого скота и кормовые травы, вводили картофель, который был известен в Европе уже более ста лет **, производили лабораторные исследования ***, делали опыты в больших размерах, распространяли агрономическое образование в городах и деревнях, основывали общества, конкурсы, земледельческие премии; изобретали новые земледельческие орудия

* *Gilbert, Recherches sur les prairies artificielles; Mémoire de la Société royale d'agriculture de Paris, tome II; 1788.* (Мемуары земледельческого королевского общества в Париже, том II, 1788.)

** Буржуазные историки-фантазеры с легким сердцем приписали введение картофеля в Европе филантропу Пармантье, который был заклятым врагом крестьянских прав; картофель уже продавался в Англии по шиллингу за фунт в 1619 г. Завоеватели Перу ввели его в Испанию в начале XVI века под названием *patas*, откуда он был перенесен в Италию, где распространился под именем *taratouffi*. Множество других съедобных и декоративных растений было ввезено в то же время: гречиха, спаржевая и цветная капуста (за семенами последней долго ездили в Константинополь и на Кипр), тюльпан, которым в середине XVII века воспользовались для спекуляции международные дельцы.

В докладе Вильморена и Эзе «О происхождении картофеля» имеются любопытные подробности о его истории во Франции: после того, как его стал пропагандировать Гаспар Бозен, он быстро пошел в ход с 1592 года во Франш-Конте, в Вогезах и в Бургундии. Безансонский парламент запретил его разведение, «так как это губительная пища, употребление которой может вызвать проказу». В 1761 году агроном Дюамель усиленно советует ввести картофель. Тюрго получил от медицинского факультета свидетельство, что картофель — питательная и здоровая пища, благодаря этому его стали разводить в Лимузене и в Анжу.

В 1765 году епископ де Кастр раздает картофель священникам своей епархии и учит их, как его сажать. Пармантье же начинает свою пропаганду лишь в 1778 году

*** Увлечение опытами доходило до смешного. В одном из томов земледельческого королевского общества есть записки одного маркиза, который серьезно описывает свои бесплодные попытки вырастить растение в ртути; он, по-видимому, воображал, что ртуть так же полезна растениям, как больным людям.

п улучшали старые *; пробовали механическую сеялку, борону с железными зубьями и т. д.

Увлечение земледелием в этот чудесный век, который перевернул вверх дном промышленность, идеи и науку, было безгранично; энциклопедисты уверяли, что посадить дерево — значит сделать доброе дело.

Этот юношеский пыл показывает, насколько люди XVIII века понимали, что необходимо разрешить, под угрозой смерти, земельный вопрос, который все обострялся из-за увеличения фабричного населения. Оно периодически страдало от голода, устраивало грозные бунты, которые подготавливали народ к революции, обусловленной экономическими причинами. Такую же революцию философы и экономисты производили в просвещенных умах буржуазии.

Но все усилия преобразовать земледелие разбивались о непреодолимое препятствие, заключавшееся в раздробленности культур и земель и в сервитутных правах крестьян. Поля крестьян были разделены и переделаны до мельчайших размеров последовательными дележами наследств**. Те же земли, которыми владели дворяне и

* «Соха, применяемая на юге, это почти тот же инструмент, который описан у Вергилия (Георгики, I книга, около 37—30 до н.э.). Она довольно хорошо разрезает землю, но не переворачивает пласты. Чтобы посеять пшеницу, надо ею пройти до девяти раз, потому что она не входит глубже 12 сантиметров» (Paris, *Économie rurale de l'arrondissement de Tarascon; Société d'agriculture de la Seine, 1811*).

«Землю пахут так же, как это, по-видимому, делали в глубокой древности. Современная соха, благодаря своей простоте, является главным препятствием новому плугу. Самый невежественный пахарь ее делает, оснащает и запрягает, тратясь только на лемех» (Farnaud, *Économie rurale du département des Hautes-Alpes; Soc. d'agr., 1811*).

** «Распределение земель очень несовершенно», — говорит Нефшато. — «Одна территория или округ, если в нем 500 гектаров, состоит из пяти или шести сот частей, которыми владеют 50—60 отдельных лиц... Благодаря раздроблению и последовательным разделам поля получили самую неудобную форму: есть собственники, владеющие 20 отдельными полосами (*hâtes*) (*hâte* имеет 4—5 метров ширины и неопределенную длину). Это дробление происходит, если не исключительно, то главным образом от дележа наследства между братьями и сестрами. Эта причина, действуя уж много столетий, приносит бесконечно много зла» (*Voyage agronomique dans la sépâtorerie de Dijon; 1806*).

Раздел земли между всеми детьми, который реакционеры вменяют в преступление революции, был общим правилом у крестьян.

буржуа, хотя и занимали большие пространства, но были разделены на мелкие фермы, что, с точки зрения обработки земли, равняло их с мелкими владениями: как и в средние века, на землях помещиков господствовало то же крестьянское хозяйство, с трехпольным севооборотом, паром и правом пастбы на полях после жатвы. Мелкая собственность, которую в реакционных целях восхваляют буржуазные политики, рутинна и не способна к прогрессу ввиду отсутствия знаний и денежных средств у ее владельцев и малых размеров полей. Везде, где существует мелкая собственность, применимо замечание Леспольда Делиля: «Важно то, — говорит он в предисловии к «Истории земледельческих классов средних веков», — что наше земледелие за восемь столетий, с X по XIX век, не двинулось вперед. Современные земледельцы следуют тем же приемам, которые были описаны в монастырских грамотах, так что, пояись какой-нибудь крестьянин XIII века в любой из наших маленьких ферм, ему нечему было бы удивляться».

Главным препятствием к введению новых способов земледелия являлся старый обычай, запрещающий владельцам огораживать свои поля после снятия урожая; не желая отдавать свои труды на съеденье общинному скоту, никто не вводил нового севооборота и новых культур. Еще до революции пытались уничтожить этот обычай. В 1777 году Неккер добился королевского указа, по которому разрешалось землевладельцам и арендаторам Булонской провинции огораживать свои луга, несмотря на обычай, который позволял огораживать лишь пятую часть владений, пользование же паром и лугами разрешал всем. 23 июня 1785 года было издано распоряжение парижского парламента, которым этот обычай отменялся для некоторых подчиненных ему приходов; в Пикардии, Нормандии и некоторых других местностях был также уничтожен этот обычай.

Революция разом закончила так робко начатое дело. Уничтожение без всякой компенсации этого векового права и раздел общинных земель нанесли страшный удар мелкой собственности и ее способу обработки: оно лишило крестьян возможности пастись скот, который их кормил, одевал и доставлял удобрение. Немедленно же началась земельная революция: исчезают леса, высыхают столь многочисленные прежде болота и пруды, распаивается

целина, засеваются искусственные луга, увеличивается площадь виноградников и зерновых культур, вводятся новые культуры; продукты начинают быстрее обращаться и во множестве доставляются в промышленные города *.

Это движение оказалось настолько широким, что недороды, так часто повторявшиеся до и во время революции, сделались более редкими и менее сильными, а земледельцы стали думать уже не о том, как бы удовлетворить требования, а о том, как бы найти потребителей для своей увеличившейся продукции. С этих пор начинаются их бесконечные жалобы на понижение цен, которые они стараются поддержать таможенными тарифами. Стоимость недвижимости поднимается, а дворяне обогащаются благодаря революции, которая освободила их от устаревших привилегий, вредных для них самих как земельных собственников.

Современное земледелие требует теперь только все больших и больших рынков, чтобы полностью развернуть все свои удивительные возможности производства; эти рынки доставляются железными дорогами и капиталистической промышленностью. Крупная фабричная про-

* Сборник сельскохозяйственного общества департамента Сены за 1810 год дает нам следующие цифры, указывающие на размеры культуры в одной части Верхней Соны.

Сводная таблица о состоянии сельского хозяйства Верхней Соны округ Везуль, при восшествии на престол Людовика XVI, в сравнении с округами Везуль и Люр во время коронавания Наполеона I

	1774	1805	Продукция		Стоимость в деньгах	
			1774	1805	1774	1805
Народонаселение						
Общины . . .	455	452				
Жителей . . .	176 323	211 894				
Хозяйств . . .	37 827	44 854				
Подразд. вспашки						
Плуг запряженный:						
Лошадьми . .	3 160	3 109				
Волами . . .	5 733	6 688				
	8 893	9 797				

мышленность смело может принимать сельское население и наполнять города тысячами и сотнями тысяч пролетариев: капиталистическое земледелие в состоянии всех их прокормить и удовлетворить их потребности.

Это поразительное развитие имеет свою очень важную оборотную сторону. Рубка лесов, которые бесконтрольно были предоставлены слепой жадности буржуазных собственников, оголила горы и превратила благодатные реки в источники разрушения. Бесперывный севооборот не позволяет земле отдохнуть и восстановить свое плодородие. Уже Вобан указывал в своей «Dime royale» («Королевская десятина») на вывоз сельских продуктов в

	1774	1805	Продукция		Стоимость в деньгах	
			1774	1805	1774	1805
Количество гектаров засеянных			в центнерах		за центнер.	
Пшеница . . .	26 676	35 765	291 647	350 635	20 фр	23 фр.
Рожь	13 135	11 922	168 685	93 504	10	17
Ячмень	16 872	19 095	209 697	130 907	12	14
Овес	10 712	28 612	133 066	112 204	10	11
Прочие зерновые и овощи	11 320	17 464	152 837	283 686	8	8
Количество гектаров засеянных	77 715	122 928	955 932	969 936		
Сурепица						
Дикая репа	1 470	856	7 920	2 900	20	25
Рапс						
Полевая репа	—	95	—	390	—	26
					в прядеве	
Конопля	1 719	3 590	7 368	15 058	100	150
Лен	105	480	240	1 372	140	180
Табак	55	46	800	913	36	48
Количество гектаров, занятых лугами	3 329	5 067	16 328	21 333		
Естественные	30 128	34 064	1 584 200	1 522 400	6	6
Искусственные	—	180	—	7 560	—	8
	30 128	34 244	1 584 200	1 529 960		

город, как на причину обеднения почвы, и действительно, благодаря этому вывозу нарушается круговорот веществ, который совершался, когда производитель и потребитель, живя на лоне природы, отдавали земле все, что у нее брали. Земля, плодovitая мать всего сущего, стала пстощаться. В цивилизованных странах она дает урожай, если ее удобряют гуано, за которым надо ехать в Америку, или химическими удобрениями искусственного приготовления. Англия — первая страна, применившая в широком масштабе интенсивное земледелие, первая же почувствовала его страшные последствия. Начиная с 1830 года, английские земледельцы приезжали на юг Франции отвоcывать у провансальских земледельцев выжимки и жмыхи маслoбoен Марселя и Экса; они даже брали с полей сражений во времена республики и империи землю, удобренную трупами солдат. Они также первыми стали пользоваться в больших количествах искусственным

	1774	1805	Продукция в центнерах		Стоимость в деньгах за центнер	
			1774	1805	1774	1805
Виноградники	5 341	5 745	Гектолитры 96 630 54 000		12	15
Стрoевой лес .	18 180	4 688	Кубические метры			
Прочий лес .	54 542	100 258	658 120	645 160	1 фр. 50	5
Скот	72 722	101 946				
Лошади всяких пород .	10 859	11 891			Шестимесячный жеребенок	
					50	70
Рогатый скот	69 060	80 484			Теленок	
					8	15
Животные, дающие шерсть . . .	44 764	67 754			Ягненок	
		Килогр. свинины				
					2	3
					0,40	0,60

Данные 1774 года взяты из переписной таблицы, доставленной прежнему интендантству, и из таблицы сведений об урожае, составленной Мирудель де Сен-Ферже, уполномоченным по департаментам Везула и Люксемля; данные о 1805 году взяты из статистики департамента Верхней Соны.

удобрением и заменили слабый человеческий труд машинным. Но удобрение, семена улучшенных растений, машины, скот и все приемы современного земледелия требуют капиталов и немалых.

По расчету, английский фермер должен иметь в среднем оборотного капитала от 1000 до 1500 франков на гектар, чтобы хорошо обработать землю. Земледелие теперь сделалось капиталистической индустрией.

Но чтобы видеть настоящий расцвет капиталистического земледелия, *financial farming*, как говорят янки, надо поехать в Америку.

Финансисты устраивают земледельческое предприятие так же, как учреждают металлургический завод или механическую ткацкую; вместо того, чтобы производить машины или хлопчатобумажные ткани, фабрикуют хлеб, фрукты и мясо. В 1857 году Л. де Лавернь приводил в пример одну ферму из Уазы, где сеялось 500 гектаров свеклы, собиралось по 3000 гектолитров пшеницы; в другой же — у Па-де-Кале сеяли 1000 гектаров свеклы и выкармливали 1000 голов крупного скота. «В Англии нет более крупного предприятия», — с гордостью заявлял он *. Но как малы европейские колоссальные фермы по сравнению с *bonanza farms* Нового Света!

С 1874 г. американский земледелец М. О. Делримпль (M. O. Dalgryple), который одно время был всемирной известностью, управляет в одной финансовой компании шестью фермами, составляющими 30 000 гектаров. Он их разделил на части по 800 гектаров, в свою очередь подразделенных на участки в 267 гектаров, которые телеграфом соединены с центральной администрацией. Все 30 000 гектаров обрабатываются армией в 600 поденщиков, организованных на военный лад; в страдную пору администрация дополнительно нанимает еще 500 или 600 рабочих, которых она распределяет по участкам. Как только кончаются осенние работы, людей отпускают, за исключением бригадиров и десяти человек на участок. На некоторых фермах Дакоты и Миннесоты лошади и мулы зимуют не там, где работают; как только жнивье вспахано, их посылают стадами в 100—200 пар на юг, за одну, полторы тысячи километров, откуда они возвращаются только весной.

* *Léonce de Lavergne, l'Agriculture et la Population, 1857.*

Механики верхом едут следом за работающим плугом, сеялкой или жаткой; при малейшей неисправности они в одну минуту уж возле машины, чтобы ее исправить и снова пустить в ход. Хлеб перевозится к молотилкам, которые работают день и ночь; топятся они соломой, которую бросают в печь сквозь толстые трубы. В Калифорнии «великан обрезаватель» (the giant header), в который запряжено от четырех до восьми лошадей, скашивает одним движением своих колеблющихся лезвий от 16 до 28 квадратных футов на два дюйма от основания головки, вертящиеся крылья собирают колосья и кладут их на повозку, где они и молотятся, а зерно ссыпается в мешки. Оставшаяся на жнивье солома сжигается *.

Зерно, автоматически смолоченное, провеянное, сешанное и насыпанное в мешки, отправляется на железную дорогу, которая идет вдоль ферм Делримпля, а оттуда на Дюлюс или на Буффало. Каждый год это хозяйство увеличивает посевы на 2000 гектаров; в 1880 году оно занимало уже 18 000 гектаров.

Отнимая у крестьян общинные имущества и уничтожая права, европейская буржуазия в то же время обложила их данью, отдала во власть ростовщиков, которые обратили их лишь в номинальных владельцев, и подвергла конкуренции крупных собственников и фермеров Америки и Индии. Эти и другие причины ускорили экспроприацию мелкого земледельца и его превращение в пролетария. Находящееся в руках финансистов сельское хозяйство Америки создало особый сельскохозяйственный пролетариат.

Огромная масса рабочих сельскохозяйственных штатов Северной Америки состоит из пролетариев, не имеющих

* Плиний и Палладий упоминают о подобной машине у галлов. На обширных равнинах Галлии, говорит Палладий в «De re rustica», практикуется быстрый способ жатвы, который избавляет от человеческого труда: одним быком снимается все поле. Строится повозка на двух низких колесах, с четырехугольным дном и наклонными боковыми стенками (внизу уже, чем наверху); передняя стенка ниже боковых и наверху снабжена густым рядом мелких зубьев, слегка загнутых кверху, на расстоянии величины колоса; сзади приделаны две оглобли, в которые впрягается вол, головою к повозке, которую он и ведет перед собой. По мере того как он продвигается по полю, колосья, захваченные между передними зубьями, обрезаются и падают на повозку, а солома остается на корню. За несколько часов, прибавляет латинский писатель, жатва без труда бывает окончена

ни пяди земли, ни глинобитной хижинны; даже кровать, на которой они спят, и ложка, которой они едят, принадлежат не им; они осуществляют идеал человека-животного, лишённого всякой частной собственности; кроме того, что они непосредственно потребляют в виде пищи и одежды, они не имеют ничего. У них нет постоянного жилища в полях, потому что после жатвы они уходят в город. Управляющие «финансовыми фермами» набирают их повсюду, — в деревнях и городах, с помощью приказчиков и их помощников составляют целую организацию, которую и отправляют на место работ. Рабочим дают помещение, кормят их, стирают их белье, лечат и выдают жалованье помесечно. Из них составляются настоящие земледельческие батальоны, повинующиеся военной дисциплине; в известный час они встают, едят, работают и ложатся спать. В будние дни они не могут доставать спиртных напитков; только в воскресенье им разрешается идти в кабак в соседнее село. После осенних работ их распускают, оставляя на зиму на ферме лишь несколько человек для присмотра за скотом и орудиями. Рабочие возвращаются в город и берутся за всякую работу, какую найдут.

Преобразования в земельной собственности, в способах обработки и в составе сельского населения были вызваны изменениями, происходившими в промышленной и финансовой собственности. Чтобы доставить промышленности людей и деньги, необходимые для ее фабрик и грандиозных работ (железные дороги, горные туннели, заводы), сравнить с которыми можно только колоссальные сооружения эпохи первобытного коммунизма, деревня должна была опустеть и опустошить тайники, где были спрятаны крестьянские сбережения. Люди попали в промышленные города, а деньги в негоряемые шкафы финансистов.

В прежние времена все граждане, за исключением ничтожного меньшинства дворян, военных, священников и ремесленников, кормились тем, что сами добывали от земли. В капиталистическом же обществе все большая масса граждан отрывается от сельскохозяйственного труда и исключительно занимается промышленностью и торговлей. Существуют же все эти люди за счет труда земледельческого населения. Такое положение чревато революциями.

Масса людей, не занимающихся сельскохозяйственным трудом, так велика, что сельское хозяйство цивилизованных стран должно двигаться вперед революционными

темпами; но, несмотря на его ускоренный и постоянный прогресс, оно, как и мелкое хозяйство средних веков, становится неспособным прокормить промышленное население, потому что оно слишком быстро увеличивается, а финансисты и фабриканты, отняв у земли людей, захватывают и самую землю, приспособлявая ее для охоты и развлечений.

Задача, которую ставила в XVIII веке мануфактурная промышленность, снова ставится в XIX веке крупной машинной промышленностью.

В начале этого века земледельце ее разрешило путем увеличения запашки и коренного изменения способов обработки. В XIX же веке она решается только постоянным уменьшением ежедневного питания рабочего класса, осужденного на потребление минимального количества пищи, покрытием дефицитов местного земледелия посредством ввоза хлеба из России, Америки, Австралии и Индии, созданием международной торговли сельскими продуктами. Франция ввозит более $\frac{1}{5}$ хлеба, который она потребляет; Англия же, самая промышленная страна в мире, должна привозить из других стран больше половины необходимых ей средств существования*.

В XVIII веке земельная собственность выгадала от промышленной революции; в XIX — она от нее страдает. Международная торговля сельскими продуктами привела к борьбе целинных земель новых стран с истощенными землями стран цивилизованных, плодородие которых восстанавливается лишь обильным удобрением и усиленным трудом. Эта конкуренция ввергает европейскую земельную собственность в постоянный кризис, выходом из которого является лишь социализация земли.

V. КАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И ТОРГОВЛЯ

Средневековый город представлял собою экономическую единицу; в нем находились все ремесленные цехи, удов-

* Мясо лошади, осла и мула, против которого в народе существовало предубеждение, в последнее время стало употребляться в пищу беднейшими классами, которые изредка лишь могут питаться говядиной и бараниной. Христианская религия воспретила питаться мясом упомянутых животных, желая уничтожить язычество, ибо в языческих церемониях убивали лошадей и ели конину. Капиталистическая цивилизация стремится уничтожить устои, на которых она возвысилась, и вернуть человечество к правам и обычаям первобытного коммунизма.

летворявшие нужды жителей. Торговля между городами носила случайный характер и ограничивалась незначительным количеством предметов, обычно предметами роскоши. Капиталистическое производство, достигнув известного уровня развития, разрушило эту экономическую независимость; оно разделило ремесла, обособило их, поместило их по одному или по несколько в отдельные, удобные для их процветания местности. Ни один город, ни даже целая провинция не может уже взяться за производство всех предметов, нужных жителям; они ограничиваются производством некоторых товаров; те же товары, которые больше в нем не производятся, доставляются все расширяющейся торговлей. Шелковые мастерские, которые старались распространить по всей Франции, в конце прошлого века сосредоточились почти исключительно в Лионе и его окрестностях; с того времени, как стали мешать шелк с хлопком, они приближаются к центрам хлопчатобумажного производства. В одних местностях сосредоточивается производство льняной и шерстяной пряжи, которое прежде было распространено по всем городам и селам; в других местностях сосредоточивается производство железа, зерна, выделка кож, сапожное мастерство и т. д.

Место прежних общинных экономических единиц занимают другие. Прежние единицы были сложными в том смысле, что они составлялись из суммы всех нужных жителям города ремесел; современные же единицы простые в том смысле, что это одна промышленность с ее дополнениями: здесь хлопок, там железо, каменный уголь, сахар, кожи и т. д. Капиталистическая страна, как, например, Франция, уже делится не на автономные провинции по их географическому положению и историческим традициям, а на простые экономические единицы: хлопчатобумажные, винодельческие районы, зерновые, свеклосеющие области; угольные, металлургические и другие центры.

Все эти города связаны между собой взаимными нуждами, причем ни один из этих промышленных центров не может, как средневековые города, жить ни одного месяца, ни даже недели без подвоза из других мест. Если, например, Руан тклет хлопчатобумажные ткани на всю Францию, то он получает шелк из Лиона, железо из Монлюсона, хлеб из Боса, скот с севера, уголь из Па-де-Кале, расти-

тельное масло из Марсея, вина из Эро и т. д. Капиталистическая страна — это гигантская мастерская: каждая отрасль общественного производства сосредоточена в отдельных местностях, находящихся друг от друга на больших расстояниях, но тесно связанных взаимными нуждами. Политическая автономия средневековых городов, — следствие их экономической независимости, не может уже больше существовать. Разделение труда между отдельными центрами, связанными экономическими нуждами и торговыми отношениями, служит базой политического единства нации.

Капиталистическое производство, которое уничтожило местную и провинциальную единицу ремесленного производства, готово теперь разрушить и свое детище — национальную единицу и заменить ее более широкой международной единицей.

Англия, первая страна, заменившая ручной труд механическим, желала превратить другие страны в исключительно земледельческие, чтобы они доставляли ей продовольствие и сырье, которое бы она одна обрабатывала. Ланкашир должен был ткать весь хлопок, производимый Индией и Соединенными Штатами *. Но эта преждевременная попытка международной промышленной монополизации не удалась. Теперь Америка производит хлопчатобумажные ткани в количестве, превышающем свои потребности, а индийские бумагопрядильные и ткацкие мастерские, разоренные Англией, стали прясть и ткать механическим способом. В 1870 году ее фабрики обрабатывали 87 000 кип хлопка, а в действительности было 338 000 веретен; в 1884 году было уже 555 000 кип и 1 700 000 веретен **.

* Дизраэли⁹⁵ имел честь развить этот проект в 1880 году, в утешение землевладельцев за потери, понесенные из-за американской конкуренции. Он предлагал соединить Англию и ее колонии (Индия, Австралия, Канада и т. д.) в обширный таможенный союз, который бы не допускал промышленных и земледельческих продуктов других стран. Колонии доставляли бы продовольствие и сырье Англии, земли которой могли бы быть превращены в пастбища и охотничьи угодья.

** В 1879 году японское правительство ввезло в страну из Европы новые модели ткацких машин и распределило их в различных частях империи. С 1881—1882 года финансовые компании стали устраивать новые фабрики, так что число катушек, которое в 1884 году равнялось 35 000, к 1892 году поднялось до 380 000; в производстве было занято 20 тысяч рабочих. Ввоз пряжи с каждым годом уменьшается

Индия — это колыбель хлопчатобумажной промышленности: коленкор привозили сначала из Калькутты; кисея доставлялась в Европу только через Мосул. В более или менее близком будущем индийские хлопчатобумажные ткани, изготавливающиеся вблизи районов выращивания хлопка, снова заполнят европейские рынки и в свою очередь разорят Ланкашир и хлопчатобумажные центры континента. Уже не Манчестер и Руан станут вывозить ткани в Азию и Африку, а Индия, Япония, Китай и Соединенные Штаты. Один американский фабрикант, предвидя судьбу английских фабрикантов, милостиво советовал им перевезти свои машины в Луизиану, где можно без издержек перевозки ткать хлопок.

На наших глазах совершается всемирное перемещение промышленности; фабрики приближаются к центрам производства потребляемого ими сырья.

Но Соединенные Штаты и Индия еще прежде, чем сделаться международными промышленными центрами, уже держали Европу в зависимости. В 1861—1865 годах, когда во время войны Севера и Юга⁹⁶ прекратилось производство хлопка в рабовладельческих штатах, рабочие хлопчатобумажных фабрик во Франции и в Англии оказались выброшенными на улицу, в Египте же культура «золотого растения» — хлопка поднялась до пределов возможного; феллахи⁹⁷ обеднели, а египетские финансы попали в руки Ротшильдов и акул международного финансового мира.

Производство хлеба также стремится сосредоточиться в некоторых местностях земного шара. Теперь Америка и

в Японии; в 1888 году ввоз равнялся 13 611 000 серебряных пец; в 1890—9 928 000, в 1891 — 5 589 000 пец. Вскоре японцы смогут полностью удовлетворять свои потребности и станут искать рынки сбыта в Китае и Корее.

Китайско-японская война, которая разразилась после того, как были написаны эти строки, отразится на Европе. Она заставит Китай выйти из неподвижности и открыть двери для капиталистической цивилизации, которая перевернет его общественную организацию, основанную на коллективной собственности и патриархальной семье. Уж не тысячи несчастных будут стекаться в портовые города, чтобы искать работы вдали от родины, а миллионы.

Тогда начнется та эмиграция китайцев в западные страны, о которой на заседании 5 мая 1880 года в «Société des économistes» с вожделением говорилось, что она «понизит жалование и претензии европейских рабочих». Но она приведет к результату, которого экономисты не предусмотрели: она ускорит социальную революцию.

Индия производят часть нужного Англии хлеба, тогда как в XVIII веке в ней его производилось более, чем достаточно. Цивилизованные нации в настоящее время зависят одна от другой и от получившихся стран в отношении сырья, продовольствия и рынков сбыта. Эта возрастающая экономическая зависимость друг от друга в будущем послужит основой для политического единства человечества.

Торговля предшествует и следует за производством в его развитии. Если в средние века торговля между городами производилась только в дни ярмарок, когда продавали и закупали на целый год, то со времен крестовых походов, которые установили связь между Востоком и Западом, торговля уже получила международный характер. Однако трудности и опасности путешествия делали возможной только торговлю небольшим числом предметов роскоши. Открытие Америки значительно увеличило число предметов торговли, о чем позаботились купцы.

Как раньше было уже сказано, именно купцы устраивали мануфактуры и положили начало перевороту в цеховой промышленности.

Национальная торговля расширялась по мере того, как города, ограничиваясь производством некоторого количества предметов потребления, стали нуждаться все более и более в других предметах. Как только капиталистическому производству понадобились другие страны, чтобы получать сырье, сбывать свои продукты и прокармливать рабочий класс, тотчас же международная торговля развилась с необычайной быстротой. Купец, влияние которого в цеховом производстве было незначительно, приобретает благодаря торговле в капиталистическом производстве такую власть, которая дает ему возможность господства над промышленностью.

* * *

Капиталистическое производство могло пойти вперед, от дезорганизованности местных и областных единиц к образованию национальных политических единиц, лишь создавая такие промышленные организмы, которые могли быть созданы только посредством местной централизации производства и посредством расчленения процесса

производства. Так, мануфактурное производство, скапливая в мастерских ремесленников и орудия производства, вводило в этих мастерских разделение труда, которое разлагало орудие и рабочего и осуждало их на исполнение лишь одной специальной операции. Инструменты ремесленника просты и малочисленны, инструменты же мануфактурной промышленности многочисленны и сложны. По мере того, как ремесленник становится односторонним рабочим, способным выполнять лишь одну операцию, и орудие его труда также становится односторонним: например, в некоторых мануфактурах существует много молотов разного веса и величины, причем каждый приспособлен к выполнению только одной определенной операции.

Механическая промышленность уничтожает дело мануфактуры: она вырывает инструменты из рук одностороннего рабочего и присоединяет их к стальному и чугунному остову, который является, так сказать, скелетом машины, органами которой являются инструменты. Машина — это механический синтез.

Но капиталистическое производство образует и другой синтез.

В домашнем производстве есть известное экономическое единство: семья обрабатывает сырой материал (лен, коноплю, шерсть и т. д.), который она сама производит. Но это единство быстро исчезает, так как уже в общинных селах некоторые виды труда становятся исключительным занятием лиц, которые передают профессию тележника, кузнеца или ткача из поколения в поколение, и уже не отдельная семья представляет собой экономическую единицу, а все село. С развитием торговли и производства эти индивидуализированные виды труда превращаются в специальности, которыми занимаются ремесленники, объединенные в корпорации.

Капиталистическое производство и начинается на основе этой индивидуализации ремесел: оно создает ткацкие, прядильные, чесальные, каретные, столярные и др. мастерские, а в них уже переворот совершают разделение труда и машины. Но и эти мастерские в конце концов становятся громадными фабриками, где производится только какой-нибудь один процесс производства: в прядильных — прядут, в ткацких — ткут, в чесальных — чешут и т. д. Эти специализированные фабрики скапливаются в

одном месте и делаются дополнениями одной из них. Чесальни, красильни, мастерские по набивке тканей объединяются вокруг механической ткацкой или прядильни. Так, под надзором той же капиталистической администрации сырой материал проходит все превращения. Объединяются не только дополняющие друг друга процессы, как чесанье, тканье, пряденье и набивка, но и совсем разные производства. Промышленная централизация, конечно, не обязательно происходит в одном месте. Иногда фабрики, объединенные одним капиталом, находятся в разных районах или странах, далеко друг от друга.

Национальные банки, такие как Французский банк и Английский банк, являются как раз образцами этих сложных промышленных организмов, органы которых распространены по всей территории. Каждый национальный банк имеет бумажную фабрику для производства бумаги, из которой делаются его билеты, граверные и печатные мастерские для отпечатки их, фотографические увеличительные аппараты, чтобы обнаруживать фальсификации, и т. д.; он учреждает сотни филиалов в разных коммерческих и промышленных центрах, завязывает сношения с городскими и деревенскими банкирами и иностранными национальными банками. Центральный банк становится сердцем финансовой системы страны; а эта система так хитро организована, что ее пульс, т. е. повышение или понижение учета (*escompte*) отзывается даже в глуши деревень и влияет на денежное обращение других стран.

Газета лондонского Сити «Таймс» является таким же поразительным промышленным организмом, только в другом роде: у нее легион корреспондентов, рассеянных по всему свету; со всеми главными столицами континента она соединена телеграфом; она сама изготовляет бумагу, отликает шрифт, содержит механиков для ремонта машин в цехах; она набирает, отликает, печатает свои 16 громадных страниц и рассылает их подписчикам; ей недостает только полей альфы в Африке, чтобы собирать материал, нужный для производства бумаги: но и это со временем придет.

Наступит и тот день, когда хлопчатобумажные фабриканты из Соединенных Штатов и Индии присоединят к своим фабрикам хлопковые плантации и швейные мастерские: ведь открыли же в Лондоне шотландские

промышленники магазины готового платья, где они продают в виде костюмов шерстяные ткани, которые у них прошли все стадии производства.

Капиталистическое производство стремится понемногу к восстановлению экономического единства по образцу домашнего производства; прежде одна и та же крестьянская семья и производила сырой материал и перерабатывала его; теперь одна и та же капиталистическая администрация возьмет на себя и производство сырья, и его полную промышленную обработку, и его продажу населению.

Розничная торговля идет по тому же пути. Прежняя лавка, где продавался лишь однородный товар, уступает место универсальному магазину, где имеются самые разнообразные предметы. В Лондоне есть магазины, где продается все необходимое в смысле одежды, питания, лечения и обстановки. Это настоящие коммерческие синтезы. Но эти Лувры и Бонмарше * (Louvres et Bon-Marché) воспроизводят только в гигантских размерах деревенские бакалейные лавки, где, наряду с сахаром, кофе и свечами покупатель находит галантерею, ножи, башмаки и другие полезные предметы; иногда при этих же маленьких Луврах есть и постоянный двор, с продажей напитков, табака и газеты «Petit Journal». Несмотря на их маленький размер, они даже полнее парижских универсальных магазинов, так как они вполне удовлетворяют духовные и материальные нужды своих клиентов.

Капиталистическое производство разделением труда уничтожило в мануфактуре рабочую единицу — ремесленника; потом оно воспроизвело ее на фабрике, где не человек, а железный рабочий — машина представляет собою новую рабочую единицу. Теперь же капиталистическое производство стремится создавать громадные производственные организмы, составленные из самых разнообразных и самых противоположных отраслей промышленности. Эти отдельные отрасли, являющиеся как бы физиологическими функциями упомянутых чудовищных производственных организмов, могут находиться друг от друга на огромных расстояниях, могут быть разделены политическими границами и географическими препятствиями.

* Универсальные магазины в Париже. (Прим. перев.)

Эти международные чудовища пожирают тепло, свет, электричество и другие силы природы, так же как и мускульные и умственные силы человека.

Человечество XIX века втиснуто в эту экономическую форму.

VI. КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЕ ФИНАНСЫ

В то время как промышленная собственность развивалась сначала в мануфактуру, потом в фабрику, менялась также и движимая форма собственности в виде золота и серебра. Оба эти металла вначале, даже когда они уже чеканились, носили вполне частный характер; владельцы копили их в тайниках и употребляли только как украшения. В Индии и в других восточных странах это до сих пор одно из основных их употреблений. Они играли сначала очень маленькую роль при обмене продуктов, которые обменивались непосредственно. Поэтому феодальные короли, фабрикуя поддельную монету или меняя пробу и вес монет, не могли сильно вредить торговым сделкам своих подданных. Но как только начинается торговый период, золото и серебро становятся выразителями ценности, эталоном для всех товаров: тогда они приобретают право приносить маленький законный доход, или процент.

До тех пор отдача денег под проценты считалась такой бесчестной вещью, которую можно было себе позволить только по отношению к инородцам, чужим, которых еврейский бог отождествляет с врагами. Ростовщиков осуждали и папы и соборы *. Людей, которые занимались ростовщичеством, презирали и ненавидели. Их окружали со всех сторон опасности; они рисковали не только деньгами, но часто и жизнью. Собиратели золота и серебра — средневековые евреи, зная, какой опасности они подвергают свои драгоценные сокровища, не

* Религиозный раскол является характерным для экономического движения XVI века: в то время как римский папа, этот религиозный представитель старой, рушившейся экономической системы, призывал на денежные проценты громы и молнии, антипапа женеvский — Кальвин, религиозный представитель нарождающейся экономической системы, провозглашал, наоборот, их законность во имя всех богословских добродетелей. Протестантизм с его отрицанием святых и их праздников, с осуждением права на помощь и милостыни, с его теорией благодати и т. д. является настоящим религиозным выражением капиталистического способа производства.

полагались на слово короля и выдавали деньги лишь под заклад казенных бриллиантов, драгоценных камней, дипломатических документов и тому подобных верных гарантий. Буржуазия реабилитировала отдачу под проценты и сделала из этого ремесла самое прибыльное и почетное занятие цивилизованного человека; ведь идеал буржуа — это жить на ренту.

Во все средние века евреи, презираемые народом и терзаемые дворянством, металсь из огня в полымя: какой-нибудь нуждавшийся в деньгах князь, разорив и измучив евреев, прогонял их под религиозным предлогом; другой же князь только затем и принимал беглецов с сокровищами, чтобы их ограбить в свою очередь.

Но эти герои золота, презирая ненависть и оскорбления, лишь затем склоняли голову под градом нападков, чтобы подняться более могущественными и продолжать свое дело. Крестовые походы заставили феодалов сеньоров отовсюду собирать деньги, чтобы снарядить войска. Это движение облегчило освобождение городов и концентрацию дворянских сил, но и сделало необходимыми евреев и купцов. Оно породило азиатскую торговлю, которая создала процветание прибрежных городов Средиземного моря и положила солидное основание для всяких финансовых операций, вынудив ввести налоги и пошлины. Расширили же и укрепили власть финансистов открытие Америки, вывоз оттуда золота, ценных пород дерева, пряностей и т. д., и заокеанская торговля, благодаря которой господство на море от средиземноморских городов перешло к португальским, голландским, английским и французским.

Тот факт, что в 1522 году канцлер Дюпра (Duprat) положил основание государственному долгу, вечные проценты которого оплачивались ежегодно с помощью пошлины на продаваемый в Париже скот, указывает, какую важность приобрели откупщики казенных доходов.

Презренные евреи, которых в X веке били по щекам у церковных дверей в большие праздники, стали важными персонами, с которыми приходилось считаться. Впрочем с тех пор, как это ремесло перестало быть таким опасным, многие из христиан тоже занялись им.

Сюлли⁹⁸ и Кольбер⁹⁹ могли считать, что «огромные богатства, нажитые заведением (казенными) доходами и частным ростовщичеством, пагубны для всех и особенно

для дворянства, склонного променять честь на деньги» (Sully, *Oeconomies royales*). Они могли прибегать к судам, чтобы заставить откупщиков и ростовщиков вернуть награбленное. Однако им приходилось обращаться с осторожностью «с этим прежде неизвестным родом людей, которые взимали огромные проценты, занимаясь непрерывной куплей и продажей ассигнаций, билетов, денежных распоряжений (*rescriptions*) казначеев, сборщиков податей и государственных откупщиков...» (Указ об учреждении судебной палаты от 1716 г.). Когда в 1599 году Сюлли позволил себе расторгнуть арендные договоры, в которых были заинтересованы итальянские банкиры Замет (*Zamet*), Руцелай (*Russellai*) и Сципион Сардини (*Scipion Sardini*), которого народ прозвал «выжимателем денег», то их союзник, тосканский герцог, послал своего брата Жана Медичи крейсировать с несколькими галерами у берегов Прованса. Людовик XIV мог гордо заявлять в своих мемуарах: «Все, что находится на территории нашего государства, что бы оно ни было, одинаково принадлежит нам... Деньги, которые лежат у нас в шкатулке, те, которые находятся в руках наших казначеев, и те, которые мы оставляем для обращения нашим народам, должны быть одинаково сохранены для нас». Однако и он должен был соглашаться на условия откупщиков, когда нужны были деньги. Заем 1673 года остался не покрытым, несмотря на настойчивые обращения Кольбера к иностранным банкирам, потому что он был выпущен из расчета $\frac{1}{18}$ (5,5%), а они требовали $\frac{1}{14}$ (7,14%). Финансы становились могущественной социальной силой.

Привлекая к своим дворам крупных феодалов, вокруг которых прежде собирался свой двор вассалов, короли сломали силу сопротивления дворянства и отдали его в жертву откупщикам, которые ускорили его разорение. Фуке подкупил почти всех придворных сеньоров и собирался начать новую фронду, когда его остановили решительные действия Кольбера. С конца XVI века сеньоры стали обращаться к финансистам, желая «позолотить свои гербы». Мадам де Севинье, которая так гордилась своим происхождением, предлагала своему кузену жениться на одной барышне, «хоть немного еврейской крови, но зато с миллионами благородного происхождения» (письмо от 3 октября 1675 г.). Ло¹⁰⁰ и его «миссисипийцы», сведя с ума на ажпотаже дворянство, оконча-

тельно дискредитировали и разложили его. Все ранги смешались и под сенью финансов расцвело равенство. В горничных у одного разбогатевшего буржуа служили четыре знатных барышни, а конюхами четыре лакея благородного происхождения. Это было равенство в рабстве, единственное знакомое капиталистической буржуазии.

Расстройство, которое финансисты и их спекуляции внесли в общество XVIII века, дало возможность энциклопедистам¹⁰¹ (из которых некоторые — Гольбах, Гельвеций — были банкирами) нападать на дворянские привилегии, которые уже потеряли смысл своего существования. Вслед за экономической революцией явилась философская критика, за которой следовала политическая революция, и тут-то уже откупщики освободились от страха перед судом*.

Революция, освободив сельское хозяйство, промышленность и торговлю от феодальных и цеховых пут, мешавших их развитию, освободила также и финансы от того состояния неопределенности, в котором они пребывали при прежних королях, и открыла для них новое поле деятельности.

В 1522 году, выпуская бессрочную государственную 8-процентную ренту, канцлер Дюпра положил начало государственному долгу, который уже существовал в маленьких промышленных и торговых республи-

* Судьи в последней судебной палате в 1716 году были настолько подкупны, что Самуил Бернард отделался только шестью миллионами, а братья Кроза и другие и того меньшим. Однако наказание, которое понес Поль Пуассон, вселило ужас в сердца. Этот Пуассон, как пишет Vauvalais, был сыном крестьянина из Нижней Бретани. Сперва он служил лакеем, потом стал поставщиком в армию и так разбогател, что поместил 34 миллиона в иностранные банки. Его имущество конфисковали, его особняк на Вандомской площади отобрали, а самого его посадили в тюрьму. Когда вторая империя, обеспокоившись народным гневом против грабежей финансистов, пожелала показать строгость, то судебная власть в лице Oscar de Vallée не осмелилась даже составить обвинительный акт; он просто копировал его с постановлений судебных палат старой Франции и все окончилось тем, что в здании биржи поставили турникет. Самое колоссальное мошенничество нашего века — Панама, и то стоило Шарлю Лессепсу всего нескольких месяцев тюрьмы, о которых столько пролила слез подкупленная им буржуазная пресса. Эйфель же, побрякивая орденами Почетного легиона, принимал в своей башне французских и русских гостей и адмирала Авелана, которые все были рады подружиться с человеком, который разом получил 30 миллионов.

ках — Венеции и Генуе. Но французские короли, пропитанные феодальными взглядами на отдачу денег под проценты, в трудные минуты уменьшали на четверть или наполовину требуемые проценты, на которые они раньше соглашались, а иногда и просто переставали платить.

Другие европейские монархи с такой же бесцеремонностью обращались с кредиторами государства. Эта аристократическая манера платить проценты мешала полному развитию современных финансов, которые основывают всю свою систему спекуляций на солидарности государственного кредита.

Одним из первых и самых революционных актов буржуазии в 1789 году было объявить священным государственный долг и поставить его выше всех политических революций и будущих переворотов.

Государственный долг в самом себе несет зародыш автоматического возрастания налогов... «Займы позволяют правительству покрывать чрезвычайные расходы таким образом, что налогоплательщик не чувствует сразу всей тяжести последних, но те же займы требуют, в конце концов, повышения налогов. С другой стороны, повышение налогов, вызванное последовательно заключаемыми займами, вынуждает правительство при каждом новом чрезвычайном расходе прибегать всё к новым и новым займам»*. «Государственный долг, — говорит также Маркс, — делается одним из самых сильных рычагов первоначального накопления. Словно прикосновением волшебного жезла он одаряет непроеводительные деньги производительной силой и превращает их таким образом в капитал, устраняя всякую надобность подвергать их опасностям и затруднениям, неразрывно связанным с помещением денег в промышленность и даже с частноростовщическими операциями. Государственные кредиторы в действительности не дают ничего, так как ссуженные ими суммы превращаются в государственные долговые свидетельства, легко обращающиеся, функционирующие в их руках совершенно так же, как и наличные деньги»**.

Ставя государственный долг на недостижимую высоту, революция дала финансистам для помещения капитала такую гарантию, о которой никто прежде и не мечтал. Их

* К. Маркс, Капитал, т. I, 1955, стр. 759.

** Там же, стр. 758.

обогащению помогла и продажа национальных земель. Пока народ, охваченный революционным энтузиазмом, шел защищать границы, буржуазные революционеры вроде Барраса, Фуше, Уврара, Одье, Перрего¹⁰² спокойно собирали миллионы. Впрочем и роялисты не теряли возможности поживиться. Министр реставрации, барон Луи, участвовал не хуже самого активного члена Конвента в колоссальной распродаже земель в 1789 году. Войны же республики и империи, вызванные ими поставки и займы удесятерили богатства этой шайки.

Династия Ротшильдов как раз и возникла в обстановке займов и несчастий 1815 года.

Революция и империя, дав финансистам новое широкое поле деятельности, отняли у них прежние источники доходов. Откуп налогов, табака, монополия на торговлю с Индией и с приморскими городами Востока и т. д. были уничтожены. Пришлось взяться за национальную промышленность и устроиться так, чтобы взимать дань с обращения товаров, завладев путями сообщения. В 1821—1822 гг. были основаны компании с капиталом в 128 миллионов для рытья каналов — Ронского, Бургундского, Четырех каналов и др. Государство, эта дойная корова финансистов, гарантировало 5,5—6% на затраченный капитал, а когда оказалось, что каналы — это убыточное предприятие, то в 1853 году государство их выкупило по баснословной цене. Железные дороги и большие заокеанские навигационные линии, которыми завладели финансисты, должны были им давать, как и средневековым баронам, возможность облагать сбором провозимые по дорогам товары. А раз они завладели путями сообщения, то в целях увеличения количествадвигающихся по этим путям товаров они обязательно должны были стимулировать развитие машинного производства и международной торговли.

Но, чтобы строить на огромных расстояниях железные дороги, ускорить возникновение крупной машинной индустрии и заставить ее развиваться ускоренными темпами, капиталов, накопленных индивидуально, не хватало, особенно во Франции. Пришлось прибегнуть к объединению накопленных капиталов. Для финансистов открылась новая эра. Последователи Сен-Симона и Анфантена — великие представители современных финансов, основали «Банк Движимого Кредита» (Crédit Mobilier), это «пылающее

горнило», и противопоставили его Ротшильдам, которые со своим Французским банком — «холодным погребом» — олицетворяли старые финансы, работавшие лишь на своих собственных капиталах.

«Движимый Кредит», развитию которого способствовала новая система государственных займов маленькими суммами, которую министр бонапартист Бино (Bineau) называл «демократизацией рента», явился одним из таких обществ, которые после февральского государственного переворота совершили финансовый переворот и показали с небывалой наглядностью, что «финансы — это чужие деньги». Создали «Движимый Кредит», «Земельный Кредит» и подобные им общества, народившиеся в первые годы второй империи, всякие Перейры, Фульды, герцоги Морни, де Гальера, де Муши и др. финансисты школы Сен-Симона, у которой они узнали силу объединения капиталов, и вообще всякие политические проходимцы, видевшие во власти лишь способ обогатиться.

Тогда мир узрел невиданное зрелище: в свое время король-солнце, Людовик XIV, был принужден угодничать перед евреем Самуилом Бернардом, чтобы иметь возможность сделать заем, а тут люди неизвестные, без роду, без племени, без состояния, без гарантий и без ответственности брали в долг от имени государства, выпуская государственные займы, на которые жадно подписывалась буржуазия. В несколько лет они извлекли на свет божий все золото и серебро, которое копили и берегли в шкапулах много поколений крестьян. Воскрешение Лазаря ничто перед этим чудом. Один «Движимый Кредит» в пятнадцать лет, с 1852 по 1867 г., накопил и пустил в оборот около 4 миллиардов; за 10 лет его директора удержали из проходящих через их руки суммы 8 248 445 франков только за расходы по управлению, не считая процентов и дивидендов на вышедшие в тираж (libérées) акции, которые они себе оставляли в виде премии изобретателя, и не считая доходов от перепродажи акций на бирже*. Гений современного финансового мира Эмиль Перейр, опьяненный сказочным успехом «Движимого Кредита»,

* «Всякий директор, как посвященный во все тайны дела человек», — говорит банкир Экар, — «играя месяц за месяцем, за 1853 г. мог выиграть на 1000 акций «Движимого Кредита» 1 622 000 франков». (Histoire du Crédit Mobilier de 1852 à 1867.)

задумал учредить «*Omnium*», о котором мечтают все финансисты (отчет 1859 года). Этим *Omnium*'ом должна была быть мобилизация всей собственности — земельной, промышленной и торговой, выпуск под нее акций и затем превращение акций всех созданных таким образом обществ в акции «Движимого Кредита». Но, не успев осуществить этот гигантский проект, «Движимый Кредит» сломал себе шею. Но впрочем первая часть мечтаний Перейра сейчас осуществляется, так как торговые и промышленные предприятия все больше превращаются в акционерные общества, а в Америке, в Австралии и в Индии основываются земледельческие предприятия на акциях.

Финансы стремятся все поглотить, всем завладеть; и ничто не будет в состоянии остановить их движение, пока существует капиталистическое производство, пока не будет сожжена книга государственного долга — эта библия буржуазии.

Финансы, возникшие из государственного долга, являются одним из необходимых условий существования капиталистического производства. Во всяком обществе с высокоразвитой капиталистической цивилизацией промышленные и сельскохозяйственные предприятия принимают такие размеры, что для их создания необходимо предварительное накопление значительного капитала, что совершается лишь путем постоянного ограбления всей массы народа *.

* Не надо было ждать и Панама, разорившей столько маленьких людей, чтоб видеть экспроприаторскую роль финансов. Уже в 1874 году экономист L. Reubaud писал: «В сберегательных кассах остается только небольшая часть народных сбережений, остальное идет на спекуляции... В Лионе, Сент-Этьене, в долине Жюер жертвами оказались самые развитые, больше всех зарабатывавшие рабочие. При финансовых крахах разоряется гораздо больше рабочих, чем принято думать... Многие печально показывали мне обесцененные или совсем погибшие бумаги, на которые были истрачены их маленькие состояния. Понятно, что и выбирали-то они самые шаткие предприятия... Вот к чему привели эти злоупотребления кредитом, имевшие столько защитников и проповедников. Авантюры уничтожают народные сбережения и подрывают основанные на их стабильности общественные гарантии. И кто знает? Может быть из-за этого у жертв этой недостойной спекуляции зарождается желание мщения!» (*Le Fer et la Houille, étude sur le régime des manufactures*).

Сбережения, которые расхваливают экономисты и политики и которые поощряются правительством, приводят только к тому, что производитель лишает себя даже необходимого, а финансисты получают возможность урвать лишнее.

Во многих случаях капиталов, скопленных частными лицами, не хватает и приходится прибегать к их объединению с помощью акционерных обществ. С другой стороны, значение оборотного капитала, необходимого во всяком предприятии для покупки сырья и рабочей силы, быстрота и огромные размеры производства, медленный сбыт продукции, обширность и отдаленность рынков, трудность возврата затраченных денег заставляют промышленников для поддержек и развития дела прибегать постоянно к кредиту, т. е. к авансам общественного капитала. Поэтому общественное богатство, т. е. излишек производства над потреблением, должно собираться и централизоваться, чтобы всегда быть к услугам нужд производства и обмена. Эту общественную функцию всасывающего и нагнетающего насоса выполняют современные финансы.

Насколько непредусмотрительна, непоследовательна и анархична капиталистическая система, особенно ясно видно из того, что эти две жизненно важные функции — централизация и распределение народных сбережений — поручены неизвестным, бесконтрольным и безответственным лицам, из того, что экономические и политические интересы всего общества предоставлены всецело разным низким личностям, «способным на все, не пригодным ни к чему», по выражению Беррье (Berrier). «Незаконными путями они завладевают доходами деревни, сбережениями народа и имуществом государства», тратят часть этих средств на неслыханные излишества, «оскорбительные для нищеты народной» *, и употребляют остальное без разбору на учреждение и поддержку местных и иностранных промышленных предприятий, подчас самых бессмысленных.

Учетом торговых векселей и авансированием промышленности путем коносаментов, warrants (warrants) и т. д. они взимают дань с торговых сделок и с промышленного производства и превращают другие категории правящих классов в какие-то высасывающие инструменты, эксплуатирующие рабочий класс в их пользу.

Колоссальные богатства, монополизированные финансистами, дают им неограниченную власть над прессой и правительством. Во времена Луи-Филиппа и империи они имели свои определенные хорошо известные органы. Для политической газеты тогда считалось бесчестным

* Указ об учреждении судебной палаты от 1716 г.

помещать финансовые рекламы. Но прогресс капиталистической морали победил этот предрассудок, и теперь вместо того, чтобы рисковать своим капиталом, основывая и поддерживая свою газету, они подкупают все газеты без различия их политических и религиозных направлений, чем и влияют на массы; газетам они платят по статьям, т. е. заменили поденную плату — сдельной *.

Парламент переполнен финансистами и их ставленниками; но среди них есть и такие, как, например, Ротшильд, которые считают ниже своего достоинства принять должность депутата; они предпочитают делать своих приказчиков министрами. В палате депутатов и сенате финансисты, депутаты и сенаторы моментально снюхиваются, когда речь идет о том, чтобы доставлять друг другу концессии или другие доходы и вообще обкрадывать государственную кассу.

Кроме этого прямого воздействия на государство, финансисты оказывают также на политику и косвенное влияние, не менее пагубное: они держат в своих руках курс на бирже, ставшей теперь политическим барометром; продажной прессой они влияют на общественное мнение и такими грубыми и преступными методами осуществляют централизацию общественных сбережений, что производят переворот в условиях существования всех классов и вызывают революции. Февральская революция¹⁰³, прошедшая под лозунгом «Да здравствует реформа!», была делом мелкой буржуазии, возмущившейся против депутатов, являвшихся вассалами крупных банкиров.

Финансовый мир приветствовал империю, как еврейскую землю Ханаанскую. Биржевые спекулянты, возглавляемые Эмилем Жирарденом, протекже которого Эмиль Олливьё (Émile Ollivier) занимал министерское кресло, ви-

* Когда при империи стало известно, что *le Phare de la Loire*, одна из немногих республиканских газет, поместила на второй странице финансовую рекламу, то это вызвало крупный скандал. Ротшильд первый ввел в моду подкуп журналистов акциями своих предприятий, это был деликатный способ их заинтересовать. Теперь поступают не так деликатно: посылается составленная статья для набора, а с нею в уплату — банковые билеты.

Панама, которая с точки зрения этической и артистической является шедевром, дает нам полную коллекцию всех мошенничеств, шапотажа, торгашества и лжи финансового мира; на жаловании компании была вся французская пресса, которая называла великим французом Лессенса, организатора этого самого крупного мошенничества нашего века.

дели в объявлении войны Пруссии только возможность выгоднейшей игры на бирже. Постыдный мир, хотя и освободил Пуье-Кертье (Pouyer-Quertier) и промышленников от конкуренции Мюлуза, а акционеров Анзена, среди которых Тьер был одним из самых богатых, — от эльзасского угля, но он дал зато европейским финансистам возможность наброситься на Францию и ее несчастья обратить для себя в неиссякаемый источник скандальных доходов. Никогда ни один государственный человек не носил с большим правом звание «отца отечества», чем Тьер — эта противная жакба в очках; ибо никогда государственные люди так не пили кровь пролетариата и не руководили таким грандиозным разорением национального достояния; никогда еще политики не доказывали так ясно, что под родиной господствующие классы понимают лишь свой классовый интерес. Но те же финансисты, подготавливающие революции и извлекающие из них немедленно доход, становятся самыми подлыми трусами во время борьбы и самыми свирепыми укротителями в дни репрессий. В мае 1871, как и в июне 1848 года, они настоятельно требовали кровавой расправы с парижским пролетариатом, заботясь о восстановлении кредита.

Могущество финансов не зависит от рода политической власти; они властвуют бесконтрольно и в деспотической империи Германии и в демократической республике — Соединенных Штатах. Легитимистское, орлеанистское, бонапартистское, республиканское правления сменялись одно другим, а владычество финансов не только не рушилось, но, наоборот, росло с каждым днем. Никакая политическая революция не может свергнуть это проклятое господство, так как оно основано на капиталистической эксплуатации рабочего класса — работников умственного и физического труда и на государственном долге. Финансисты, представляющие собой самую незначительную часть буржуазии и числом, и умом, и мужеством, исчезнут только тогда, когда пролетариат, овладев государственной властью, экспроприрует капиталистов-фабрикантов, конфискует государственный банк и другие кредитные учреждения и ликвидирует государственный долг.

Финансовый мир с его международными пиратами, грабителями все страны, с паразитами, живущими среди обеспеченных классов; с развратителями, отравляющими

ризицы, гостинные, суды, редакции, правящие сферы; с бесстыдными ворами, которые безнаказанно и со спокойной совестью наслаждаются своим гигантским грабительством; с только что вышедшими из грязи барамми, превосходящими безумной роскошью феодальных королей и герцогов; авантюристами, расточающими в нелепых, плохо задуманных и плохо управляемых предприятиях общественное достояние... финансовый мпр с его похоронными красотами, это — чудовищный цветок капиталистической цивилизации.

VII. КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЙ КОЛЛЕКТИВИЗМ

Капиталистическое фабричное производство, сельское хозяйство, торговля и финансы могли образоваться и развиться только уничтожив основную характерную черту частной собственности, т. е. превратив ее из личной собственности в безличную, и установив капиталистический коллективизм, который, в противоположность первобытному коллективизму, не происходит из коммунизма, а подготавливает его.

Из ранее сказанного видно, что частная собственность в эпоху первобытного коммунизма появляется и может появиться только, как исключительно личная: чтобы обладать предметом, надо его сделать и постепенным употреблением как бы присоединить к себе, тогда в полном смысле слова *собственность — это продукт труда*.

Первыми предметами, ставшими частной собственностью, были: оружие, украшения, одежда, предметы домашнего обихода; раз владелец сам строил дом, то этот дом ему и принадлежал, а также и окружающая его земля и та, на которой он стоял. Война увеличила число этих предметов; они хотя и не созданы обладателем, но приобретены с опасностью для жизни; это — *peculium castrense* членов римской семьи. Частная собственность носила настолько личный характер, что после смерти владельца ее сжигали вместе с его трупом.

Этот личный характер частной собственности, давший ей возможность проникнуть в коммунистические племена и поддерживавший ее во все время развития, до того проник в человеческое сознание, что, благодаря социальной иллюзии, и теперь еще частная собственность считается продуктом труда ее владельца, а защитники капитала

считают ее — может быть искренне — личной по своему характеру *.

И однако капиталистическая собственность совершенно потеряла личный характер: владелец не только не создает ее сам, но и не пользуется ею; он со всех точек зрения чужд ей. Капиталистическая собственность безлична.

Финансы уничтожили последнюю завесу, скрывавшую эту безличность.

Акционер или владелец облигаций капиталистического предприятия полностью оторван от своей собственности; он никогда не соприкасается с ней; ему не нужно ни видеть, ни знать, в каком месте земного шара она находится, не надо ее себе даже представлять; он видит, трогает, знает и представляет себе только куски отпечатанной разноцветной бумаги.

Воссоздание коллективной формы собственности могло совершиться только на почве разрушения личного характера частной собственности. При кровнородственном коллективизме жители одной деревни, объединенные кровными узами, совместно владеют всей землей, в личном же, временном пользовании у них находятся ежегодно определяемые пашни и полученный с них урожай; леса, дуга и воды неделимы, и пользуются ими сообща. При капиталистическом коллективизме, владельцы акций и облигаций, не соединенные узами родства и даже национальности, не знакомые даже друг с другом, сообща владеют предприятием (железной дорогой, прядильней, домен-

* Папа римский, полагая, что в наш положительный век поучать народ о таинствах католической церкви будет только потерей времени, взялся защищать капиталистическую собственность. И он это делает как самый вульгарный из экономистов. «Частная собственность полностью соответствует природе, — заявляет он... — Что происходит, когда человек употребляет силы своего духа и тела на добывание благ природы? Он, так сказать, присоединяет себе ту часть телесной природы, которую он обрабатывает, и он оставляет в ней свой отпечаток, так что является вполне справедливым, чтобы она принадлежала ему... Сила такого рассуждения настолько очевидна, что удивительно, как еще некоторые люди, держащиеся устарелых взглядов, могут ему противоречить. Причем они признают за отдельным человеком право пользоваться землей и ее плодами, но отказывают ему в праве быть собственником земли, на которой он построил свое жилище, и участка, который он обрабатывает. Разве они не видят, что отнимают этим у человека плоды его собственных трудов?» (Энциклика «De conditione operificum»). Лев XIII не видит, что, критикуя плохо известные ему коммунистические теории, он осуждает капиталистическую собственность, которую хочет защищать.

ными печами, рудниками и т. д.). Оно неделимо в силу обстоятельств, хотя владельцы его рассеяны по разным местам; они непосредственно не пользуются и не могут пользоваться своей собственностью, но зато каждый в отдельности получает с нее доходы, не вкладывая ни малейшего труда*.

Собственник при кровнородственном коллективизме был действительным владельцем, он сам пользовался своей собственностью и получаемый им доход соответствовал расходу «его духа и тела». При капиталистическом коллективизме владение чисто номинально; собственник становится настоящим паразитом, потому что он отнюдь не своим трудом извлекает из собственности доходы, которыми он пользуется; он и сам спешит объявить свой паразитизм, пуская в оборот свои акции и облигации на бирже, где они иногда по нескольку раз в день переходят из рук в руки**. Ротшпильды большие и маленькие доказывают на практике его полную бесполезность, выманивая биржевой игрой и другими фокусными приемами акюотажа его акции и облигации и концентрируя в негоряемых шкафах финансистов доходы с капиталистических предприятий.

Когда барон жил в своем укрепленном замке среди вассалов, творя суд в мирное время, а при малейшей тревоге надевая доспехи и становясь во главе воинов для

* Слово «коллективизм», употребленное Коллинсом в специальном смысле, было пущено в обращение Депапом, христианским социалистом Шеффле и анархистом Бакуниным. Оно было введено во Франции, но смысл этого слова был еще неясен. Это дало возможность нашим противникам упрекать французских социалистов в желании возвратиться к коллективизму русского «мира», то есть к изжившей уже себя форме собственности. Но со времени второй *Égalité* (1880), когда теории Маркса и Энгельса получили распространение, слово «коллективизм» стало означать коммунизм и его уже не нашли нужным выводить из употребления.

** В начале капиталистического производства, когда владелец исполнял роль организатора и управляющего, Адам Смит мог еще с некоторым основанием признавать за капиталом право на результаты труда в виде процента, земельной ренты и промышленной прибыли, уверяя, что капиталист оказывает услуги добродетелью воздержания и организаторскими способностями. Но разрыв Меруа-Болье, Роше и другие его последователи, доведшие его идеи до абсурда, должны бы были найти что-нибудь менее смешное теперь, когда собственность, достигшая высшей степени текучести, может переходить из рук в руки на бирже, не оставляя следов своего происхождения и не вызывая этой постоянной сменой хозяев никаких изменений экономического характера.

защиты своих людей, дворянство было весьма полезным классом, и его нельзя было бы уничтожить. Но, как только в стране водворилось относительное спокойствие, сеньоры, сделавшись бесполезными, покинули свои земли и стали жить при королевских, епископских и герцогских дворах; там они в конце концов образовали чуждое стране паразитическое тело: с этой минуты был пропнесен смертный приговор аристократии. Хотя и не во всех цивилизованных странах Европы дворянство было так грубо истреблено, как во Франции, но везде оно потеряло свои феодальные привилегии и смешалось с буржуазией, из которой оно выделяется только своими смешными аристократическими претензиями.

Дворянство, как господствующий класс, исчезло. Та же участь постигнет капиталистов. В тот день, когда капиталист стал не нужен производству, был подписан смертный приговор всему классу капиталистов: те же экономические явления, которые подготовили этот приговор, позаботятся о его исполнении. Капиталистам, которые переживут падение своего класса, не останется в утешение даже таких смешных привилегий, как у сеньоров.

VIII. ВОЗВРАТ К КОММУНИЗМУ

Человечество прогрессирует не по прямой линии, как это думал Сен-Симон; подобно небесным телам вокруг центра притяжения, подобно листьям вокруг стебля, движение его описывает постепенно увеличивающуюся спираль. Оно с необходимостью возвращается к соответствующим точкам и тогда снова показываются те старые формы, которые, казалось, совсем исчезли; но формы эти являются уже сильно измененными последовательным воздействием на них социальных и экономических явлений, имевших место в соответствующий промежуток времени.

Возродившая коллективизм капиталистическая цивилизация неизбежно приведет человечество к коммунизму.

Человеческое общество, развившееся из простого и грубого коммунизма доисторических времен, возвращается к сложному, научному коммунизму; его элементы подготавливает капиталистическая цивилизация после того, как она уничтожила личный характер частной собственности.

Находившиеся прежде у отдельных ремесленников орудия производства вырваны из их рук, централизованы,

обобществлены в гигантских фабриках и колоссальных формах. Труд потерял личный характер. Ремесленник работал самостоятельно у себя, пролетарий работает сообщая на заводе; получающееся произведение является продуктом *общего*, а не частного труда.

Ремесленник лично владел орудиями и продуктом своего труда, так как он работал самостоятельно; пролетарий не может лично владеть ни орудиями, ни продуктом производства, так как он не в состоянии один привести машины в движение и создать товар; он должен работать совместно, как бы в «общине» рабочих.

Владеть машинами и произведенным ими продуктом можно только сообща, потому что и орудия производства, и продукт не могут быть созданы и употреблены в дело одним частным лицом, а это — единственные условия, узаконивающие частную собственность. Общество капиталистов владеет ими на правах частной собственности только временно. Эта ничем не оправданная узурпация неизбежно должна прекратиться. Сама капиталистическая цивилизация заботится о ее прекращении, постоянно централизуя общественное имущество, благодаря чему все уменьшается количество узурпаторов, создавая, собирая, подготавливая и организуя тот класс, который должен окончательно лишит узурпаторов присвоенных ими богатств.

По мере того, как концентрируются орудия производства, происходит концентрация рабочего класса. Работающий в крупной промышленности пролетарий, лишенный своих прежних орудий и навыков, владеет только предметами личного пользования в виде пищи, одежды, мебели. Его ум, освобожденный от инстинкта собственности, порожденного веками ремесленничества, без его ведома подготавливается к восприятию коммунистических идей, которые ему приносят пропагандисты-социалисты, не выдумывая их, а только абстрагируя из явлений окружающего мира.

То, что пролетарии скопляются десятками и сотнями тысяч в одном месте, облегчает их организацию для экономической и политической борьбы.

Пролетариат физического и умственного труда, класс, который, овладев государственной властью, покончит с капиталистической узурпацией и распространит на общество коммунистическую форму, которую приняли уже централизованные орудия производства, этот класс был соз-

дан, объединен и организован самими капиталистами. Обществу легко будет признать коммунизм — об этом в значительной степени уже позаботилась капиталистическая цивилизация.

Социалисты, до 1848 года озабоченные вопросом организации труда, пытались выдумать ее из головы. Но она была медленно и искусно осуществлена фабричным производством, крупной торговлей и финансами,сообразно потребностям производства и обмена, в банках, универсальных магазинах, капиталистических предприятиях, фабриках и разных дополняющих друг друга производствах, где под управлением одного капитала сырье проходит все стадии промышленной обработки. Теперь, когда весь умственный и физический труд на производстве выполняется не собственниками, а лицами наемного труда, общенациональная администрация сможет без особых усилий и не нарушая производственного процесса заменить собою капиталистическое управление. Весь переворот ограничится тем, что доходы станут поглощаться не бездельниками, а пойдут на увеличение благосостояния производителей*.

Не только организация труда установлена, но и контроль над производством уже намечается. Действительно, хотя капиталистическое производство и анархично, то есть каждый промышленник производит, чтобы производить, не учитывая даже затоваривание рынка, однако в конце прошлого столетия была создана наука статистика, которая служит выяснению потребностей рынка и имеющегося количества товаров. Статистика, которой теперь пользуются только спекулянты, чтобы эксплуатировать производителей и потребителей, должна дать возможность контроля над производством и его регулирования в соответствии с потребностями общества, подобно тому как

* Противники социализма, которые спорничают в невежестве и недобросовестности, утверждают, что коммунисты предлагают отобрать у крестьянина-собственника землю, а у мелкого люда свободу и сбережения. Они сами не замечают, что они их обвиняют в намерении совершить преступления, которые ежедневно совершают капиталисты, монополизировав землю, выманивая сбережения и заточая пролетария в промышленную каторгу, где у него отнимают время от обеда, сна и удовлетворения самых необходимых нужд, где запрещают пить и говорить и превращают человека в автомат, двигающий руками и ногами, только чтобы следовать движениям машины.

хозяйка запасается продуктами в соответствии с числом людей, которых она должна накормить *.

Коммунизм может снова появиться в эволюции человечества только в тот момент, когда будет возможно удовлетворить все нормальные физические и умственные потребности человека, так как деление равных вначале людей на эксплуатирующих и эксплуатируемых возникло именно из-за невозможности для зачаточной промышленности и земледелия первобытного коммунизма удовлетворить потребности, растущие вместе с увеличением числа людей и их социальным прогрессом. Но механика и химия, примененные к промышленности, так усилили производительность человеческого труда, что в настоящее время нет нормальных потребностей, которых бы нельзя было удовлетворить даже с изышком.

Коммунизм, предполагающий уничтожение классов и равенство всех членов общества, как мужчин, так и женщин, не мог возродиться, пока существовало разделение труда, разделяющее полы, не дававшее женщинам места в служении обществу и занимавшее ее исключительно хозяйственными заботами под супружеским ярмом. Оно же делило людей на классы, из которых одни занимались защитой и управлением, другие же были обречены быть рабами, колонами, крепостными и пролетариями, подразделенными на тысячи специальностей в производстве.

Машина уничтожает разделение труда и уравнивает мужчину и женщину в работе.

* Спекулянты — космополиты в торговле хлебом, хотя и не думают о регулировании производства хлеба, однако очень хорошо осведомлены о годовом урожае зерновых во всем мире и точно знают, насколько он больше или меньше обычных потребностей населения.

Фабриканты бумаги в настоящее время делают попытку регулировать производство в зависимости от потребления. В октябре 1894 года фабриканты бумаги Франции, Германии, Англии, Норвегии, Австро-Венгрии, Бельгии и Нидерландов собрались в антверпенской ратуше; они высказали идею, что для уничтожения переизводства, которое подрывает их доходы, нужно ограничить производство размерами спроса и даже, если понадобится, сделать еще ниже. В Брюсселе заседает комиссия, в состав которой входят по три представителя от каждой страны; ей поручено изучить пути и способы достижения этого результата. Но так как на каждом буржуазном конгрессе всегда присутствует лицемерие, то эта попытка международного регулирования производства в отрасли, централизованной в руках небольшого числа капиталистов, изображается как средство улучшения положения рабочих, которым обещают свободный день в неделю — воскресенье.

Она завладевает всеми отраслями производственной деятельности и превращает их в механические фабрики. Наступит день, когда будет одно лишь универсальное занятие — быть механиком. Мужчины и женщины, с детства обученные обращению с машинами, будут в состоянии переходить с таким же успехом от производства полотна к шитью или к вспашке, одним словом, заниматься всеми видами механизированного труда, что будет весьма полезно для их физического и умственного здоровья, вместо того чтобы всю жизнь прозябать как бы заключенными в одной специальности подобно средневековым ремесленникам.

Машина, заставившая производителя стать автоматом, гнущая его под притупляющим бременем чрезмерной работы, экономической бедности и физиологической нищеты, призвана вернуть ему свободное время, которым располагали первобытные люди, заменить его участь тяглового скота при капиталистической цивилизации жизнью свободного человека, которую вели дикари и варвары коммунистических племен.

И женщины, и мужчины при капиталистическом строе лишены прав, искалечены нравственно и физически, пригвождены к труду, который по мере того, как ухудшаются его условия, становится все однообразнее, стиснуты в одно ремесло, одну профессию, как нога китайки в фарфоровый башмак, страдают от классовых предрассудков, опутаны заповедями собственнической и половой морали; они получают возможность гармонически развивать свои мускулы и мозг, уравнивать свои страсти и станут свободными и полноценными существами, какими были дикари, только в коммунистическом обществе, которое родится из капиталистического строя. Но они будут гораздо более сложными существами. На месте унижающего равенства чрезмерной работы и цивилизованной нищеты воцарится неравенство природных качеств, которые получают все средства к развитию: об этом неравенстве несколько не заботится капиталистическая цивилизация, а между тем она является непременным условием совершенствования вида, прогрессирующего только благодаря дифференциации индивидуумов, благодаря созданию и закреплению разновидностей.

Капиталистическая цивилизация, намечившая экономическую форму коммунизма, вводит также в область

политики и общественности коммунистические учреждения и нравы.

Всеобщее голосование, которым пользуются дикари, как мужчины, так и женщины, при выборе сахемов (sachems) и военных вождей, было уничтожено, но теперь оно снова восстановлено, правда, для одного только пола, буржуазией, которая его провозглашает единственным источником государственной власти. Оно предполагает, хотя и фиктивно, равенство и свободу граждан, существовавшие действительно при первобытном коммунизме.

В коммунистических племенах жилища были общие, обеды общие, дети также воспитывались сообща. В коммунальных школах (écoles communales) дети также учатся вместе на средства коммуны; там же, где есть социалистические муниципалитеты, их кормят вместе за счет коммуны. В ресторанах же сообща обкрадывают и отравляют цивилизованных людей, которые живут вместе в семи- и восьмизатжных домах.

Если до сих пор всеобщее голосование является только обманом, если дома такие, что люди в них чахнут и болеют, если коммунистические по форме учреждения устроят шиворот-навыворот, т. е. направлены против тех, кто ими вынужден пользоваться, то это только потому, что все эти учреждения введены в буржуазном обществе лишь на пользу капиталистов. Но несмотря на все их несовершенства и неудобства, они все-таки сглаживают и уничтожают индивидуалистические чувства цивилизованных народов и приучают их к обычаям и нравам коммунизма.

Капитал не имеет отечества; он бросается всюду, куда зовет его прибыль; он эксплуатирует производителей без различия рас и национальностей; в промышленных, торговых и финансовых предприятиях он их переплетает, смешивает и соединяет. Везде, где он внедряется, он учреждает одну и ту же культуру, те же нравы и те же привычки. Он заражает своих обладателей одинаковыми эгоистическими интересами, одинаковой жаждой наживы, наделяет рабочих одинаковой бедностью и чрезмерной работой; он влагает в их сердца одинаковую жажду возмущения, которая через моря и границы объединяет их в один интернациональный класс — пролетариат. Этот класс везде организуется и действует, чтобы занять место под солнцем и завоевать государственную власть.

Коммунизм, который непременно, неизбежно должен родиться из этого революционного напора цивилизованных народов, может быть только международным, и он обнимет всех членов человеческой семьи. Будучи похожим на первобытный коммунизм, он будет от него также и отличаться; в тесный круг прежнего коллективизма входили ведь только члены одного рода, одного племени; все остальные люди, не связанные с ними кровными узами, были чужие, враги.

Международный коммунизм, как дитя в утробе матери, растет и движется в современном обществе. Экономические и политические события, момент наступления которых невозможно предвидеть, сломают окутывающую и стесняющую его капиталистическую оболочку, и тогда он явится на свет и утвердится как неизбежная социальная форма.

Коммунизм был колыбелью человечества при выходе его из животного состояния; в нем и только в нем оно могло вырасти и сделать первые и наиболее трудные шаги. Эта эпоха осталась «золотым веком», «земным раем» в воспоминании народов: это воспоминание иногда затемнялось, но никогда не исчезало из их представления; в трудные минуты истории оно снова возрождается; мыслители в благородных утопиях мечтают о нем, деятели жертвуют собой, чтобы ускорить его возврат. Но ни чары утопий, ни героизм жертв не могли вернуть коммунизм; там, где сила людского ума спасовала, все удалось сделать грубой силе экономических явлений.

Казалось, человек только затем покорил и приручил силы природы, игрушкой которых он был, чтобы понасть в тяжелое рабство к силам искусственным или экономическим, порожденным им же самим; и силы природы, превращенные в экономические силы, мстя за свое возрастающее промышленное рабство, налагали на людей ярмо рабства экономического.

Свободно разгулявшиеся экономические силы играют человеком, как ураган соломинкой, и, будучи страшнее ветров, они вносят бурю в человеческое общество. В течение долгих веков периода собственности они мучили, терзали человечество, которое не могло их подчинить себе. И однако эти самые безжалостные, разнузданные, слепые экономические силы способствуют, без ведома людей, даже вопреки им, возврату коммунизма. Коммунизм

возрождается не только в умах мыслителей и фантазии народов, жаждущих мира и счастья, он появляется и в экономической действительности; он окружает нас в промышленности и в земледелии, обвивает нас в нравах и учреждениях; он формирует сознание людей и поднимает массы пролетариата. Коммунизм существует в скрытом виде в глубинах экономической жизни и ждет только рокового часа революции, чтобы проявиться наружу.

Близок час, так жадно и напрасно ожидаемый в течение бесчисленных веков. Еще немного, и человечество вернется к коммунизму; оно найдет свое потерянное счастье и омоется от низких интересов и страстей, эгоистических и антисоциальных нравов собственнического периода. Оно победит тогда еще бесконтрольные экономические силы и доведет до совершенства лучшие и благороднейшие качества человека.

Счастливы, трижды счастливы люди, которым суждено увидеть это обновление!

*Печатается по тексту книги:
П. Лафарг «Собственность и ее
происхождение», 1923.*

*Сверено с парижским изданием книги
«La propriété origine et évolution», 1895*

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Партикуляризм* — стремление отдельных областей государства к возможно большей независимости от центра. — 12.

² *Филантропы* — буржуазные общественные деятели, пытающиеся путем лицемерной, унижительной помощи «бедным» замаскировать паразитизм капиталистического общества и отвлечь трудящихся от классовой борьбы. — 13.

³ *Аристотель* (384—322 до н. э.) — видный мыслитель древности; в философии колебался между материализмом и идеализмом; идеолог класса рабовладельцев. — 13.

⁴ *Шальмель-Лакур*, Поль Армен (1827—1896) — видный французский политический деятель и журналист буржуазно-республиканского направления, философ-идеалист; в своих философских работах выступал с проповедью неверия в человеческие силы, в невозможность лучшего будущего, проповедовал крайний индивидуализм. — 16.

⁵ *Гегель*, Георг Вильгельм Фридрих (1770—1831) — крупнейший представитель немецкой классической философии, объективный идеалист, наиболее всесторонне разработал идеалистическую диалектику. — 18.

⁶ *Антиномия* — противоречие между двумя взаимоисключающими положениями, каждое из которых признается истинным. — 18.

⁷ *Антитезис* — логическое суждение, противопоставляемое другому, исходному суждению, тезису; в идеалистической диалектике Гегеля — вторая из 3-х ступеней т. н. триады (тезис, антитезис, синтез). — 18.

⁸ *Цицерон*, Марк Туллий (106—43 до н. э.) — выдающийся римский оратор и государственный деятель. — 20.

⁹ *Гоббс*, Томас (1588—1679) — выдающийся английский философ, представитель механистического материализма; социально-политические воззрения Гоббса отличались резко антидемократическими тенденциями. — 22.

¹⁰ *Теократия* — форма правления, при которой духовенству, жрецам и т. д. принадлежит вся политическая власть. В настоящее время таким государством является Ватикан. — 25.

¹¹ *Молинали*, Гюстав (1819—1911) — бельгийский экономист буржуазно-радикального направления; наиболее известна его книга «Экономическая эволюция», вышедшая в 1880 году. — 27.

¹² Речь идет о французской буржуазной революции, уничтожившей феодальный способ производства во Франции. — 27.

¹³ Лафарг имеет в виду жестокую расправу французской буржуазии с пролетариатом Парижа: подавление контрреволюционной буржуазией июньского восстания парижских рабочих 1848 г. и

разгром в мае 1871 г. Парижской коммуны — первого пролетарского государства, созданного 18 марта 1871 года в результате пролетарской революции в Париже. — 28

¹⁴ *Коммуна* — низшее административное деление во Франции. — 30.

¹⁵ *Спенсер*, Герберт (1820—1903) — английский буржуазный философ и социолог, противник социализма, переносил биологическое учение о борьбе за существование на человеческое общество. Учение Спенсера используется современной реакционной философией. — 32.

¹⁶ Имеется в виду государство ацтеков на территории современной Мексики и государство инков в Южной Америке, охватывающие территорию современного Перу, Боливии и др., захваченные в первой половине XVI в. отрядами испанских завоевателей (конкистадорами).

Лафарг ошибается, считая, что в этих государствах существовал первобытный коммунизм: это были рабовладельческие государства. — 34.

¹⁷ *Мэн*, Генри Джеймс (1828—1888) — буржуазный социолог и юрист, профессор. Его книга «Деревенские общины Востока и Запада», в которой он описывает остатки общинного строя в разных странах, вышла в 1871 году. — 35.

¹⁸ *Локк*, Джон (1632—1704) — выдающийся английский философ-дуалист, буржуазный экономист. — 35.

¹⁹ *Гладстон*, Уильям Юарт (1809—1898) — английский государственный деятель, неоднократно занимал пост премьер-министра и другие министерские посты, лидер либеральной партии. — 36.

²⁰ *Илиада* — древнегреческая эпическая поэма, авторство которой приписывается легендарному поэту Древней Греции Гомеру, сложилась на основе народного творчества. В поэме изображается осада Трои. — 38.

²¹ *Декартовская школа* — так называли последователей выдающегося французского философа Рене Декарта. — 39.

²² *Геркулес* — герой древнегреческих мифов. — 39.

²³ *Литтре*, Эмиль (1801—1881) — французский буржуазный философ, филолог и реакционный политический деятель; автор «Истории французского языка» и большого «Словаря французского языка». — 40.

²⁴ *Дидро*, Дени (1713—1784) — выдающийся французский философ, представитель механистического материализма, атеист, один из идеологов французской революционной буржуазии. В 1751—1780 гг. возглавлял издание «Энциклопедии», в которой пытался применить материализм ко всем областям знаний. — 40.

²⁵ *Мерсье*, Луи Себастьян (1740—1814) — французский писатель, участник французской революции конца XVIII в., автор ряда философских романов, бытовых драм и других произведений. — 41.

²⁶ *Цезарь*. Гай Юлий (ок. 100—44 до н. э.) — знаменитый римский полководец и государственный деятель. Его «Записки о Галль-

ской войне» являются одним из основных источников изучения быта древних германцев. — 43.

²⁷ *Морган*, Льюис Генри (1818—1881) — выдающийся американский ученый, этнограф, археолог и историк. Работы Моргана, посвященные быту индейцев, высоко оценивались Марксом и Энгельсом. — 43.

²⁸ Выражение «человек — это животное, делающее орудия» — принадлежит выдающемуся американскому политическому деятелю, дипломату и крупному ученому Вениамину Франклину (1706—1790). — 41.

²⁹ *Плутарх* (ок. 46—126) — древнегреческий писатель, интересовавшийся в основном вопросами морали. В его «Сравнительных жизнеописаниях» имеется биография крупного политического деятеля Древнего Рима Марка Порция Катона Старшего (234—149 до н. э.), одного из идеологов рабовладельческого общества. — 45.

³⁰ *Вико*, Джамбаттиста (1668—1744) — крупный итальянский буржуазный социолог. В своей работе «Основания новой науки об общей природе наций» (1725, русский перевод 1940) Вико выступает с теорией круговорота, по которой все народы переживают, по его мнению, три периода, соответствующие трем периодам жизни человека: детство, юность и зрелость. Детству, по Вико, соответствует «период богов», когда люди живут в состоянии дикости; юность — «героический период», когда создаются аристократические государства; зрелость — «человеческий период», эпоха демократических республик и ограниченных монархий, являющихся, по существу, буржуазным обществом, рассматривается им как высший этап развития человечества. — 47.

³¹ *Файсон*, Лоример (1832—1907) — английский миссионер на островах Фиджи и в Австралии, антрополог, автор весьма ценных научных работ по жизни австралийских племен. *Хауитт*, Альфред Уильям (1830—1908) — английский антрополог и историк Австралии. — 48.

³² *Платон* (ок. 427 — ок. 347 до н. э.) — древнегреческий философ-идеалист, идеолог рабовладельческой аристократии. — 50.

³³ Бушменами называют группу племен, живущих в Южной Африке, в XIX в. находились на уровне первобытно-общинного строя. — 51.

³⁴ *Дарвин*, Чарлз Роберт (1809—1882) — великий английский естествоиспытатель. В 1831—1836 гг. Дарвин совершил кругосветное путешествие на судне «Бигль». Книгу Дарвина об этом путешествии в данном случае и имеет в виду Лафарг. — 51.

³⁵ *Лаперуз*, Жан Франсуа (1741—1788) — французский мореплаватель, исследовал многие районы Тихого океана. — 52.

³⁶ *Геродот* (ок. 484—425 до н. э.) — древнегреческий историк, в своей «Истории греко-персидских войн» дал описание жизни древних греков, персов и других народов, с которыми приходилось сталкиваться грекам. — 53.

³⁷ *Шлиман*, Генрих (1822—1890) — видный немецкий археолог. В 1870—1886 гг. проводил крупные раскопки в Греции и Малой Азии. В данном случае речь идет о его раскопках в Микенах. — 53.

³⁸ *Гераклид Понтийский* (4 в. до н. э.) — древнегреческий философ. — 55

³⁹ *Сисситии* (у спартацев — фидитии) — обязательные общие трапезы полноправных граждан в некоторых государствах Древней Греции. — 56

⁴⁰ *Мойры* — в древнегреческой мифологии три богини судьбы (три сестры — Клото, Лахесис и Атропос). — 56.

⁴¹ *Минос* — легендарный царь Древнего Крита. *Итал* — легендарный царь древних этров (так греки называли жителей юго-западной части Южной Италии) — 56.

⁴² *Стагирийский философ* — Лафарг имеет в виду Аристотеля, который был родом из Стагира во Фракии. — 56.

⁴³ *Дионисий Галикарнасский* — древнегреческий историк, в своей «Римской археологии» приводит некоторые традиционные сказания из ранней римской истории. — 56.

⁴⁴ *Курии* — группы, на которые делились граждане Древнего Рима, каждая курия состояла из 10 родов, имела свои святыни и жрецов. Десять курий составляли трибу. Всего в Риме было три трибы. — 56.

⁴⁵ *Ромул* — по римскому преданию, основатель города Рима и первый римский царь. *Ликург* — легендарный законодатель Древней Спарты, с его именем спартацы связывали свои основные и наиболее древние обычаи. — 56.

⁴⁶ «*Одиссея*» — древнегреческая эпическая поэма, приписываемая Гомеру, рисует народную жизнь эпохи разложения родового строя. Основная тема поэмы — возвращение одного из героев Троянской войны Одиссея на родину. — 57.

⁴⁷ *Ксенофонт* (ок. 430 — ок. 355 до н. э.) — древнегреческий историк, противник афинской демократии, поклонник аристократической Спарты; его работы дают ценный материал по истории народов средиземноморья. — 57.

⁴⁸ *Кэтлин*, Джордж (1796—1872) — американский художник, составил серию бытовых рисунков из жизни американских индейцев. — 58.

⁴⁹ *Меркантилизм* — в данном случае торгашество. Так называется также политика ряда европейских государств в XV—XVIII вв., направленная на увеличение денежного капитала внутри страны путем торговли. — 59.

⁵⁰ *Тацит*, Корнелий (ок. 55 — ок. 120) — древнеримский историк, его работы являются одним из основных источников по истории социального и общественного строя древних германцев. — 60.

⁵¹ *Стэнли*, Генри Мортон (настоящая фамилия Джон *Роулендс*) (1841—1904) — английский путешественник, исследователь Африки, колонизатор. *Бриза*, Пьер Поль Франсуа Камил (1852—1905) — исследователь Африки. — 60.

⁵² *Шарльвуа*, Пьер Франсуа Кавьер (1682—1761) — французский миссионер, несколько лет прожил в Канаде, оставил богатое фактами описание этой страны. — 60.

⁵³ *Лаонтан* (ок. 1666 — ок. 1715) — барон, французский офицер, много путешествовал по Северной Америке. Его описания этих путешествий дают интересный материал по быту индейцев. — 61.

⁵⁴ Лафарг здесь ошибается. Как убедительно доказал еще Энгельс в своей работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства», государство возникает лишь с появлением частной собственности и разделением общества на классы, как орудие угнетения одного класса другим. Государство инков в Перу было рабовладельческим государством.

Ошибается Лафарг и в оценке первобытного коммунизма. Первобытный коммунизм, связанный с крайне примитивными орудиями труда, является низшей ступенью человеческого общества и далеко не означает «благоденствия миллионов людей». — 61.

⁵⁵ *Прескотт*, Уильям Хиклинг (1796—1859) — американский буржуазный историк, автор работ по истории Испании и испанских завоеваний в Америке, в которых уделено большое внимание истории древних культур Мексики и Перу. — 62

⁵⁶ *Акведук* — сооружение в виде моста, поддерживающего водопровод, когда воду сужно провести через глубокие долины, овраги и т. п. — 62.

⁵⁷ *Кито* и *Куско* — города государства инков в Южной Америке. Куско был столицей государства инков. — 63.

⁵⁸ *Лев XIII* (1810—1903) — римский папа (1878—1903), в своих энцикликах (посланиях к верующим) выступал с клеветой на социалистов, призывал к борьбе с социалистами путем создания католических партий и профсоюзов. — 64.

⁵⁹ *Иегова* — бог в иудейской религии. — 64.

⁶⁰ Лафарг цитирует 12 главу I тома «Капитала» Маркса. См. *К. Маркс*, «Капитал», т. I, Госполитиздат, 1955, стр. 359. — 66.

⁶¹ *Арийцы* — распространенное обозначение иранских и индийских народностей. В данном случае речь идет об индийцах. — 66.

⁶² *Законы Ману* — древнеиндийский сборник предписаний, определяющих обязанности и общественный долг каждого индйца в соответствии с догматами религии. Составление законов приписывается Ману — мифологическому родоначальнику людей. Законы защищали интересы рабовладельцев. — 66.

⁶³ *Александр Македонский* (356—323 до н. э.) — знаменитый полководец и государственный деятель древнего мира. — 67.

⁶⁴ *Диодор Сицилийский* (ок. 80—29 до н. э.) — древнегреческий историк, известен сочинением «Историческая библиотека», в котором излагается всемирная (особенно греческая) история с древнейших времен до середины I в. до н. э. — 67.

⁶⁵ *Пуэбло* (жилище) — название, данное испанскими завоевателями домам-селениям (вмещавшим до тысячи человек) оседлых земледельческих племен индейцев, живших на юго-западе Северной Америки. В каждом доме жила родовая община, причем каждая семья имела отдельную комнату. — 68

⁶⁶ *Солнце* являлось верховным божеством у ипков; так называемые «земли Солнца» фактически принадлежали жрецам, управлявшим страной. — 68

⁶⁷ *Солон* (ок. 638—558 до н. э.) — знаменитый афинский законодатель, под давлением народных масс провел ряд законов, направленных против родовой аристократии. — 70.

⁶⁸ *Фукидид* (ок. 460 — ок. 400 до н. э.) — крупнейший древнегреческий историк, автор «Истории Пелопоннесской войны». — 70.

⁶⁹ Речь идет о написанной Ф. Энгельсом в 1884 г. работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства». — 72.

⁷⁰ *Бенефиций* — в средневековой Западной Европе так называлось условное владение землей вассалом, получавшим от сеньора участок земли, за который он был обязан нести военную службу — 73

⁷¹ *Руссо*, Жан Жак (1712—1778) — выдающийся французский просветитель, демократ, идеолог мелкой буржуазии. — 80.

⁷² *Кутюмы* — буквально, обычай; так называлось местное обычное право в феодальной Франции. Кутюмы в основном касались имущественных и семейных отношений. — 80.

⁷³ *Законы 12 таблиц* — древнейшее собрание римских законов, составленных ок. середины V в. до н. э. в результате борьбы простого народа (плебса) против знатных римлян (патрициев), свое название получили в связи с тем, что законы были записаны на 12 досках (таблицах). — 81.

⁷⁴ *Вендетта* — месть, обычай кровавой мести за убийство кровного родственника. — 82.

⁷⁵ *Эвклид* — древнегреческий философ, математик, автор первого из дошедших до нас трактатов по математике. — 82.

⁷⁶ *Ленге*, Симон Никола Анри (1736—1794) — французский политический деятель и публицист, один из идеологов французской буржуазии накануне революции конца XVIII века. — 82.

⁷⁷ *Монтескьё*, Шарль (1689—1755) — французский буржуазный социолог, экономист и писатель, теоретик конституционной монархии, автор известной книги «Дух законов». — 82.

⁷⁸ *Овидий* (Публий Овидий Назон) (43 до н. э.— ок. 17 н. э.) — выдающийся римский поэт. — 82.

⁷⁹ «*Второзаконие*» — одна из книг Библии, по преданию приписывается древнееврейскому пророку Моисею, в действительности составлена неизвестным автором в VII в. до н. э.; содержит религиозное законодательство. — 82.

⁸⁰ *Церера* — богиня произрастания плодов у древних римлян. — 83.

⁸¹ *Сервитуты* — в феодальном обществе означали ограниченное право пользования чужой собственностью (землей), например, право проезда, собирания хвороста, выпаса скота, водопоя и т. п. на чужом участке. — 100.

⁸² *Роланд* — один из сподвижников франкского короля Карла Великого в его борьбе с маврами (арабами); погиб в 778 году в битве в Ронсевальском ущелье в Испании; герой французского национального эпоса («Песнь о Роланде»), в котором народ воплотил свой идеал патриота, благородного и бесстрашного воина. — 101.

⁸³ *Страбон* (ок. 63 до н. э. — ок. 20 н. э.) — крупнейший древнегреческий географ и историк, его «География» является ценным источником по истории и быту народов, известных древним грекам и римлянам. — 103.

⁸⁴ *Агамемнон* — один из героев «Илиады», легендарный царь Аргоса, предводитель ахейского войска во время Троянской войны. — 104.

⁸⁵ *Вильгельм I Завоеватель* (1027—1087) — герцог Нормандии, в 1066 г. с помощью наемного войска из нормандских и французских рыцарей завоевал Англию и стал ее королем. — 104.

⁸⁶ *Иннокентий III* (1161—1216) — римский папа (1198—1216), организатор захвата прибалтийских земель немецкими рыцарями (крестовый поход против ливов и пруссов) и истребительного крестового похода 1209—1215 гг. против альбигойцев, участников антикатолического и отчасти антифеодального движения, получивших название по одному из центров движения — городу Альби на юге Франции. В результате крестового похода Южная Франция подверглась жестокому разграблению. — 104.

⁸⁷ *Вобан*, Себастьян де Претр (1633—1707) — французский маршал, военный инженер, автор ряда экономических произведений. — 125.

⁸⁸ *Мабли*, Габриель (1709—1785) — выдающийся французский социолог, представитель утопического управительного коммунизма. — 126.

⁸⁹ *Жакерия* — крупнейшее антифеодальное крестьянское восстание во Франции в 1358 г., получило свое название по прозвищу «Жак-Простак», данное французским крестьянам. — 128.

⁹⁰ Речь идет о крупнейшем антифеодальном крестьянском восстании в средневековой Германии в 1525 году, так называемой крестьянской войне, одним из основных центров которой была Швабия. — 129.

⁹¹ Критикуя апологетов капиталистического общества, Лафарг в данном случае односторонне рассматривает французскую буржуазную революцию конца XVIII века, которая ликвидировала во Франции феодализм и расчистила путь для более прогрессивного, по сравнению с феодальным, капиталистического способа производства. — 131.

⁹² Лафарг имеет в виду эпизод из крупнейшего антифеодального крестьянского восстания во Франции в 1358 году, получившего свое название «Жаки» в связи с презрительной кличкой французского крестьянина «Жак-Простак». В июне 1358 года Этьен Марсель, вождь восставших, не оказал помощи крестьянам. Жакерия была потоплена в крови. — 138.

⁹³ Лафарг ошибается, считая торговлю принадлежностью только буржуазного общества. Торговля существует и в предшествующих общественно-экономических формациях; при капитализме она является одним из дополнительных средств обогащения класса капиталистов. — 140.

⁹⁴ Прудон, Пьер Жозеф (1809—1865) — французский публицист, экономист и социолог; идеолог мелкой буржуазии, один из родоначальников анархизма. — 140.

⁹⁵ Дизраэли, Бенджамин (1804—1881) — английский государственный деятель и писатель, лидер консервативной партии, неоднократно занимал пост премьер-министра и другие министерские посты — 163.

⁹⁶ Речь идет о гражданской революционной войне Северных, промышленно развитых штатов, с Южными, рабовладельческими, происходившей в США в 1861—1865 гг. Война закончилась победой Северных штатов и отменой рабства. — 164.

⁹⁷ Феллахи — название крестьян-земледельцев в арабских странах, в том числе и в Египте. — 164.

⁹⁸ Сюлли, Максимилиен де Бетюн (1559—1641) — французский политический деятель, в 1599—1611 гг. — сюринтендант (министр) финансов, путем уменьшения прямых и увеличения косвенных налогов укрепил финансовое положение государства. — 170.

⁹⁹ Кольбер, Жак Батист (1619—1683) — французский государственный деятель, практически руководил внешней и внутренней политикой Франции, проводил политику меркантилизма в интересах укрепления абсолютной монархии. — 170.

¹⁰⁰ Ло, Джон (1671—1729) — буржуазный экономист и крупный финансист; основал в 1716 году частный банк, ставший в 1720 г. государственным; спекуляции и всякие сомнительного рода предприятия, вроде попытки в 1718 г. колонизации Луизианы (Миссисипи) привели банк к полному банкротству. Сам Ло вынужден был бежать из Франции. — 171.

¹⁰¹ Энциклопедисты — группа наиболее передовых философов, ученых и публицистов, идейных предшественников французской буржуазной революции XVIII в., группировавшихся вокруг издания «Энциклопедии» (1751—1780) во главе с Дидро. — 172.

¹⁰² Лафарг имеет в виду ряд беспринципных политических деятелей французской буржуазной революции конца XVIII века, стремившихся к личному обогащению. Обогатившись в ходе революции, эти деятели перешли в лагерь контрреволюционной буржуазии. — 174.

¹⁰³ Речь идет о восстании парижских народных масс, 24 февраля 1848 г. свергнувших монархию Луи-Филиппа и установивших республику. Эти события послужили началом революции 1848—1849 гг. во Франции. — 178.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
ЗА И ПРОТИВ КОММУНИЗМА	12
СОБСТВЕННОСТЬ И ЕЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ	39
<i>Глава первая.</i> Формы современной собственности	39
I. Классификация форм собственности	39
II. Собственность личного пользования	42
III. Собственность — орудие производства	44
IV. Собственность — капитал	45
V. Метод	46
<i>Глава вторая.</i> Первобытный коммунизм	48
I. Происхождение личной собственности	48
II. Родовой коммунизм	50
III. Общественное жилище и стол	52
IV. Коммунистические нравы	57
V. Общинная собственность на землю	63
VI. Происхождение разделения труда	65
VII. Обработка земли сообща	67
VIII. Общая собственность на движимые имущества	69
<i>Глава третья.</i> Кровнородственный коллективизм	72
I. Раздробление рода на матриархальные и патриархальные семьи	72
II. Собственность кровнородственного коллективизма	75
III. Происхождение частной собственности на землю	80
IV. Происхождение правосудия и воровства	81
V. Основные черты коллективной собственности	85
VI. Крестьянские общины	90
VII. Дробление коллективной собственности	95

<i>Глава четвертая. Феодальная собственность</i>	100
I. Феодальная организация	100
II. Происхождение феодальной собственности	103
III. Происхождение церковной собственности	116
IV. Сущность феодальных повинностей	120
V. Способы расширения феодальной собственности	126
VI. Ограничения феодальной собственности (сервитут)	130
VII. Легенда о революции 1789 года	131
<i>Глава пятая. Буржуазная собственность</i>	139
I. Происхождение торговли	139
II. Мелкая промышленность и мелкая частная торговля	141
III. Мануфактура	146
IV. Капиталистическое сельское хозяйство	152
V. Капиталистическая промышленность и торговля	161
VI. Капиталистические финансы	169
VII. Капиталистический коллективизм	180
VIII. Возврат к коммунизму	183
<i>Примечания</i>	191

ПОЛЬ ЛАФАРГ
 ЗА И ПРОТИВ КОММУНИЗМА.
 СОБСТВЕННОСТЬ И ЕЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ
 В Ы П У С К 27

Редактор Э. В. Струков
 Перевод сверил М. Грецкий
 Оформление художника И. К. Байтодорова
 Технический редактор Ц. Л. Бейлина
 Ответственные корректоры А. М. Денисов и Г. Ф. Травушкина

Слано в набор 9 августа 1958 г. Подписано к печати 15 ноября 1958 г.
 Формат 84×108^{1/32}. Физ. печ. л. 6^{1/4}. Условн. печ. л. 10,25. Уч.-пзд. л.
 10,85. Тираж 115 тыс. экз. А07667. Заказ № 38. Цена 2 р. 50 к.

Государственное издательство политической литературы.
 Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Набрано в Первой Образцовой типографии имени А. А. Жданова Москов-
 ского городского Совнархоза, Москва, Ж-54, Валовая, 28.
 Отпечатано типографией «Красный пролетарий» Госполитиздата Мини-
 стерства культуры СССР. Москва, Краснопролетарская, 16.

13c.

2 - 50 - 2